Воронежский государственный университет
Центр коммуникативных исследований
Кафедра славистики Белградского университета
Кафедра русистики Варшавского университета

Коммуникативное поведение

Вып.28

Коммуникативное поведение славянских народов

Русские, украинцы,
белорусы, поляки, сербы

Варшава
2007

Сборник представляет собой очередную, двадцать восьмую публикацию Центра коммуникативных исследований Воронежского университета в рамках проекта «Коммуникативное поведение» и третий тематический сборник серии «Коммуникативное поведение», посвященный славянскому коммуникативному поведению (первый, серийный № 19, вышел в 2004, второй, № 22 – в 2006).

Настоящий сборник посвящен описанию коммуникативного поведения ряда славянских народов – русских, сербов, украинцев, словаков, поляков.

Сборник подготовлен совместно Центром коммуникативных исследований Воронежского университета, кафедрой славистики Белградского университета и кафедрой русистики Варшавского университета.

Для филологов, культурологов, специалистов в области славянских языков и культур, межкультурной коммуникации, всех интересующихся национальными особенностями общения разных народов.

Научные редакторы
проф. И.А.Стернин (Россия), проф. Л.Шипелевич (Польша).

© Коллектив авторов,
2007

Коммуникативное поведение. Вып. 28. Коммуникативное поведение славянских народов / Под ред. И.А.Стернина и Л.Шипелевич. Варшава. 2007.

Содержание

Коммуникативное поведение

Бубнова И.А. (Минск, Белоруссия) Русское и белорусское коммуникативное поведение: сходства и различия
Стернин И.А. (Воронеж, Россия) О некоторых особенностях польского коммуникативного поведения на фоне русского
Саломатина М.С. (Воронеж, Россия) Коммуникативная личность российского филолога
Беспамятнова Г.Н. (Воронеж, Россия) Коммуникативная личность русского телевизионного ведущего
Лазуренко Е.Ю. (Воронеж, Россия) Коммуникативная личность русского руководителя
Кончаревич Ксения (Белград, Сербия) Уставы российских монастырей XI-XVII вв. как материал для изучения коммуникативной культуры монашествующих
Гетте Е.Ю. (Воронеж, Россия) Опыт описания гендерного коммуникативного поведения носителей русского языка
Стернин И.А. (Воронеж, Россия) О некоторых особенностях польского академического общения
Линдстрем Елена (Швеция) Аффективные и фатические вопросы в русском языке
Маслова А.Ю. (СПб, Россия) Конвенциональные косвенные директивы в форме вопроса (на материале русского и сербского языков)
Зотова А.Б. (Воронеж, Россия) Способы выражения эмоций в русском коммуникативном поведении
Трущинская А.С. (Воронеж, Россия) Коммуникативное поведение в русском концепте *семья*

Языковое сознание

Войводич Дарья Д. (Нови-Сад, Сербия) Русская и сербская языковые картины мира через призму количественных отношений в паремиях
Прощенкова Н.В. (Благовещенск-на-Амуре, Россия) Контрастивный анализ национальной специфики украинской лексики
Зубкова Л.И. (Воронеж, Россия) Прецедентное имя в национально-культурном сознании русских
Атланова Е.О. (Борисоглебск, Россия) Концепт НОВОЕ СЛОВО в русском языковом и когнитивном сознании

Библиографический раздел

Исследования по коммуникативному поведению, опубликованные Центром коммуникативных исследований Воронежского университета (по 2006 г. включительно)

Коммуникативное поведение

И.А.Бубнова

Русское и белорусское коммуникативное поведение: сходства и различия

Введение

В основу данной статьи легли материалы, полученные в ходе экспериментального исследования, первоначальной целью которого было выявление сходных черт и различий в коммуникативном поведении русских и белорусов.

Несмотря на известное положение о существовании в каждом этнокультурном сообществе тенденции к сохранению своей специфичности, определяемой системой базовых знаний, мнений и верований, мы полагали, что эти два славянских народа существуют в едином информационном пространстве, где доминируют интегративные процессы, обусловливающие неразрывную близость их «картин мира» и поведения. Однако эксперимент опроверг наше исходное предположение, показав, что к настоящему времени у молодых представителей белорусского и русского этносов уже сложились как автостереотипы (представления о самом себе как некоторой культуры, «образ себя»), так и стереотипное восприятие друг друга. Причем все большую роль при этнической самоидентификации начинают играть когнитивные структуры *свой народ – чужой народ*, достаточно ярко реализующиеся в ходе эксперимента. Таким образом, анализ полученных данных позволил нам не просто выделить сходства и различия, как планировалось изначально, но представить мнение белорусов о сходствах и различиях коммуникативного поведения двух родственных славянских народов, проанализировать уже сложившийся национальный стереотип и выявить стереотипное восприятие молодыми белорусами русского этноса. Часть результатов проведенного анализа, посвященных автостереотипу и восприятию русских в белорусском национальном сознании, представлены в данной статье.

Под стереотипом в нашей работе понимается «некоторый процесс и результат общения (поведения) и конструирования поведения согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме» [Сорокин, 1978, 134]. Возникая в силу действия двух тенденций человеческого сознания – к конкретизации и редукционизму – стереотип формируется под влиянием социальных условий и предшествующего опыта, отличается схематичностью, устойчивостью и эмоциональной окраской и включает как организацию своего поведения, так и стереотипность восприятия поведения представителей другого этноса [Прохоров, 1997, 84]. Интегральным компонентом национального автостереотипа является коммуникативное поведение, представляющее собой совокупность норм и традиций общения народа, которые становятся очевидными только в сопоставлении с коммуникативным поведением другой нации [Стернин, 2000].

Не вызывает сомнения, что анализ автостереотипов, как и анализ гетеростереотипов (представления о других) позволяет лучше понять национальное самосознание, национальные ценности, образ мышления, а их знание облегчает, упрощает отношения, общение и понимание.

Целью нашего исследования являлось выявление различий между белорусским и русским коммуникативным поведением. Одним из этапов исследования, позволяющим реализовать поставленную цель, стало моделирование восприятия белорусами самих себя и стереотипа типичного русского в белорусском национальном сознании.

В качестве **исходного метода** для получения необходимых данных, позволившего нам дифференцировать основные представления белорусских информантов о русских, был принят метод анкетирования, который признан одним из эффективных методов изучения стереотипов восприятия. Дополнительным методом, применявшимся в исследовании, был метод свободного интервьюирования.

Процедура анкетирования и обработки данных

В эксперименте приняли участие 113 студентов трех белорусских высших учебных заведений: Минского государственного лингвистического университета (факультет межкультурных коммуникаций и факультет английского языка), Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка (факультет психологии и английского языка) и Международного государственного экологического университета им. А.Д.Сахарова (медико-биологический и экологический факультеты).

Респондентам предлагалось ответить на два вопроса:

1. Насколько, по Вашему мнению, данные признаки речевого коммуникативного поведения характерны для русских и белорусов? Оцените по шкале: очень высокая, высокая, заметная, пониженная, низкая,

отсутствует (в список признаков вошли следующие: *сдержанность, консерватизм, законопослушность, торопливость, толерантность к чужому мнению, вторжение в личную зону, категоричность, любовь к спорам, высокая толерантность к молчанию, невысокая громкость в общении, немногословие, бытовая вежливость, приоритетность фатического общения, жесткая тематическая регламентация общения, коммуникативный оптимизм, умение выполнять обещания*).

2. Отличительные особенности общения белорусов от русских – какие?

При обработке полученных результатов на этапе выявления стереотипов учитывалась этническая самоидентификация респондентов. Из 113 студентов, принявших участие в анкетировании, для анализа авто- и гетеростереотипов были отобраны 83 анкеты студентов, идентифицировавших себя как представителей белорусского этноса. Интересно отметить, что, несмотря на письменную форму, в которой проводилось анкетирование, студенты, определившие свою национальную принадлежность как белорусы, практически во всех случаях использовали дополнительные графические методы, подчеркивавшие их эмоциональное отношение к выносимому решению. Это могли быть только прописные буквы (Я – БЕЛОРУС/КА), использование нескольких восклицательных знаков, определение себя как *европейских белорусов*, более развернутое определение (например: *я – белорус и горжусь этим* либо *отношу себя к белорусской культуре, имея белорусские корни, проучившись 11 лет в белорусской гимназии и испытывая гордость за свою Родину* и т.д.) или комбинация названных приемов. Данная тенденция была характерна только для этой группы респондентов.

20 респондентов посчитали себя представителями русской культуры. 10 человек затруднились с этнической самоидентификацией, отметив, что не видят разницы между двумя культурами. При анализе национального автостереотипа белорусов и восприятия русских в белорусском национальном сознании анкеты этих респондентов не обрабатывались.

Основным методом при обработке материалов на описываемом этапе исследования был метод статистического анализа.

Анализ экспериментального материала (коммуникативное поведение белорусов)

По мнению респондентов, относящих себя к белорусской культуре, в коммуникативном поведении белорусов доминируют такие черты как толерантность, консерватизм и законопослушность. Белорусы вежливы в бытовом общении и умеют выполнять данные ими обещания.

Толерантность

Белорусы считают, что толерантность является одним из основных качеств, характерных для белорусской нации (очень высокая – 10%,

высокая – 54%). Следует отметить, что в ходе интервью толерантность как основное качество выделяли еще большее количество респондентов (78%), отмечая его отсутствие в коммуникативном поведении русских. Это качество сочетается с некатегоричностью (48%), мягкостью, склонностью к фатическому общению и стремлением соблюдать границы личной зоны собеседника. Подавляющее большинство опрошенных полагают, что белорусы достаточно сдержанны в общении (очень высокая – 6%, высокая – 33%, заметная – 25%), подчеркивая эту свою особенность по сравнению с русскими (*Русские говорят обо всем!, Русские болтливы* и т.д.). При этом многие замечают, что белорусы более открыты, дружелюбны, добродушны, как правило, стремятся «к эмоциональному нейтралитету», их отличает уважение к собеседнику. И лишь незначительная часть опрошенных признала, что по параметру толерантность белорусы не отличаются от русских.

Как нам представляется, необходимо отметить весьма выраженную и достаточно противоречивую тенденцию, которая проявилась в ходе эксперимента. Подавляющее большинство респондентов, отмечая толерантность как неотъемлемое качество народа, в то же время весьма негативно оценивают русских (*«широкая» и «большая» душа русских раскрывается лишь во время застолья; русские не способны к проявлению человеческих чувств; русские – враждебны, горды, чванны и самовлюбленны в самих себя; русские развязны, хамоваты и фамильярны в общении, пытаются показать превосходство их нации над другими, проявляя агрессию* и т.д.), т.е. толерантность часто оказывается лишь декларацией, прикрывающей негативное отношение к другой нации.

Консерватизм

Консерватизм является частью автостереотипа белорусской нации, который распространен в молодежной среде, т.к. это качество было отмечено подавляющим большинством участников эксперимента (очень высокий – 7%, высокий – 28 %, заметный – 37%). Многие респонденты в ходе интервью и личных бесед отмечали, что консерватизм белорусов связан с их безразличием к процессам, которые не касаются непосредственно их окружения, стремлением к обособленности и размеренности, нетребовательностью в жизни.

Законопослушность

Законопослушность как доминанту поведения белорусов выделили практически все участники опроса (очень высокий – 7%, высокий – 28%, заметный – 37%). Как и в случае с параметром «толерантность», наши респонденты полагают, что это качество – одно из главных, которое не просто определяет характер и коммуникативное поведение белорусов, но и отличает их от представителей русской культуры. В отличие от белорусов, по мнению опрошенных, русские не отличаются законопослушностью. Лишь 27% респондентов считают, что законопослушность русских можно

оценить как высокую либо заметную, мнения остальных распределились следующим образом: отсутствие – 7%, низкая – 47%, пониженная – 19%.

Умение выполнять обещания

В восприятии самих себя законопослушность вполне закономерно сочетается у белорусов с умением держать слово и выполнять данные обещания (очень высокая – 11%, высокая – 24%, заметная – 39%, пониженная – 23%, низкая – 3%). Русских воспринимают как людей, которые исполняют свои обещания менее чем в 50% случаев (высокая – 7%, заметная – 44%, пониженная – 24%, низкая – 19%, отсутствует – 3%).

Бытовая вежливость

Бытовую вежливость как одно из основных качеств белорусов сочла необходимым выделить большая часть студентов, принявших участие в эксперименте (очень высокая – 5%, высокая – 37%, заметная – 37%). Это же качество неоднократно отмечалось респондентами в ходе интервью. Практически все респонденты подчеркивали, то белорусы более вежливы и тактичны в общении, всегда стремятся выслушать и понять своего собеседника, проявляют сдержанность, избегают категоричности в суждениях, стремятся к компромиссу (типичный комментарий наших респондентов – *белорусы более сдержанны, прежде чем высказаться, они обдумывают каждое слово, чтобы не обидеть собеседника; белорусы более сдержанны в общении*). В отличие от белорусов, по мнению наших респондентов, русские склонны к высокомерию, агрессии, неискренности, их отличает невнимание к собеседнику, пренебрежение к культурным нормам, центрация на своем «я» (*русские – высокомерные, гордые, самоуверенные, русских отличает пренебрежение, эгоистичность, русские более наглые, настойчивые* и т.д.). Белорусы отмечают также эмоциональность русской манеры разговора, напористость, категоричность, любовь к спорам, «перескакивание» с темы на тему, проявление неуважения к мнению других людей, стремление «подавить» авторитетом, уверенность, раскрепощенность.

Обобщая результаты проведенного исследования, мы можем назвать наиболее яркие черты белорусского автостереотипа и стереотипного восприятия молодыми белорусами русского этноса.

Типичный характер белоруса: толерантный, спокойный, отзывчивый, трудолюбивый, сдержанный, малоинициативный, способный к сопереживанию и состраданию, отличается законопослушностью и консерватизмом.

Типичное коммуникативное поведение белоруса: открытый, вежливый, приветливый, дружелюбный, искренний, немногословный, придерживается правил этикета, тактичен, говорит негромко, предпочитает соблюдать дистанцию.

Отметим также, что ответы белорусских респондентов об их восприятии русских содержали достаточно высокий процент отрицательных характеристик. Стереотипное представление молодых белорусов о русских включает следующие характеристики.

Типичный характер русского: нетолерантный, несдержанный, агрессивный, эгоистичный, не склонен соблюдать законы.

Типичное коммуникативное поведение русского: импульсивный, эмоциональный, говорит быстро, громко, болтает попусту, берет инициативу на себя, не учитывает мнение других людей, пренебрежительно относится к окружающим, стремится продемонстрировать свое превосходство.

Можно предположить, что стереотип русского характера и русского коммуникативного поведения зависит от возраста респондентов, и сформировался в последнее десятилетие под влиянием изменений, происходящих в обществе. Анализ показывает, что в настоящее время молодые белорусы видят значительно больше различий, чем сходств между собой и русскими, причем эти различия влияют на восприятие иного (в данном случае русского) коммуникативного поведения, вызывая негативное отношение и раздражение и приводя к взаимному непониманию. Однако вопрос о степени этого непонимания остается открытым, и пока мы можем говорить лишь о предварительном формулировании понятийного поля для изучения данной проблемы.

Литература

1. Сорокин Ю.А Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятия// Общение: теоретические и прагматические аспекты. – М., 1978. – С.133-138.

2. Прохоров Е.Ю. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Икар, 1997. – 228с.

3. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000. – 27с.

И.А.Стернин

О некоторых особенностях польского коммуникативного поведения на фоне русского [1]

[1] Статья подготовлена по материалам интервью с Лехом К. (май 2006 г.), строителем-реставратором из Польши. Ему 50 лет, высшее образование, около 20 лет живет и работает в России, свободно владеет русским языком и очень хорошо знает как русскую, так и польскую коммуникативные культуры. Проявил большой интерес к теме интервью.

Общительность

Поляки такие же общительные, как русские.

Эмоциональность

Поляки, несомненно, более эмоциональны, чем русские. Они быстрее и эмоциональнее реагируют в разговоре - например, сразу возмущаются. Русские по сравнению с поляками реагируют медленнее, возможно часто считают бесполезным возмущение.
Поляки скрывают или не скрывают эмоции, как и русские, в зависимости от индивидуального характера. У поляков нет привычки скрывать свои негативные эмоции под улыбкой, но они несколько менее сдержанные в этом отношении, чем русские.
У поляков считается, что надо скрывать свое плохое настроение на работе, но фактически этого не делают, не получается. Огорченного коллегу в Польше все равно надо спросить, в чем дело, но не следует настаивать на своем вопросе.
Неэмоциональные люди у поляков, как и русских, тоже осуждаются, вызывают некоторое подозрение - с таким человеком нельзя быть искренним, его не будут считать искренним.

Откровенность с незнакомыми людьми

Поляки откровенны «наполовину» по сравнению с русскими.

Разговор по душам

Это в большей степени русский разговор. У поляков есть такой разговор, но он не всегда получается. Надо найти человека среди друзей, с которым такой разговор действительно возможен. Разговор по душам возможен только с другом.

Официальные и неофициальные отношения

Соотношение официального и неофициального общения: как считают поляки, личные отношения пробивают дорогу к успеху в работе, неофициальные отношения помогают.
Но поляки не всегда торопятся переходить в общении от официальных отношений к неофициальным, эти отношения не всегда выгодны. Есть осторожная поговорка: «с родственниками хорошо выходят только на фотографии».

Старенькая мама свою соседку - лучшую подругу всю жизнь называла *пани* и по имени.

Фатический разговор, светское общение

Друзья в Польше искренне интересуются друг у друга, как дела.
На вечеринке формальное общение не любят, в нем есть элемент фальши. Нет любви к такому виду общения. Однако сейчас такое общение становится модным и распространенным, сын говорит: надо идти на именины к шефу и его жене – скучно, но надо идти. Если можно официального общения избежать, поляки постараются этого избежать или свести к минимуму.

Стремление к простоте общения

Поляки быстро на ТЫ не переходят. Они всегда думают, стоит ли им с этим человеком переходить на ТЫ, есть ли в этом необходимость. Я перейду на ТЫ, а человек окажется не тот, с которым я хочу поддерживать отношения. Поляки проявляют в этом осторожность осторожность – это еще успеется.

Простота обращения к любому человеку с любой просьбой

Русские более свободно обращаются к друг другу за помощью. Поляки не демонстрируют простоты такого обращения, у них этого обычно не бывает. Сигарету попросить не исключается, но обычно не просят. Продать сигарету не просят.
Ученика погладить по голове, похлопать по плечу – для польского педагога нормально, это можно сделать невольно.

Дистанция

У русских и поляков примерно одинаковая дистанция общения - у поляков не больше, чем у русских.

Поддержание дружеских отношений

У поляков можно сказать – *у меня есть друг, но я его 8 лет не видел*.

Вопросы, любопытство

Поляки задают столько же вопросов, как и русские. Но есть поляки, которые считают, что русские очень любопытные.

Темы, не принятые к обсуждению

О зарплате скорее не спрашивают, вернее, спрашивают, но считают, что это все-таки личное дело.
Если есть информация, которая свидетельствует о его успехе, поляк обычно поделится: «А я премию получил».
О работе поляки дома обычно не говорят. Если мужчины начинают, женщины делают им замечание.
На работе о домашних делах говорят только в кругу близких сослуживцев.
Домой по рабочим делам звонить считается неприличным - только если ты в пожарной охране работаешь или что-либо подобное. Поляки всегда хорошо сначала подумают, звонить ли знакомому домой по служебному вопросу.
А в России я всем даю домашний телефон, уже меня приучили, в Польше у меня такой идеи не возникло бы.

Проблемы, которые обсуждаются

Серьезные темы в гостях, на отдыхе бывают, но это только по внутренней необходимости – в других ситуациях может не представиться такая возможность.
Споров на отдыхе и в неформальном общении поляки стараются избегать!
Стараются избегать возможных неприятных последствий.
Вмешаться в разговор разговаривающих – можно, но надо решить, что это очень необходимо.
Высказать свое мнение, когда тебя не спрашивают, но ты слышишь, что кто-то ерунду говорит – в принципе у поляков можно, но надо спросить разрешения – «разрешите высказать свое мнение».
Можно вмешаться – как проехать подсказать, если они обсуждают вслух и не знают, но по более серьезным вопросам не принято вмешиваться.
Если поляку на его вопрос не дали прямой ответ – он не будет уличать собеседника: «вы так мне и не сказали…», «так вы и не ответили на мой вопрос…» и под..
Делать замечания незнакомым в мягкой форме можно. Можно сказать – *пройдите дальше, снимите сумку с плеча*, сделать замечание матери, что ребенок шалит.
Если у впереди идущего незнакомого человека белая нитка на плаще – не скажем, а вот если у него шнурок развязался, батон вот-вот выпадет из сумки и под. – то есть, если есть какая-то опасность – скажем.

Частота оценки

Оценки высказывают, но смягченно, не очень категорично

Коммуникативный пессимизм

Как дела –*нормально* принято говорить. *Хорошо, отлично* – если и говорят, то это неискренне.

Споры

Выяснять отношения, кто прав, кто виноват, спорить, а также наблюдать чужие споры не принято - у поляков это не спорт, они удовольствия от споров и наблюдения за спорами не получают.
Часто стараются спор прекратить – предлагают сменить тему.
Решение проблемы у русских часто предлагается общее, без детальной проработки и распределения ответственности; у поляков решения стараются принимать более конкретные.
Компромисс у поляков всегда желателен, он не считается односторонней уступкой, капитуляцией личности
Да или нет, за или против – так поляки вопрос ставить могут.
И нашим, и вашим – у русских это плохой человек. У поляков: *и богу свечку, и дьяволу подарок* -тоже плохой человек.
Проигрыш в споре – обида для поляка. Обида на то, что с тобой не согласились, у поляка будет, но врагом оппонента не считают.
Если все за, а один против, не придерживается общей точки зрения –к нему относятся как к инакомыслящему, с некоторым сожалением.
Сейчас у поляков коллектив – это прошлое.

В гостях

В гостях основная цель у поляков – общение. Молчание нежелательно. Уединяться в гостях не принято.

Тостов объединяющих нет, только за женщин, хотя такие тосты нравятся полякам. Но таких у них самих нет, большой роли объединяющие тосты не играют. За любовь – есть у поляков тост.

Улыбка

Одинаково с русскими поляки и улыбаются и не улыбаются. У поляков улыбка - это обязательная вежливость. Детям не говорят – *что улыбаешься, пиши*. Но могут в компании спросить – *что вы улыбаетесь*?

М.С.Саломатина

Коммуникативная личность российского филолога

Необходимо дифференцировать понятия *языковая личность* и *коммуникативная личность*.

Понятие *коммуникативная личность* шире понятия *языковая личность*, поскольку включает в себя, кроме языковых, также коммуникативные параметры. Если языковая личность – это личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств (Ю.Н.Караулов 2001), то коммуникативная личность – это личность, реконструированная на базе языковых и коммуникативных средств.

Коммуникативная личность определяется как коммуникативная индивидуальность человека (индивидуальная коммуникативная личность) или усредненная коммуникативная индивидуальность некоторого социума (коллективная коммуникативная личность), представляющая собой совокупность интегральных и дифференциальных языковых характеристик и особенностей коммуникативного поведения личности или социума, воспринимаемых членами соответствующей лингвокультурной общности как характерные для данного типа личности.

Под *профессиональной коммуникативной личностью* в настоящей работе понимается профессионально обусловленная составляющая национальной коммуникативной личности.

В ряду профессиональных коммуникативных личностей, представляющих интерес для изучения, заметное место занимает коммуникативная личность филолога. Изучение коммуникативной личности филолога необходимо в силу большой общественной значимости филологической профессии в педагогической и культурной сферах жизни общества, роли филологов в продвижении норм культуры речи и общения в обществе, популярности и распространенности самой профессии.

Кроме того, важно выяснить, как коммуникативная личность филолога представлена в сознании носителей языка, как последние воспринимают и концептуализируют коммуникативную деятельность современного филолога, какие требования к ней предъявляют.

Исследование проводилось с использованием комплексной методики, включающей в себя метод включенного наблюдения, метод профессионального самонаблюдения, метод косвенного наблюдения, психолингвистические методы, которые позволяют получить результаты через обращение к коммуникативному сознанию испытуемых – носителей языка, описательный метод.

Материалом исследования послужили наблюдения над коммуникативным поведением студентов филологического факультета Воронежского государственного университета (2001-2005 гг.) и практикующих учителей русского языка и литературы и других предметов города Воронежа и Воронежской области (2002-2005 гг.), отраженные в анкетах, полученных от 653 испытуемых.

Представляется правомерным и оправданным подход к описанию коммуникативной личности на основе моделей описания коммуникативного поведения. Описание коммуникативного поведения

максимально приближает исследователя к реальному говорящему индивиду, к реальной коммуникативной практике.

В коммуникативной лингвистике предложены три модели описания коммуникативного поведения: ситуативная, аспектная и параметрическая. Как показало исследование, наиболее эффективна для описания профессионального коммуникативного поведения параметрическая модель, которая позволяет эффективно выявить *доминантные* факторы, параметры и признаки коммуникативной личности.

Существует ряд работ, посвященных описанию профессиональной *языковой* личности, где анализируются отдельные профессиональные тексты с точки зрения особенностей употребления языковых единиц (переосмысление, языковая игра, использование прецедентных текстов и т.д.). Здесь методика описания уже разработана и связана с анализом формы и содержания текстов. Нас же интересовало *коммуникативное поведение* филологов в том аспекте, в котором проявляется его профессиональная специфика. Методика такого исследования требует разработки.

На основе эмпирического материала, полученного из ряда источников, были определены коммуникативные параметры и факторы, в рамках которых наиболее ярко проявляется специфика коммуникативного поведения филологов. На базе выделенных параметров и факторов была разработана модель описания *доминантных черт* коммуникативной личности филолога, то есть таких черт, которые в ходе предварительного исследования были определены испытуемыми как наиболее яркие, наиболее характерные для филологов, дифференцирующие филологов от других профессиональных категорий.

Было выделено два основных аспекта, в рамках которых репрезентируются доминантные черты коммуникативной личности филолога: аспект вербального коммуникативного поведения и аспект невербального коммуникативного поведения. Каждый аспект включает в себя факторы и параметры, которые на предварительном этапе исследования показали наличие профессиональной специфики в рамках коммуникативной личности филолога. Всего выделено 2 мегафактора, 11 факторов и 7 параметров в вербальном аспекте коммуникативной личности и 4 фактора в невербальном аспекте.

Далее в рамках разработанной модели описываются доминантные черты коммуникативной личности филолога.

Модель описания коммуникативной личности филолога

Вербальное коммуникативное поведение

1. **Рецептивный мегафактор**

1) фактор восприятия коммуникативной практики представителей своей референтной группы;

а) осознание наличия дифференциальных черт вербального коммуникативного поведения филолога;

б) дифференциальные черты вербального коммуникативного поведения филолога;

2) фактор восприятия собственной коммуникативной практики;

3) фактор восприятия коммуникативной практики окружающих;

4) фактор представления об эталонной речи филолога.

2. **Продуктивный мегафактор**

1) фактор культуры речи;

2) фактор содержания коммуникации;

3) фактор продолжительности общения;

4) фактор контактности;

а) степень общительности;

б) легкость установления коммуникативного контакта;

в) комплиментарность общения;

5) фактор модификации коммуникативного поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника;

6) фактор дискуссионности общения;

а) степень дискуссионности общения с разными категориями собеседников;

б) готовность к нейтрализации противоречия;

7) фактор дефицитности общения.

Невербальное коммуникативное поведение

1. Фактор коммуникативной приветливости
2. Фактор жестикуляции
3. Фактор физического контакта
4. Фактор организации личного пространства

В целом, как показало исследование, коммуникативная личность филолога включает интегральные и дифференциальные признаки. Интегральные признаки «наполняют» содержание коммуникативной

личности, дифференциальные отличают данную коммуникативную личность от других типов коммуникативной личности.

Доминантные признаки коммуникативной личности филолога обладают психологической реальностью для коммуникативного сознания носителей языка, хотя существуют и другие дифференциальные признаки исследуемой коммуникативной личности, осознаваемые самими филологами, но слабо осознаваемые или вообще не фиксируемые коммуникативным сознанием рядового носителя языка.

Можно провести аналогию с восприятием интонационных конструкций носителями языка: количество интонационных конструкций, реально используемых говорящими в речи, весьма велико (фонетисты выделяют их достаточно много), но рядовой носитель языка различает не более десятка интонационных конструкций, они и составляют ядро просодической системы языка. Недоминантные признаки, очевидно, тоже могут входить в описание коммуникативной личности, но они составят ее периферию.

Исследование доминантных признаков общения филолога позволило выделить и описать следующие *аспекты* его коммуникативной личности:

1) речевой аспект;
2) аспект культуры общения;
3) аспект коммуникативного поведения.

Речевой аспект

Речевой аспект коммуникативной личности в настоящей работе затрагивается в том объеме, в каком его выделяют в своих ответах испытуемые: описывается только то, что в речи филолога замечают окружающие (нефилологи и сами филологи). Исследование показало, что испытуемые мало акцентируют внимание на этом аспекте, что дает основание предположить, что речь филолога в восприятии окружающих мало отличается от речи представителей других профессий.

Главным отличительным признаком речи филолога в коммуникативном сознании испытуемых оказалась *нормативность*. Учителя-филологи акцентируют внимание на лексическом аспекте нормы, связанном с неупотреблением определенных лексических единиц. Особенности речи филологов в основном определяются испытуемыми как неупотребление слов определенных стилистических разрядов.

Характерными чертами речи филологов испытуемые преимущественно называют *отсутствие грубой и нецензурной лексики, низкую частотность использования в речи слов-паразитов.* Большой группой испытуемых особо отмечается признак *умение следить за своей речью*.

Способность контролировать свое речевое поведение, безусловно, является одним из показателей высокой речевой компетенции и одной из характеристик развитой коммуникативной личности.

Для вербального коммуникативного поведения студентов-филологов в большей степени, чем для коммуникативного поведения учителей-филологов, характерно *использование жаргонной и сленговой лексики*. Это связано с более сильным влиянием литературной нормы на речь учителей-филологов, влиянием фактора профессиональной деятельности и возрастного фактора, поскольку в молодежной среде жаргонная и сленговая лексика традиционно функционируют более активно, чем в других.

В качестве характерных черт речи филолога отмечаются *яркость, выразительность, образность, эмоциональность*, то есть качества речи, которые усиливают ее воздействующую функцию. Нефилологи также придают большое значение такому качеству речи филологов, как *культурность*, акцентируя тем самым свое внимание на этическом аспекте культуры речи филолога. Правда, сама характеристика *культурность* понимается нефилологами достаточно широко и неопределенно и включает культуру речи, вежливость, культуру общения, речевой этикет, а также использование «культурных», то есть «вежливых» и книжных слов.

На коммуникативную личность филолога оказывает влияние регулярная работа с художественным текстом: одной из самых ярких дифференциальных черт речи филолога является *образность,* под которой испытуемые понимают заметную частотность использования *изобразительно-выразительных средств, сравнительных конструкций, крылатых слов и выражений, цитат из произведений художественной литературы.*

Высокая частотность употребления в речи филологов *лексики, свойственной книжным стилям* речи, свидетельствует о значительном влиянии, оказываемом обучением и последующей профессиональной деятельностью на коммуникативную личность филолога.

Следует обратить внимание на то, что если употребление в речи названного пласта лексики является одной из главных особенностей речи филологов, по мнению учителей-филологов и студентов 4 – 5 курсов, то студенты 1 – 2 курсов этого не отмечают, что свидетельствует о специфике процесса формирования коммуникативной личности филолога: по мере формирования и развития профессиональных качеств у филолога усиливается влияние книжных стилей речи на его вербальное коммуникативное поведение. Это влияние является очевидным: испытуемые называют широкое использование филологами *сложных синтаксических конструкций, специфических оборотов, свойственных книжной речи;* параллельно отмечается низкая частотность употребления лексических средств, маркированных как сугубо *разговорные*.

Характерной чертой речи филолога, с точки зрения наблюдателей, также является употребительность *экспрессивной лексики*.

Самые частотные ошибки, допускаемыми филологами в речи, связаны с нарушением *орфоэпических норм*. При этом учителя-филологи делают меньше грамматических ошибок, чем студенты филологического факультета. Последнее можно объяснить тем, что учителя-филологи значительно больше работают с грамматическими нормами практически. Кроме того, объяснение грамматических правил и норм учащимся, безусловно, способствует их лучшему усвоению.

Аспект культуры речи

Исследование позволяет сделать следующие выводы об уровне культуры речи филологов.

Оценивают уровень культуры речи своих знакомых филологов как *высокий* 14% опрошенных, как *достаточно высокий* – 62% , как *средний* – 24%. Таким образом, большее количество филологов, судя по результатам эксперимента, не обладает безупречно высоким уровнем культуры речи. Значительная часть филологов, по мнению опрошенных, владеет культурой речи на среднем уровне, то есть речь многих филологов существенно не отличается в плане культуры речи от речи неспециалиста (нефилолога) со «средним» уровнем культуры речи.

Обращает на себя внимание тот факт, что если при характеристике уровня культуры речи филологов охарактеризовали своих знакомых филологов как носителей *достаточно высокого* уровня культуры речи 62% испытуемых, то при определении собственного уровня культуры речи себя к носителям *достаточно высокого* уровня культуры речи отнесли лишь 49% филологов. Указанное несоответствие объясняется, видимо, большей критичностью филологов при оценке собственной коммуникативной практики, высокими требованиями, предъявляемыми к своему речевому поведению.

Аспект коммуникативного поведения

Коммуникативное поведение филологов характеризуется следующими основными чертами.

Степень *дискуссионности* общения студентов старших курсов с однокурсниками и учителей-филологов с коллегами оценивается как *высокая*. При этом она выше, чем степень дискуссионности общения с однокурсниками студентов 1 – 2 курсов.

Степень дискуссионности общения учителей-филологов в процессе вертикального общения (с руководством) выше, чем степень дискуссионности общения студентов в ситуации вертикального общения с преподавателями. Это, видимо, связано с тем, что дистанция между студентом и преподавателем значительно больше, чем между учителем и руководителем. Однако степень дискуссионности общения студентов 4 – 5

курсов в общении с преподавателями значительно выше степени дискуссионности общения студентов 1-2 курсов в процессе коммуникации с той же категорией собеседников. Видимо, определяющим фактором является здесь рост профессиональной компетенции, а значит, и возможность обсуждать более широкий круг профессиональных вопросов.

Учителя значительно чаще вступают в спор с незнакомыми людьми, чем студенты. Кроме того, учителя довольно регулярно вступают в спор с учащимися. Названные факты дают основания сделать вывод о том, что профессиональная педагогическая деятельность способствует повышению уровня дискуссионности и конфликтности общения. Однако учителя в большей степени, чем студенты, демонстрируют готовность к урегулированию конфликтов.

Филологи в целом – люди со средним и высоким уровнем *коммуникабельности*. Среди них почти нет людей с низким уровнем общительности. Коммуникабельность членов исследуемой профессиональной группы отмечалась многими участниками эксперимента: *общительные, много говорят*.

Общение студентов-филологов с однокурсниками и учителей-филологов с коллегами в целом характеризуется высокой *комплиментарностью*. Это говорит о том, что филологи в общении с коллегами выбирают преимущественно кооперативную коммуникативную стратегию.

Около 86% филологов с большей или меньшей частотой исправляют ошибки в речи окружающих (при горизонтальном общении). Эта характеристика коммуникативной личности филолога является профессионально обусловленной. Приведенный факт говорит о том, что члены рассматриваемой профессиональной группы не просто внимательны к речи окружающих, но и ощущают за нее ответственность.

Наиболее релевантными в процессе коммуникации с членами своей профессиональной группы являются темы *работа и учащиеся* (для учителей) и *учеба и преподаватели* (для студентов). Таким образом, можно констатировать, что доминирующей в общении филологов является ситуативно обусловленная тематика.

Объем *тематической сферы ЛИТЕРАТУРА* в процессе общения приблизительно одинаков у студентов 4-5 курсов и учителей-филологов. Это говорит о том, что коммуникативная личность филолога является уже сформированной к окончанию обучения в вузе.

Характерен тот факт, что по мере развития профессиональной коммуникативной личности филолога более значимой становится тема *ЛИТЕРАТУРА* (с 50% у студентов 1 – 2 курсов до 65% и 64% у студентов 4 – 5 курсов и учителей-филологов соответственно); то есть профессионально обусловленная тематика, связанная с содержательной стороной обучения, активно участвует в формировании структуры интересов коммуникативной личности филолога.

При общей *дискуссионности* общения, учителя в большей степени готовы к нейтрализации конфликтной ситуации, больше нацелены на

сохранение *коммуникативного равновесия* с собеседником, тогда как студенты больше ориентированы на *результативное общение*.

Учителя-филологи ощущают *дефицит общения* сильнее, чем студенты 1 – 2 курсов и приблизительно так же, как студенты 4 – 5 курсов. Тот факт, что ощущение дефицита общения практически одинаково у студентов старших курсов и учителей-филологов, свидетельствует о том, что процесс формирования коммуникативной личности филолога в основном завершается к окончанию обучения в вузе.

Невербальное коммуникативное поведение филологов характеризуется следующими основными признаками.

В целом для коммуникативного поведения филолога характерна (в большей или меньшей степени в разных ситуациях общения) *коммуникативная приветливость*. При этом не все филологи воспринимают улыбку как этикетный сигнал, как средство реализации контактоустанавливающей функции речи; значительная часть филологов использует улыбку как способ демонстрации личного расположения к собеседнику. В целом филологи проявляют бóльшую приветливость при установлении коммуникативного контакта со знакомыми, чем с незнакомыми людьми.

Студенты-филологи в среднем жестикулируют более активно, чем учителя-филологи. Возможно, это связано с тем, что у учителя сформирована профессионально обусловленная привычка контролировать свое невербальное поведение, поскольку большую часть рабочего времени учитель проводит в ситуации урока.

Тактильная коммуникация является регулярным признаком невербального поведения филологов. Она используется очень активно и за рамками профессиональной группы, в «рабочих» ситуациях - как средство установления и поддержания коммуникативного контакта как с детьми, так и со взрослыми собеседниками.

Филологи широко используют *изменение дистанции общения* для достижения своих коммуникативных целей.

Как показало исследование, коммуникативное сознание рядовых носителей языка воспринимает речь и коммуникативную практику филологов как *эталонные*: большинство нефилологов приписывает филологам элитарный тип речевой культуры, хотя одновременно и филологи, и нефилологи указывают на наличие у филологов достаточно частотных речевых и коммуникативных ошибок. Филологи в действительности регулярно нарушают речевые и коммуникативные нормы.

Таким образом, в реальности речь и коммуникативное поведение филологов не соответствуют стереотипным представлениям об эталонности речи филологов, которые существуют в коммуникативном сознании рядовых носителей языка. Коммуникативная личность практикующего филолога по результатам исследования может быть

отнесена к среднелитературному типу речевой культуры (существенные признаки этого типа речевой культуры отмечаются у 91% филологов).

Таким образом, речь филолога не соответствует представлению окружающих о ее эталонности. Однако на устойчивости представления об эталонности речи филолога реальная коммуникативная практика филологов, наблюдаемая носителями языка, никак не сказывается: рядовые носители языка продолжают сохранять в своем коммуникативном сознании стереотип эталонности речи филологов.

Данное явление, выявляющееся в коммуникативном сознании рядового носителя языка, определяется нами как «языковой идеализм». Под «языковым идеализмом» предлагается понимать информационный компонент коммуникативного сознания - устойчивое представление о позитивных, эталонных качествах речи определенной профессиональной группы, в нашем случае филологов.

«Языковой идеализм» в отношении филологов является устойчивым информационным компонентом коммуникативного сознания народа, причем он свойственен и самим филологам, и в особенности – нефилологам, хотя в реальности те и другие фиксируют в речи и коммуникативном поведении филологов, с которыми они общаются (а филологи – в собственной речи), многочисленные речевые и коммуникативные нарушения.

В данном случае «языковой идеализм» поддерживает в коммуникативном сознании носителей языка представление о коммуникативной личности филолога как эталонной коммуникативной личности, не приходя в конфликт с объективными наблюдаемыми данными, которые приводятся теми же информантами. Это еще раз доказывает автономность и устойчивость существования ментальных стереотипов в сознании народа и отсутствие тесной связи между коммуникативным стереотипом и реальным коммуникативным поведением исследуемой группы носителей языка.

Исследование показало, что коммуникативное поведение филологов по-разному воспринимается и оценивается филологами и нефилологами. Сравнение точек зрения филологов и нефилологов дает возможность получить более объективное и объемное представление о коммуникативной личности филолога и раскрывает те особенности речи филолога, которые заметны неспециалистам. Так, например, нефилологи оценивают уровень культуры речи и уровень общительности филологов в среднем выше, чем сами филологи.

На этапе верификации результатов исследования двадцати филологам, работающим в воронежских вузах, было предложено сравнить полученные в ходе исследования результаты с их собственным представлением о коммуникативном поведении филологов.

Основные признаки коммуникативной личности филолога, выделенные в ходе настоящего исследования, были в общем подтверждены вузовскими филологами. При этом вузовские филологи сочли

необходимым добавить к коммуникативному облику филолога некоторые признаки, которые они посчитали яркими, существенными.

Вузовские филологи более дифференцированно воспринимают и научно анализируют речевую практику филологов, уделяют значительно большее внимание речевому аспекту коммуникативного поведения филологов, чем члены опрошенных групп филологов и нефилологов.

Так, в отличие от учителей-филологов и студентов-филологов, яркими признаками коммуникативного поведения филолога ученые-филологи считают *богатый словарный запас, развитую способность варьировать речевые средства в зависимости от ситуации общения.* Отметим, что опрошенные нами испытуемые также называли данные признаки вербального коммуникативного поведения филологов среди дифференциальных, однако эти признаки не отмечаются информантами в качестве ярких. Очевидно, массовое коммуникативное сознание наличия этих признаков как доминантных у коммуникативной личности филолога не подтверждает.

Кроме того, по мнению российских вузовских филологов, филологи широко используют в своей речевой деятельности *языковую игру* и *прецедентные тексты*. Испытуемые же (учителя-филологи и студенты-филологи), хотя и отмечают эти факты, но не считают данные особенности яркими, существенными.

Языковая игра, использование прецедентных текстов – явления сравнительно новые. Для значительной части филологов (главным образом молодых) – это уже норма, поэтому они в большинстве своем не замечают названных особенностей своей речи. Очевидно, что для современного филолога использование прецедентных текстов и языковой игры можно квалифицировать не как доминантные, а уже как фоновые качества коммуникативной личности филолога. Филологи же *старшего* поколения (которые в основном и составили экспертную группу) обращают внимание на эти качества речи филолога: они для них новы и необычны.

Выявлен также признак, который учителя-филологи и студенты-филологи, в отличие от вузовских филологов, отметили как яркий. Так, учителя русского языка и литературы и студенты-филологи отмечают *нормативность* в качестве главного отличительного признака коммуникативного поведения филолога. Опрошенные же вузовские филологи не выделяют указанный признак в качестве яркого. Вузовские филологи полагают, что речь большинства филологов, в том числе студентов и учителей, не является нормативной в лексическом отношении. Вузовские филологи утверждают, что в ситуации неформального общения филологи регулярно употребляют грубую ненормативную лексику, причем в ряде случаев немотивированно.

Вузовские филологи считают, что большая часть филологов не обладает безупречно высоким уровнем культуры речи и что филологи являются носителями *среднелитературного типа речевой культуры*. Данное

наблюдение подтверждается настоящим исследованием, однако в массовом коммуникативном сознании, как уже отмечалось, одновременно существует устойчивое представление об эталонности речи филолога, которое выступает как стереотип.

Остальные признаки коммуникативной личности филологами вузовскими филологами были подтверждены, что свидетельствует об объективности существования данных признаков коммуникативной личности филолога.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие общие выводы.

Коммуникативная личность филолога является профессиональной коммуникативной личностью, структура которой включает в себя интегральные и дифференциальные признаки. Интегральные признаки «наполняют» содержание коммуникативной личности, интегрируя ее с другими типами коммуникативных личностей. Дифференциальные признаки отличают данную коммуникативную личность от других типов коммуникативных личностей. Наиболее яркие дифференциальные признаки коммуникативной личности в коммуникативном сознании носителей языка выступают как доминантные.

Доминантные признаки коммуникативной личности филолога обладают психологической реальностью для коммуникативного сознания носителей языка и осознаются ими как наиболее характерные для данного типа коммуникативной личности, дифференцирующие данный тип коммуникативной личности.

Коммуникативная личность филолога может быть с достаточной полнотой описана в трех основных аспектах – речевом аспекте, аспекте культуры общения, аспекте коммуникативного поведения.

Эффективными методами описания профессиональной коммуникативной личности являются метод косвенного наблюдения, включающий в себя опрос лиц, непосредственно наблюдающих изучаемую группу носителей языка и характеризующих ее коммуникативное поведение по определенным параметрам, стимулирующим их к первичному обобщению, а также методы профессионального самонаблюдения и включенного наблюдения. Вторичное обобщение и интерпретация ответов осуществляются исследователем.

Эффективной моделью описания профессиональной коммуникативной личности является модель, позволяющая описать доминантные качества профессиональной коммуникативной личности филолога, в качестве основных из которых выделяются: осознание филологами наличия дифференциальных черт коммуникативного поведения членов своей профессиональной группы; идеализация филологами коммуникативного поведения членов своей профессиональной группы; стремление к нормативности речевого поведения; стремление к эффективности вербального коммуникативного поведения; подверженность речевого поведения влиянию художественных текстов; влияние книжных стилей

речи на вербальное коммуникативное поведение филологов; частотность употребления экспрессивной лексики; осуществление филологами контроля над своим речевым поведением и речевым поведением окружающих; склонность к коррекции эмоционально-психологического состояния и коммуникативного поведения собеседника; высокая степень дискуссионности общения; приоритетность профессиональной тематики в процессе коммуникации с членами своей референтной группы; коммуникативная гибкость филологов; более высокий уровень общительности филологов по сравнению с уровнем общительности нефилологов; преимущественный выбор филологами кооперативной стратегии; принадлежность коммуникативной личности филолога к среднелитературному типу речевой культуры; ощущение дефицитности общения у значительной части филологов; коммуникативная приветливость; осуществление контроля над собственным невербальным поведением; широкое использование тактильных средств воздействия; широкое использование изменения дистанции общения в коммуникативных целях.

Исследование позволяет разграничить два типа признаков, образующих коммуникативную личность филолога: обусловленные профессионально-содержательно и обусловленные профессионально-педагогически. Первые отражают развитие коммуникативной личности, связанное с ее профессиональной подготовкой по филологической специальности, с содержанием профессионального филологического образования; вторые – с влиянием профессиональной педагогической деятельности на коммуникативную личность. Влияние содержания образования и педагогической профессии на формирование коммуникативной личности филолога неодинаково на разных этапах ее формирования.

Формирование и развитие коммуникативной личности филолога осуществляется поэтапно. Выделяются следующие этапы:

1) этап становления профессионально обусловленных качеств коммуникативной личности (1 – 2 курсы);

2) этап профессионального совершенствования (3 – 5 курсы);

3) этап профессионального развития коммуникативной личности (профессиональная деятельность).

Наблюдается отчетливая динамика развития коммуникативной личности филолога.

У студентов-филологов младших курсов происходит становление основных качеств профессиональной коммуникативной личности, начинается формирование профессионально-содержательно обусловленных качеств коммуникативной личности (начальный этап).

В процессе продолжения учебы на этапе профессионального совершенствования (на 2-ом этапе - 4-5 курсы) постепенно усиливаются такие коммуникативные признаки, как стремление к нормативности, ориентация на книжные стили речи, повышение степени речевого самоконтроля, стремление к яркости и выразительности речи, интерес к

«бытовой» тематике, склонность к модификации коммуникативного поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника, ощущение дефицитности общения.

У практикующего филолога на этапе профессионального развития ослабляются речевая самоуверенность, интерес к профессионально обусловленной тематике за счет возрастания значимости «бытовой» тематики, снижаются интенсивность жестикуляции и экспрессивность речи, но постепенно усиливается педагогический аспект профессиональной коммуникативной личности и ослабляется специфика профессионально-содержательного (филологического) аспекта. Заметно сокращается объем общения на профессионально-содержательно обусловленные темы - учителя-филологи сравнительно мало говорят о литературе по сравнению со студентами.

Существенное сходство по многим позициям признаков коммуникативной личности филологов-старшекурсников и филологов-учителей дает основание предположить, что профессиональная коммуникативная личность филолога является уже в значительной степени сформированной на заключительной стадии обучения в вузе.

В целом специфика коммуникативной личности филолога, как показало исследование, является очевидной и для самих филологов, и для представителей других профессиональных групп, что свидетельствует об объективности и реальности выделения профессиональной коммуникативной личности филолога как типа коммуникативной личности.

Перспективными направлениями дальнейшего изучения коммуникативной личности русского филолога являются исследование языковых особенностей коммуникативной деятельности филологов с опорой на производимые и воспроизводимые филологами тексты, что дополнит описание коммуникативной личности филолога. Кроме того, в изучении нуждаются некоторые коммуникативные категории, выделяемые коммуникативным сознанием рядового носителя языка - такие, как правильность, грамотность, образность, культурность, культура речи, которые широко используются испытуемыми для характеристики коммуникативного поведения филолога, но носят обобщенный характер и нуждаются в содержательной конкретизации.

Интересно было бы также сравнить коммуникативные личности русского филолога и филологов других стран.

Г.Н.Беспамятнова

Коммуникативная личность телевизионного ведущего

В телевизионной коммуникации по причине аудио-визуального способа передачи информации наиболее широко представлен весь набор коммуникативных средств воздействия на коммуниканта - визуальных, моторных, слуховых, вербальных. Кроме того, обыденность явления телевизионной коммуникации, доступность характеристик языковой личности телевизионного ведущего для одновременного наблюдения широкого круга реципиентов в привычных, а не лабораторных условиях позволяют провести необходимые исследования в обстановке, максимально приближенной к реальной, то есть на основе конкретного фактического материала, что весьма ценно для психолингвистического исследования, которое избрано основным направлением нашей работы.

В качестве материала исследования были использованы фрагменты видеозаписей телевизионных передач, ведущими которых являются Т.Миткова, И. Мишина, Ю.Ростов, А.Гурнов (выпуски информационных программ «Вести» и агентства "ИТА" 1993 года).

Основными методами исследования являются экспериментальные: метод свободного анкетирования, метод закрытого альтернативного анкетирования. Используются приемы атрибуции качеств личности телевизионных ведущих и прием их свободной классификации по перцептивному принципу.

Описание коммуникативной личности телевизионных ведущих предполагает предварительную разработку модели описания, которая предполагала решение следующих задач:

1. Инвентаризация характеристик личности телевизионного ведущего, обнаруживаемых в коммуникативных ситуациях;
2. Разработка методики экспериментального исследования коммуникативной личности;
3. Экспериментальная проверка разработанной модели описания на материале работы в эфире ведущих телевизионных передач;
4. Выявление факторов, обусловливающих эффективность воздействия коммуникативной личности телевизионного ведущего на аудиторию;
5. Разработка теоретического эталона эффективной коммуникативной личности телевизионного ведущего.

Разработанная параметрическая модель описания коммуникативной личности телевизионного ведущего представляет совокупность признаков коммуникативной личности (сто пятьдесят три качества), систематизированных в составе сорока трех основных параметров.

Исходным членением совокупности параметров, образующих структуру коммуникативной личности телевизионного ведущего, является членение на вербальные и невербальные параметры.

Среди невербальных параметров выделяются две группы факторов:

1. внешние;
2. паралингвистические.

Внешние характеристики выделяются на основе данных пилотажного эксперимента, классифицированных по перцептивному принципу. К ним относятся внешность, личное обаяние, телегеничностъ, мужественность/женственность, поведение перед камерой, наличие вкуса в одежде, гриме и аксессуарах.

Группу паралингвистических факторов составляют характеристики качеств, охватывающих круг явлений фонации и кинесики. Это характеристики голоса, дыхание, темпоритм, паузация, интенсивность изложения, отчетливость речи, мимика, взгляд, поза, жестикуляция, тональность общения и манера речи.

Вербальные параметры моделируемой системы рассматриваются как структурные элементы воздействия коммуникативной личности телевизионного ведущего, воспринимаемые реципиентами в виде вербальных характеристик.

Вербальные параметры распределяются по четырем факторам:

1) факторы содержательности речевого сообщения (тематический диапазон речевого сообщения, познавательная ценность информации для зрителя, количество воспринимаемой зрителем информации);

2) текстоформирующие факторы (кульминационная структура речевого сообщения, доказательность тезисов речевого сообщения, акцентирование смысла в речевом сообщении, компактность подачи информации в речевом сообщении);

3) факторы, отражающие степень нормированности индивидуального стиля коммуникатора (объем словарного запаса, функционально-стилистическая доминанта, образность речи, степень подготовленности речевого сообщения, наличие речевых ошибок, орфоэпическая нормативность);

4) модально-апеллятивные факторы (экспрессивность речи, подтекст в речевом сообщении, адресованность речи, стратегия изложения фактов в речевом сообщении, манера подачи отрицательных фактов).

С целью верификации разработанной модели был проведен рецептивный эксперимент.

Эксперимент проводился в форме группового анкетирования с использованием закрытых вопросов альтернативного типа. Опросы проводились в аудиториях, специально оборудованных для показа видеоматериалов. Перед началом опроса реципиентам предъявлялись видеозаписи фрагментов информационных передач, записанных в процессе прямого эфира, ведущими которых были исследуемые тележурналисты. После просмотра предлагалось оценить параметры коммуникативных личностей этих коммуникаторов.

В опросе участвовали шестьдесят студентов заочного отделения факультета журналистики Воронежского государственного университета, тридцать студентов дневного отделения этого же факультета и тридцать студентов математического факультета педагогического института. В состав экспертной группы из пятнадцати реципиентов вошли опытные специалисты Воронежской телерадиовещательной компании.

Инструкция испытуемым была сформулирована следующим образом:

1. Охарактеризуйте личность и коммуникативное поведение данного коммуникатора по предложенным параметрам.

2. По каждому из предложенных параметров выберите одно качество, которое в наибольшей степени соответствует Вашему представлению о данном ведущем. Затем отметьте на оценочной шкале, насколько данное качество способствует/не способствует восприятию информации, им преподно-симой.

Оценочная шкала была четырехбалльной и имела следующий вид:

1) способствует восприятию информации;
2) не влияет на восприятие информации;
3) отвлекает от восприятия информации;
4) раздражает.

Основными данными эксперимента считаются оценки телезрителей, то есть коммуникантов, на которых непосредственно направлено речевое воздействие телевизионных ведущих, поэтому выводы производятся на основании оценок зрительской аудитории.

Исследование показало, что невербальные качества личности телевизионного коммуникатора в большей степени, чем вербальные характеристики, отражают индивидуальные особенности личности субъекта коммуникации.

Установлено, что именно невербальные характеристики являются основой экранного образа телевизионного ведущего: в процессе оценки коммуникаторов реципиентами количество выделенных невербальных и вербальных характеристик соотносится как 96% к 4 % .

Анализ результатов эксперимента показал, что восприятие телевизионного ведущего зрителями определяется психологическими законами восприятия человека с опорой на интерпретацию его облика и поведения с позиции формирования представлений о личностных и профессиональных качествах. При этом для экранного образа женщины-коммуникатора в информационном вещании предпочтительны выразительные характеристики доминантных внешних и паралингвистических качеств. Образ мужчины-коммуникатора положительно оценивается реципиентами при наличии умеренных характеристик доминантных внешних и паралингвистических качеств.

Из шестидесяти восьми вербальных качеств коммуникативной личности телевизионного ведущего наиболее ярко коммуникативная

индивидуальность ведущих проявляется в качествах группы модально-апеллятивных факторов.

Исследование показало, что разработанная теоретическая модель описания языковой личности телевизионного ведущего способствует формированию представлений о нем у зрителя на уровне коммуникативных характеристик. В связи с этим исследователю предоставляется возможность на основе статистической обработки данных систематизированного опроса реципиентов по структуре разработанной модели осуществлять конкретные описания языковых личностей телевизионных ведущих. Результаты анализа полученных данных позволяют ранжировать средства, которые коммуникатор использует в процессе речевого воздействия на аудиторию, по степени эффективности, а также определить эталонные качества эффективной языковой личности телевизионного ведущего.

Установлено, что оценить степень воздействия на аудиторию отдельного телевизионного ведущего во всей совокупности компонентов его эффективной коммуникативной личности возможно при сравнении с эталоном эффективной языковой личности телевизионного ведущего.

Эталон эффективной коммуникативной личности телевизионного ведущего информационных передач представляет собой совокупность стандартных качеств коммуникатора, в наибольшей степени способствующих оптимальному усвоению информации коммуникантами в процессе коммуникации.

Выделенный в процессе обобщения характеристик коммуникативных личностей эталон эффективной представляет собой полевую модель. В ее состав входят двадцать пять качеств (из ста пятидесяти трех, которые образуют коммуникативную личность телевизионного ведущего): одиннадцать ядерных и четырнадцать компонентов ближней периферии.

Центр ядра эталона составляют шесть вербальных качеств коммуникатора (аргументированность тезисов речевого сообщения, достаточный объем словарного запаса, компактная подача информации в речевом сообщении, точное акцентирование смысла и речевом сообщении, тематическое разнообразие сообщения, адекватное сочетание разностилевых элементов речи).

Кроме того, на успешность его речевого воздействия существенно влияют пять эталонных невербальных ядерных качеств, четыре из которых относятся к группе паралингвистических факторов (четкая артикуляция речи, разнообразный диапазон голоса, энергичность изложения, нейтрально-логическая тональность общения), одно - к разряду внешних (выраженная телегеничность).

Модель эталона эффективной коммуникативной личности телевизионного ведущего информационных передач позволяет объяснить различия в эффективности речевого воздействия на зрителей отдельных коммуникаторов. Для этого исследователю необходимо сравнить качества

эффективной коммуникативной личности конкретного ведущего с эталоном.

Под эффективной коммуникативной личностью телевизионного ведущего информационных передач понимается совокупность качеств личности, которые являются определяющими с точки зрения зрительской аудитории для оптимального усвоения преподносимой коммуникатором информации, т.к. именно эта профессиональная задача является главной для телевизионного ведущего информационных передач.

Эффективная коммуникативная личность - понятие индивидуальное, поскольку каждый коммуникатор может обладать определенным набором эффективных коммуникативных качеств, отличных или частично сходных с эффективными коммуникативными качествами другого телевизионного ведущего.

Сравнение эффективной коммуникативной личности любого конкретного коммуникатора с эталоном даст возможность не только определить степень его воздействия на аудиторию и разработать практические рекомендации по корректировке качеств, необходимых для повышения эффективности его профессиональной коммуникативной деятельности.

Исследование подтвердило объективность предложенной методики описания коммуникативной личности телевизионного ведущего, поскольку полученные результаты в целом совпали с рейтингом исследуемых ведущих, определенным по методике Центра социологических исследований компании "Останкино" под руководством Всеволода Вильчека. Полученные данные позволяют объяснить рейтинг определенных ведущих конкретными коммуникативными фактами.

К примеру, рассмотрим различия в эффективности речевого воздействия ведущих информационной программы "Новости" агентства "ИТА" Татьяны Митковой и Ирины Мишиной, коммуникативные личности которых были описаны по разработанной методике.

Эффективность коммуникативной личности Татьяны Митковой в оценке телезрителей обусловлена двадцатью одним ядерным качеством. Среди них представлены все ядерные качества эталона эффективной личности телевизионного ведущего информационных передач за исключением ядерного параметра "тональность общения", т.к. эталонное ядерное качество - "нейтрально-логическая", а Татьяна Миткова использует в эфире, с точки зрения телезрителей, "официальную тональность".

Из четырнадцати эталонных качеств поля ближней периферии коммуникативная личность. Т. Митковой включает одиннадцать, за исключением таких компонентов ближней периферии, как "высокая познавательная ценность информации для зрителя", "фактуально-оценочная стратегия подачи информации", "использование иронического подтекста".

Если учесть, что полное соответствие стандартам эталона - явление малореальное, то результаты оценки телезрителями эффективной коммуникативной личности Татьяны Митковой чрезвычайно высоки. Этим, с нашей точки зрения, можно объяснить самый высокий рейтинг популярности данной ведущей среди исследуемых коммуникаторов.

Эффективность коммуникативной личности Ирины Мишиной в оценке телезрителей обусловлена десятью ядерными качествами. Из одиннадцати эталонных ядерных качеств в ядро эффективной личности вошли только шесть (аргументированность тезисов речевого сообщения, четкая артикуляция речи, точное акцентирование смысла в речевом сообщении, достаточный объем словарного запаса, нейтрально-логическая тональность сообщения). За пределами ядра остались качества таких эталонных ядерных параметров, как: "тематическое разнообразие", «функционально-стилистическая доминанта», "диапазон голоса", "интенсивность изложения", "телегеничность". Однако четыре качества зоны ближней периферии эффективного эталона оценены зрителями у Ирины Мишиной как ядерные. Это три характеристики голоса: приятный тембр, средние громкость и высота, а также спокойная манера речи.

В целом коммуникативные качества Ирины Мишиной более чем наполовину не соответствуют стандартам эталона, поэтому объяснима значительная амплитуда зрительских симпатий и антипатий по отношению к этой ведущей.

Корректировка качеств эффективного воздействия на аудиторию этой ведущей должна происходить в рамках специального коммуникативного тренинга.

Проведенное исследование показало, что экспериментальная методика описания коммуникативной личности телевизионного ведущего является действенным инструментом исследования, позволяющим получить надежные и воспроизводимые результаты.

Необходимо учитывать, что модель коммуникативной личности телевизионного ведущего информационных передач обладает определенными ограничениями, связанными с типологическими особенностями избранной для исследования группы профессиональных коммуникаторов и спецификой телевизионной коммуникации. Поэтому разработка критериев выделения разных социально-коммуникативных групп коммуникативных личностей с учетом различий социальных норм общения является одной из актуальных задач данного направления исследований. Вариативность структуры коммуникативной личности в связи с указанными причинами - явление закономерное.

В целом исследование показало то, что разработанная теоретическая модель описания коммуникативной личности телевизионного ведущего информационных передач, представляющая собой интегративную структуру, сочетающую вербальные и невербальные характеристики личности, детерминированные социально, психологически, этически, логически и лингвистически, оказалась пригодной для практического

описания языковых личностей конкретных телевизионных коммуникаторов.

Разработанная исследовательская модель, предназначенная для практического описания определенной типологической группы реальных носителей языка, включает понятие языковой личности (по Ю.Н. Караулову) как составную часть. Описанное явление пожэтому определяется более общим понятием «коммуникативная личность: совокупность отличительных качеств личности, проявляющихся в ее коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальность.

Е.Ю.Лазуренко

Коммуникативная личность русского руководителя

В современных условиях описание коммуникативной личности руководителя актуально в связи с необходимостью разработки методик обучения руководителей эффективной коммуникации и важностью разработки рекомендаций по эффективному взаимодействию в различных ситуациях делового общения.

Наше исследование проводится на материале коммуникативного поведения руководителя среднего звена.

Руководители среднего звена координируют и контролируют работу руководителей низового звена и исполнителей. Этот организационный уровень наиболее представителен в системе управления деятельностью организации. Характер работы руководителей среднего уровня в большей степени определяется содержанием работы подразделения, чем организации в целом. В основном руководители среднего звена являются буфером между руководителями высшего и низового звеньев.

Руководитель среднего звена является представителем достаточно большой социальной группы, коммуникативное поведение руководителей среднего звена является определенным ориентиром для коллектива в целом, но это коммуникативное поведение далеко не всегда является образцовым с точки зрения эффективной коммуникации; при этом сами руководители часто не замечают многие особенности своего коммуникативного поведения, и соответствующее описание позволит им взглянуть на себя со стороны и будет стимулировать их к повышению эффективности коммуникации в профессиональной сфере.

Руководители среднего звена, организационный уровень которых наиболее представителен в системе управления деятельностью любого предприятия или учреждения, по результатам исследования могут получить рекомендации по эффективному взаимодействию в различных

ситуациях делового общения. Исследование поможет выявить проблемные и конфликтные ситуации в профессиональной сфере, что поможет скорректировать психологический климат в организациях и повысить эффективность деловой и межличностной коммуникации.

Актуальной является разработка комплексной методики описания профессионального коммуникативного поведения и описание на базе данной методики коммуникативного поведения современного руководителя среднего звена.

Этапы и приемы экспериментального изучения профессионального коммуникативного поведения

Для исследования и описания коммуникативной личности руководителя нами был разработан и использован комплекс экспериментальных методик, направленных на максимально объективное и системное описание объекта исследования. Весь предлагаемый комплекс методик может быть применен к описанию коммуникативной личности любой профессиональной группы.

Покажем разработанные методики на примере предпринятого нами описания коммуникативного поведения руководителей среднего звена.

I. Предварительный этап

Цель предварительного этапа - составление исходного списка личностных качеств, которыми обладает представитель исследуемой профессиональной группы.

Этот список в дальнейшем подлежит процедуре верификации, то есть перепроверки путем опроса независимой группы испытуемых.

1) Пилотажный опрос.

На этом этапе опрашивается сравнительно небольшое число респондентов (например, нами было опрошено 2 группы по 30 человек). Целью этой процедуры является получение первичной информации. Респондентам предлагается просто назвать личностные качества, которыми обладает представитель той или иной профессиональной группы.

Респонденты в свободной форме отвечали на вопрос: «Какими качествами, по вашему мнению, обладает руководитель?»

В результате данного опроса был получен список качеств руководителя: *спокойный, уравновешенный, умный, умеющий слушать, умеющий сопереживать, строгий, привлекательный внешне, вредный, высокий, красивый, терпимый, способный к компромиссу, внимательный, принципиальный, вежливый и т.д.*

Поскольку предметом анализа являются *коммуникативные* качества руководителя, на этапе интерпретации результатов эксперимента из

полученного списка выбираются только коммуникативные признаки: *уравновешенный, умеет слушать, умеет сопереживать, терпимый, способен к компромиссу, внимательный, вежливый и т.д.*

2) Методика непосредственного наблюдения

Наблюдение как метод исследования предполагает сбор информации без прямого вмешательства и взаимодействия с объектом наблюдения.

Непосредственным наблюдением мы предлагаем назвать такое наблюдения за предметом исследования, которое осуществляется непосредственно исследователем.

Исследователь может наблюдать коммуникативное поведение «чужих» начальников «со стороны», фиксируя особенности их общения письменно или на магнитофонную ленту. Такой метод наблюдения можно назвать *внешним*, поскольку исследователь обычно не принадлежит к данной социальной группе и не находится в каких-либо социальных, иерархических или др. отношениях с объектом наблюдения. Внешнее наблюдение может быть открытым или скрытым.

При *включенном наблюдении* исследователь находится внутри социальной группы, является частью этой группы и непосредственно вступает в контакт с участниками исследуемого взаимодействия, в том числе с объектом наблюдения. Это бывает в случае наблюдения за «своим» начальником. Другой вариант включенного наблюдения – фиксация речевого поведения руководителя с помощью магнитофонной записи с последующей расшифровкой, открыто или скрытно. В нашем случае анализировалась магнитофонная запись поведения руководителей на планерках (10 час).

Методика наблюдения при изучении коммуникативного поведения руководителей в условиях открытого наблюдения или аудиозаписи не всегда эффективна, так как субъекты наблюдения, зная о проводимых исследованиях, могут вести себя контролируемо, что приводит к искажению результатов эксперимента. Скрытое наблюдение дает более эффективные результаты. В процессе наблюдения – внешнего или включенного - фиксируются типичные фразы руководителей, которые потом анализируются с целью выделения коммуникативных качеств личности, реализуемых в данных высказываниях.

2) Методика опосредованного наблюдения.

Данная методика позволяет исследователю не самому наблюдать за коммуникативным поведением представителей тех или иных профессиональных групп, а «поручить» наблюдения за предметом исследования другим людям, число которых может быть достаточно велико, и обобщить результаты наблюдения других людей.

Методика *опосредованного наблюдения* заключается в опросе респондентов о коммуникативном поведении наблюдавшихся ими руководителей по специально разработанному вопроснику. Затем наблюдения, зафиксированные в анкетах, обобщаются исследователем.

Методика опосредованного наблюдения позволяет опросить большое число респондентов, каждый из которых обобщает качества целого ряда наблюдавшихся им руководителей. Таким образом, метод опосредованного наблюдения оказывается достаточно эффективным и репрезентативным.

Нами был предложен респондентам список качеств личности (28 качеств), из которых предлагалось выбрать те, которые, по их наблюдениям, свойственны руководителям. Собственно коммуникативных качеств в этом числе было 22. Данный список был составлен по итогам пилотажного эксперимента.

Респондентам предлагалось охарактеризовать все предложенные качества руководителей, используя три варианта степени проявления каждого качества: *встречается часто; встречается редко; не встречается*.

4) Методика идеальной типизации.

Испытуемым предлагалось назвать признаки идеального руководителя: «Идеальный руководитель. Какой он?» Эксперимент проводился в несколько этапов: свободный подбор типичных коммуникативных признаков руководителей и выбор коммуникативных признаков из предъявленного списка. Время на проведение эксперимента не ограничивалось, как и количество возможных ответов.

В ответах испытуемых были перечислены профессиональные и коммуникативные качества, которыми, по их мнению, должен обладать хороший руководитель.

При обработке результатов эксперимента обрабатывались только *коммуникативные признаки*, выделенные испытуемыми. Список коммуникативных качеств идеального руководителя пополняет исходный список коммуникативных качеств руководителя, подлежащий дальнейшей верификации.

Коммуникативный портрет идеального руководителя нуждается в соотнесении с коммуникативной реальностью – поведением в общении реальных руководителей. В связи с этим использовалась методика идеальной типизации в сочетании с методикой описания коммуникативных качеств реальных руководителей.

Испытуемые должны были ответить на вопросы:

а) «Каким должен быть идеальный руководитель в вашем представлении?»

б) «Какими из перечисленных качеств обладает реальный (Ваш) руководитель?»

5) Методика ранжирования

Мы предлагали испытуемым ранжировать коммуникативные качества реальных руководителей по степени встречаемости. Испытуемым был предложен набор из 15 карточек с отдельными коммуникативными качествами: *умеет слушать, умеет сопереживать, строгий, терпимый, способный к компромиссу, внешне привлекательный, внимательный, вежливый* и т.д.

Испытуемым давалось задание сложить карточки в стопку так, чтобы первая сверху отражала коммуникативный признак, наиболее часто встречавшийся в личном опыте испытуемых, вторая – менее часто и так далее.

6) Методика выявления дифференциальных коммуникативных особенностей речи руководителей.

Для выявления особенностей речи руководителей был составлен список качеств речи и коммуникативных качеств, отличающих речь и поведение руководителя от речи и поведения других людей.

Респондентам была предложена анкета, следующего содержания:

1. Отличается ли речь руководителя от речи других сотрудников? а) да; б) нет; в) частично.

2. Руководители часто используют а) длинные фразы б) короткие фразы.

3. Соблюдают ли руководители нормы речевого этикета (выражение благодарности, извинения, просьбы, приветствия)? а) соблюдают; б) не всегда соблюдают; в) часто не соблюдают; г)не соблюдают.

4. Темп ведения разговора руководителя а) очень высокий; б) заметный; в) средний; г) низкий

и т.д.

7) Методика выявления чувственного образа руководителя в языковом сознании.

Объектом исследования становится стереотипный образ руководителя, сформировавшийся в массовом сознании. Как показало исследование, испытуемые имеют достаточно яркий чувственный образ руководителя, который влияет на его восприятие в процессе коммуникации.

При описании стереотипного образа руководителя был проведен направленный ассоциативный эксперимент, заключающийся в предъявлении испытуемым слов-стимулов, на которые они должны были словесно реагировать. При этом реакция респондентов направлялась экспериментатором при помощи конкретизирующего вопроса. Респондентам предлагалось ответить на вопросы: *руководитель внешне –*

какой?; что делает?; характер – какой? Время выполнения задания ограничивалось 5-тью минутами.

Полученные ответы имели следующий вид: внешне какой – *толстый, в костюме, в галстуке*…; что делает – *руководит, сидит в кабинете, кричит*…; характер какой - *добрый, злой, агрессивный. конфликтный. веселый* **...** .

8) Методика выявления типичных речевых выражений руководителя (методика Е.В.Харченко)

Испытуемым предлагалось записать запомнившиеся выражения руководителей, начальников. Мы пытались выяснить, какие выражения руководители, начальники адресуют своим подчиненным, и что чаще всего запоминают подчиненные.

Приведем пример опросного листа:

Просим Вас принять участие в лингвистическом эксперименте. Запишите, пожалуйста, запомнившиеся вам типичные выражения начальников, руководителей.

При обработке результатов эксперимента отдельно описываются типичные выражения, которые являются общими для всех руководителей, а также выражения, которые свойственны руководителям разных коллективов (педагогических, медицинских, производственно-технических, рабочих и др.).

9) Методика выявления высказываний руководителей, одобряемых и не одобряемых подчиненными.

В ходе эксперимента респондентам предлагалось записать запомнившиеся выражения руководителей, которые нравятся и не нравятся им.

Пример опросного листа:

Просим Вас принять участие в лингвистическом эксперименте. Запишите, пожалуйста, не менее 3-х запомнившихся Вам фраз или выражений начальников.

Выражения, которые Вам нравятся:

1.
2.
3.

Выражения, которые Вам не нравятся:

1.
2.
3.

	Сколько можно вам повторять; почему я должен все время напоминать
	Зайди быстро; иди, работай; слушайте, что вам говорят; замолчите
	Будете работать в выходной; задержитесь после работы; пока не сделаете – не уйдете
	Пошел вон
	Надо ужесточить меры; будут строго наказываться
	Лишу премии; денег не будет

II. Этап обобщения экспериментально выявленных коммуникативных признаков

На данном этапе исследователь обобщает результаты всех проведенных экспериментов (см. выше) и составляет единый сводный обобщенный список коммуникативных качестве представителя исследуемой профессиональной группы, суммируя выделенные во всех экспериментах признаки.

Данный этап предполагает следующие процедуры:

1. Коммуникативные признаки отграничиваются от не коммуникативных (деловых, психологических, личностных и т.д.), последние исключаются из дальнейшего рассмотрения.
2. Разные метаязыковые обозначения одного и того же коммуникативного признака, полученные в разных экспериментах (например: *орет, кричит, повышает голос на подчиненных, не умеет спокойно разговаривать* и т.д.), обобщаются единым метаязыковым обозначением: *кричит на подчиненных* и т.д.
3. Составляется единый итоговый список коммуникативных признаков представителя профессиональной группы, включающий все неповторяющиеся признаки, выделенные в предварительных экспериментах.

III. Этап верификации выявленных коммуникативных признаков

Коммуникативные характеристики, выявленные на втором этапе, обобщаются и предлагаются для верификации.

Список выделенных признаков корректируется и верифицируется независимыми информантами.

Информантам дается задание: подтвердить или отвергнуть тот или иной коммуникативный признак.

Пример анкеты:

Мы изучаем особенности общения и поведения российских руководителей среднего звена. Просим вас принять участие в эксперименте.

Прочитайте список признаков общения и поведения руководителей, которые выделили опрошенные нами испытуемые разного возраста, пола, профессии. Если вы считаете, что известным вам руководителям данный признак свойствен, поставьте плюс в соответствующей графе. Если вы так не считаете, оставьте клетку пустой. Опирайтесь на собственные наблюдения над известными вам руководителями.

Убедительная просьба – оценить каждый из приведенных ниже признаков. Спасибо!

Качества руководителя	
Авторитетный тон	
Деликатная манера речи	
Повышенная громкость речи	
Уверенность в себе	
Часто делает замечания	

Полученные данные используются для ранжирования коммуникативных признаков руководителя по яркости в сознании носителей языка и полевой стратификации модели коммуникативного поведения руководителя.

IV. Этап описания коммуникативного поведения руководителя (моделирование)

На этом этапе обобщаются все полученные и верифицированные разными приемами и методами характеристики коммуникативного поведения руководителя, что позволяет создать обобщенный итоговый коммуникативный портрет руководителя; выделяются ядерные и периферийные признаки.

Данная методика была апробирована в процессе системного описания реального коммуникативного поведения российского руководителя среднего звена.

В опросах и экспериментах участвовали 1820 человек разного возраста и профессий. В пилотажном эксперименте приняли участие 74 человека. Для выявления коммуникативных характеристик руководителя были опрошены 517 человек. В ассоциативном эксперименте приняли участие 255 человек. В оценке речевого поведения руководителя приняли участие 405 человек. Для выявления одобряемого и порицаемого образа руководителя было опрошено 359 человек, было получено 1196 высказываний руководителей. В процедуре верификации приняли участие 210 человек.

I. Предварительный этап

Пилотажный опрос

Были выделены следующие коммуникативные признаки (22): *повышенная громкость речи; авторитетный тон; деликатная манера речи; категоричность высказываний; часто перебивает собеседника; отклоняет возражения; агрессивные позы; унижает подчинённых; говорит сочувственным тоном; часто делает замечания; умеет выслушивать; умеет поддержать разговор; умеет разрешить конфликт; умеет сопереживать; требовательный; уравновешенный; внимательный; терпимый; высокомерный; использует грубые слова; использует нецензурные выражения; говорит строгим тоном.*

Методика включенного наблюдения

Нами записывались деловые диалоги руководителя промышленного предприятия в течение двух рабочих дней (10 часов). О том, что ведется наблюдение и запись, знал только руководитель и не знали другие участники общения. Тексты были переведены в письменную форму и проанализированы с целью выявления тактик, стратегий, профессиональных речевых формул, используемых руководителем.

Записанные тексты представляют различные типы делового общения: строго официальное общение (встреча с журналистами; телефонные разговоры со сторонними организациями); менее официальное общение (рабочие совещания, планерки); полуофициальное общение, повседневное межличностное общение, осуществляемое в форме диалога (разговор с секретарем, канцелярией, водителем).

В записанном тексте всего 39600 словоупотреблений, количество словоупотреблений в минуту – 66, на речь руководителя в среднем приходится 25 словоупотреблений в минуту. Эта цифра может увеличиваться и в некоторых диалогах достигать пятидесяти.

Особенностью речевого поведения руководителя является использование императивных указаний: *садись, давай, зайдите, отпишите, подъезжай, делай, решай, делай документ* и т.д.

Обращает на себя внимание большое количество вопросов на понимание и уточнение условий задачи: *В чем вопрос?; Когда поступило?; Что у вас? Какие положения, о чем?; Что касается главного механика? Ты связывался с другими заводами?; Как у них обстоят дела?; С компанией согласовали? Какая помощь нужна? Что, он растет?; Сколько водорода?; Насос сделали?; Продукция в норме? Написали документ? Понятно? Ты в курсе дела? Бумаги соответствующие есть? и т.д.*

Используются комментарии в виде прецедентных текстов: *спилил сук, на котором сидел; путаться в трех соснах; путей к отступлению не будет; кирпич на голову упадет.*

В речи руководителя заметны иронические фразы и комментарии:

Говорят и не делают? Нормально!; Вот начальник назвал топоры вилами. И стало все понятно до слез; Бумажечку техническому директору; Сказал – положи подпись; вместо гвоздей - топоры, вместо топоров – вилы; Миша, твоя задача показывать и жестикулировать: смысл сказанного значения не имеет. Для выражения иронии используются уменьшительно-ласкательные суффиксы: *записочка; бумажечка.*

В речи руководителя достаточно широко используются указания подчиненным на то, что нужно делать: *надо зарегистрировать, отнести, обязательно отправить; слушаем диспетчера; насос надо сделать; давайте, вопрос решайте; оригинал никому не давать; вы поняли, как надо действовать?*

Критика в адрес подчиненных, указание на обязанности: *инструкции надо знать; документ не оформлен; не указан срок; где срок окончания работ?; сколько нужно времени, чтобы прочесть акт; акт-допуск без даты окончания!; что вы делали три часа; одна бумага другой не соответствует; так нельзя.*

Приглашение к совету, обдумыванию: *я прав или нет; правильно я говорю?; давайте посоветуемся; этот случай меня настораживает; я хочу, чтобы от нашего разговора была польза; разберем, чтобы выяснить, в чем ошибки.*

Призывы, обращения с просьбами: *прощу обратить внимание; прошу вас…услышать четкий доклад; просьба – отпиши до исполнения,*

Вежливые речевые формулы: *спасибо; будь бодр; добрый день; хорошо; будь здоров; всего доброго.*

Приглашение к общению: *давай разберемся по-порядочку; садись, пожалуйста; присаживайтесь; располагайтесь.*

Обещания оказать помощь, поддержку: *если нужна будет моя помощь, обращайся; будут проблемы – скажи; какая помощь нужна.*

В разговорах руководитель демонстрирует приемы активного слушания: повторяет отдельные фразы, задает вопросы на уточнение (*ну, что у нас; в чем вопрос; то есть, нужен…; нужно уточнить…; вопросы ко мне есть?*), произносит контактные фразы (*ага, так, хорошо, угу*); внимательно выслушивает.

В зафиксированных текстах используется прием экономии речевых средств, выраженный в широком употреблении аббревиатурных технических терминов: ОКС, ВИК, АТ, КИП, ЦЗЛ. Причем, используются речевые формулы, в которых неодушевленные имена существительные, аббревиатуры, используются в роли самостоятельных одушевленных существительных (метонимия): *ОКС подходит; бухгалтерия не понимает; бухгалтерия обрабатывает; техника безопасности не делает*.

Активно используются терминологические, профессиональные слова: *резервуары; наряд-допуск, реформинг, водород, товарно-сырьевой цех, общезаводские инструкции; капитальный, текущий ремонт; оборудование ОКСА; порталы предприятия; департамент; технический надзор; профилактика; инструкции; границы зоны опасности; строительный объект; акт; распоряжение; опрессовка и т.д.*

Руководитель, безусловно, компетентен в своей профессиональной сфере, интересуется ходом производства, дает советы подчиненным: *Сколько бутана получили? Не нажимай, остаток нормальный; Слабоват выход, 4 градуса, холодильники забиты.*

Наблюдается использование разговорной, сниженной лексики в официально-деловом стиле: *бумажка, бумага (вместо «документ»); придурок; забил инструкции; телевизионщики; набить морду; взять за хобот.*

Названные особенности дают общее представление о доминантных чертах коммуникативного поведения руководителя: *использует императивные указания, прецедентные тексты; задает вопросы на понимание и уточнение условий задачи; обладает развитым чувством юмора; дает указания, что нужно делать; критикует подчиненных, указывает на обязанности подчиненных; приглашает к совету, обдумыванию; обращается с просьбами; приглашает к общению; обещает оказать помощь, поддержку; дает советы; внимательно слушает; компетентный, вежливый; допускает речевые ошибки; использует профессионализмы; темп речи средний; громкость адекватная.*

Методика опосредованного наблюдения

Репондентами были лица разных возрастов и профессий (170 человек), которые выступали наблюдателями и их наблюдения фиксировались путем анкетирования.

Респондентам был предложен список качеств личности (32 качества), в том числе коммуникативных качеств 22, из которых предлагалось выбрать те, которые, по наблюдениям респондентов, свойственны наблюдавшимся ими руководителям.

Предлагалось ранжировать каждое качество по следующей шкале:

Встречается часто	Встречается редко	Не встре-чается

При обработке результатов опроса были выделены коммуникативные качества руководителя, которые по предложенным шкалам получили следующие значения (в процентах от числа респондентов).

№ п/п	Качества руководителя	Встречается часто	Встречается редко	Не встре-чается
1	*Повышенная громкость речи*	*69*	*31*	*0*
2	*Уверенность в себе*	*95*	*5*	*0*
3	*Авторитетный тон*	*86*	*14*	*0*
4	*Строгий тон*	*74*	*26*	*0*
5	*Деликатная манера речи*	*29*	*68*	*3*
6	*Категоричность высказываний*	*79*	*22*	*0*
7	*Часто перебивает собеседника*	*52*	*44*	*4*
8	*Отклоняет возражения*	*60*	*40*	*0*
9	*Агрессивные позы*	*15*	*67*	*18*
10	*Унижает подчинённых*	*36*	*52*	*12*
11	*Говорит сочувственным тоном*	*32*	*55*	*13*
12	*Часто делает замечания*	*74*	*26*	*0*
13	*Умеет выслушивать*	*59*	*41*	*0*
14	*Умеет поддержать разговор*	*74*	*26*	*0*
15	*Умеет разрешить конфликт*	*52*	*45*	*3*
16	*Умеет сопереживать*	*29*	*60*	*11*
17	*Требовательность*	*96*	*4*	*0*
18	*Высокомерие*	*67*	*33*	*0*
19	*Использует грубые слова*	*37*	*53*	*10*
20	*Использует нецензурные выражения*	*24*	*53*	*25*
21	*Внимательный*	*22*	*65*	*13*
22	*Уравновешенный*	*35*	*50*	*15*

Как следует из полученных результатов, доминируют такие признаки, как: *требовательность, уверенность в себе, авторитетный тон,*

категоричность высказываний, умение поддержать разговор, часто делает замечания, строгий тон, повышенная громкость речи, высокомерие, отклонение возражений.

Среди качеств, которые встречаются редко, респонденты отметили такие, как *деликатная манера речи, агрессивные позы, умение сопереживать, использование грубых и нецензурных слов, унижение подчиненных*.

Обращает на себя внимание то, что большинство самых ярких признаков (черт) коммуникативного поведения руководителя так или иначе связано с понятием коммуникативной толерантности.

Анализ полученных результатов свидетельствует, что в массовом сознании, отражением которого являются испытуемые, толерантность не выступает как качество, присущее руководителям.

Наиболее дефицитными составляющими толерантности современного российского руководителя, по мнению ИИ, выступают: *деликатная манера речи, сочувственный тон, умение поддержать разговор, умение разрешить конфликт* и *умение сопереживать*.

Методика идеальной типизации

Для выявления качеств идеального руководителя и соотнесения результатов с реальностью, нами были сопоставлены результаты пяти экспериментов:

1) Ваш идеал руководителя
2) Хороший и плохой руководитель
3) Наиболее важные качества руководителей
4) Наиболее дефицитные качества руководителей
5) Идеальный руководитель в образовании и его соотнесение с реальным руководителем.

Анализ ответов позволил выявить следующие коммуникативные качества идеального руководителя: *профессионал, хороший организатор, имеет авторитет, верит в свое дело, любит свое дело, внимательный к коллективу, способен убеждать, помогает подчиненным, вне критики, упорный, справедливый, требовательный, решительный, образованный, целеустремленный, честный, прозорливый, корректный, ответственный*.

2) Хороший и плохой руководитель

Обобщая характеристики идеального руководителя, названные в трех экспериментах идеальной типизации, можно представить сводную характеристику идеального руководителя:

профессионал, хороший организатор, имеет авторитет, верит в свое дело, любит свое дело, внимательный к коллективу, способен

убеждать, помогает подчиненным, вне критики, упорный, справедливый, требовательный, решительный, образованный, целеустремленный, честный, прозорливый, корректный, ответственный, заботливый, сочувствующий, опытный, компетентный, честный, справедливый, принципиальный, уважительный, доверительно относящийся к подчиненным, контактный, умеет общаться с подчиненными, умеет выслушивать, ответственный, умеет работать в команде, доброжелательный, умеет принимать решение, умеет расставлять приоритеты, четко ставит задачу, уравновешенный, вежливый.

Методика ранжирования

Изучение коммуникативных качеств руководителей представляет интерес с точки зрения выявления тех качеств, которые чаще всего демонстрируют руководители, и тех качеств, которые являются наиболее дефицитными в общении.

В эксперименте принимали участие 82 человека различных профессий (48 мужчин и 34 женщины) в возрасте от 20 до 60 лет.

Мы предложили испытуемым ранжировать коммуникативные качества руководителей по степени их яркости (частотности представленности у реальных руководителей)

ИИ был предложен набор из 15 карточек с перечисленными на них коммуникативными качествами: *умеет слушать, умеет сопереживать, строгий, терпимый, способный к компромиссу, привлекательный внешне, внимательный к подчиненным,, вежливый, спокойный, уравновешенный, коммуникабельный, уважающий подчиненных, умеющий разрешить конфликт, требовательный, справедливый.*

Необходимо было расположить карточки так, чтобы первая отражала особенности общения руководителей, наиболее часто встречающиеся в личном опыте испытуемых, вторая – менее часто и так далее.

Результаты эксперимента были обработаны следующим образом: каждому из 15 коммуникативных признаков присваивался балл в зависимости от того места, на которое его поставил тот или иной испытуемый. Так, если признак был поставлен на первое место, ему присваивался 1 балл, если на седьмое - 7 баллов, если на пятнадцатое – 15 баллов. Затем ответы всех испытуемых по каждому признаку суммировались в баллах: если все 82 испытуемых поставили определенный признак на 1 место, то и сумма составляла 82 балла. Наименьший балл отражает наибольшую яркость признака.

Сумма баллов по каждому признаку делилась на количество опрошенных для установления индекса яркости каждого признака.

Полученные результаты отражены в следующей таблице (признаки расположены по убыванию яркости признака):

Коммуникативные качества	**Баллы**
	Всего
1. Требовательный	*8,4*
2. Справедливый	*16*
3. Строгий	*16,2*
4. Коммуникабельный	*17*
5. Умеет разрешить конфликт	*17,2*
6. Уравновешенный	*18,9*
7. Способен к компромиссу	*19,6*
8. Уважает подчиненных	*19,7*
9. Умеет слушать	*20,7*
10. Внимательный к подчиненным	*20,8*
11. Вежливый	*22,3*
12. Умеет сопереживать	*23,8*
13. Спокойный	*27,4*
14. Терпимый	*27,9*
15. Привлекательный внешне	*29,8*

Наиболее яркими коммуникативными качествами в итоге оказались следующие: *требовательный, справедливый, строгий, коммуникабельный, умеет разрешить конфликт,, уравновешенный, способен к компромиссу, уважает подчиненных, умеет слушать.*

Эксперимент показал, что наиболее дефицитными качествами руководителей являются *терпимость, спокойствие, умение сопереживать, вежливость и внимание к подчиненным.*

Методика выявления дифференциальных коммуникативных особенностей речи руководителей

На первом этапе нашего исследования мы предлагали респондентам выбрать те качества речи, которые наиболее ярко демонстрируются большинством руководителей.

Пример опросного листа:

Просим Вас ответить на следующие вопросы.

1. Отличается ли речь руководителя от речи представителей других профессий?

А) да

Б) нет

В) частично

2. Руководители чаще используют:

А) длинные фразы

Б) короткие фразы

3. Соблюдают ли руководители нормы речевого этикета (выражение благодарности, извинения, просьбы, приветствия)

А) соблюдают

Б) не соблюдают

В) часто не соблюдают

Г) обычно не соблюдают

4. Темп ведения разговора

А) очень высокий

Б) заметный

В) средний

Г) пониженный

Д) низкий

5. Тенденция критиковать подчиненных

А) ярко выраженная

Б) выраженная

В) заметная

Г) слабо выраженная

Д) невыраженная

6. Категоричность формулировок

А) очень широко используется

Б) достаточно широко используется

В) редко используется

7. Перебивание собеседника

А) широко распространено

Б) распространено

В) не распространено

8. Допустимость инакомыслия у подчиненных

А) приветствуется

Б) допускается

В) не поощряется

Г) не допускается

9. Громкость ведения разговора

А) очень высокая

Б) повышенная

В) заметная

Г) пониженная

Д) низкая

В эксперименте принимали участие 127 человек: 52 мужчины и 75 женщин различных возрастов и профессий.

При ответе на первый вопрос 64% опрошенных отметили, что отличие есть; 32% отметили, что речь руководителя отличается частично; 4% опрошенных не заметили каких-либо отличий.

Наибольшее единодушие ИИ проявили, отвечая на вопрос о категоричности высказываний, свойственных руководителям. 67% опрошенных дали утвердительный ответ на вопрос, как часто подобное явление используется руководителями, 23% ответили, что явление очень часто используется, 10% - редко используется.

Перебивание собеседника распространено в 63% случаев, не распространено – 22%.

61% ИИ заметили, что при ведении разговора руководители демонстрируют заметную громкость голоса, 28% отметили повышенную громкость. Темп ведения разговора назвали высоким 43% опрошенных. В 58% случаев руководители используют длинные фразы, в 42% - короткие.

Интересно отметить, что, отвечая на вопрос, допускают ли руководители инакомыслие у подчиненных, мнения разделись: 43% подтвердили, что инакомыслие допускается, а 46% - инакомыслие не поощряется.

Тенденцию критиковать подчиненных заметили 69 % опрошенных.

На вопрос, соблюдают ли руководители нормы речевого этикета при общении с подчиненными, были получены следующие ответы: 28% соблюдают нормы речевого этикета, 35% часто не соблюдают, 31% не соблюдают.

Таким образом, существенные отличия в речевом поведении руководителей есть, это замечено большинством респондентов.

Проведенный эксперимент показал, что руководители часто *высказываются категорично, перебивают собеседников, демонстрируют заметную громкость голоса, темп ведения разговора высокий, часто не соблюдают речевой этикет, не поощряют инакомыслие, часто критикуют подчиненных.*

Методика выявления чувственного образа руководителя в языковом сознании

Объектом исследования стал стереотипный чувственный образ руководителя, сформировавшийся в массовом сознании.

Мы пытались выяснить, какие чувственные образы связаны со словом «руководитель».

При описании стереотипного чувственного образа профессионала был проведен направленный ассоциативный эксперимент, заключающийся в предъявлении испытуемым слов-стимулов, на которые они должны были реагировать адъективной формой. Обработка результатов ассоциативного

эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение определенных *признаков* исследуемого понятия, в том числе и чувственных.

В эксперименте участвовали женщины и мужчины разного возраста и профессий: врачи, учителя, инженеры, рабочие, служащие, студенты, всего 255 человек.

ИИ предлагалось ответить на вопросы: *руководитель внешне – какой? по характеру – какой? что делает?*. Время выполнения задания ограничивалось 3 минутами.

Наиболее яркими характеристиками внешности, выявленными в эксперименте, оказались:

строго одетый (*строгий деловой классический костюм, галстук, очки, строгий);*

серьезный (суровый, редко улыбается; надменное недовольное выражение лица);

аккуратный (подтянутый, опрятный, стройный, мужчина привлекательный внешне);

солидный (важный, высокий, крупный, полный);

среднего возраста;

интеллигентный;

современный;

лысый.

Доминантные характеристики поведения:

Руководит (сидит за столом в кабинете, работает с документами, контролирует, управляет, пишет, ведет собрания, проводит совещания, думает; много говорит; отдает распоряжения, звонит по телефону; следит за порядком);

Дает указания (приказывает, требует, проверяет);

Критикует (делает замечания, ругает, наставляет);

Общается с подчиненными (учит, советует, иногда хвалит, разговаривает с подчиненными, помогает подчиненным);

Кричит (кричит и угрожает, возмущается);

Признаки характера начальника, имеющие внешнее проявление:

строгий (бескомпромиссный, сильный, деловой)

властный (целеустремленный, уверенный в себе, жесткий)

сдержанный (уравновешенный, спокойный, сангвиник)

эмоциональный (взрывной, неуравновешенный, вспыльчивый, упрямый, резкий, капризный, вспыльчивый, откровенный)

требовательный (настойчивый)

общительный (коммуникабельный)
энергичный
доброжелательный

Методика выявления типичных речевых выражений руководителя (методика Е.В.Харченко**)**

Респондентам предлагалось записать запомнившиеся выражения начальников. Мы пытались выяснить, какие выражения начальники адресуют своим подчиненным, и что чаще всего запоминают подчиненные. В эксперименте принимали участие врачи, учителя, инженеры, рабочие, служащие, всего 278 человек.

Всего было получено 445 речевых реакций.

Общие результаты эксперимента могут быть представлены в таблице:

Тематическая группа	**Количество реакций**
Императивные указания	38
Комментарии и мнения в виде прецедентных текстов	34
Иронические фразы и комментарии	34
Угрозы увольнения	27
Демонстрация статуса начальника	27
Декларация собственных деловых принципов	19
Вопрос на понимание условия задачи	19
Общие стратегические советы	16
Указания на обязанности подчиненных	16
Обвинение подчиненных в лени	15
Указания на то, что нужно делать	13
Юмористические и афористические деловые принципы	13
Угроза наказания	13
Речевые ошибки	13
Мобилизующие лозунги	13
Иронические вводные конструкции	11
Критика интеллектуальных способностей подчиненных	9
Слова-паразиты	9
Указание на вышестоящих руководителей	9
Ссылка на компетентность, информированность, обусловленная руководящим положением	8
Переадресация ответственности за решения	7
Реплики одобрения, сопереживания	7
Похвала	7

Апелляция к корпоративным ценностям	6
Оскорбительные, оценочные выражения	6
Сентенции	5
Реплики неодобрения	5
Обиды	5
Обращения	5
Критика и угрозы в адрес подчиненных	5
Вежливые вводные конструкции	4
Обещание учесть мнение подчиненных	3
Обещание оказания помощи	3
Срочные указания	3
Ссылка на занятость	3
Приглашение к совету, обдумыванию	2
Потребность в сопереживании	2
Угроза материального наказания	2
Приглашение к общению	2
Ссылка на авторитет	1
Мотивация к труду	1
Нецензурные выражения	1
Благодарность	1
Фразы, подчеркивающие значимость подчиненных	1
Невербальная информация	1

Проведенный эксперимент позволяет выявить некоторые доминантные черты общения руководителей с подчиненными. Все руководители достаточно широко используют *императивные указания, комментарии в виде прецедентных текстов, иронические фразы и комментарии, грозят увольнением, демонстрируют свой статус, объясняют собственные деловые принципы, задают вопросы на понимание условий задачи, дают стратегические советы, напоминают об обязанностях подчиненных, дают прямые указания, что и как нужно делать, грозят наказанием, обвиняют подчиненных в лени.*

Широко представлены иронические вводные фразы и иронические комментарии реплик подчиненных.

Среди наименее частотных выражений оказались *вежливые вводные конструкции, обещания учесть мнение подчиненных, обещание оказать помощь, приглашение к совету, обдумыванию, потребность в сопереживании, приглашение к общению, ссылка на авторитет, мотивация к труду, благодарность.*

Полученные результаты позволяют говорить о наличии определенной специфики в речи руководителей разных профессиональных коллективов.

Руководители медицинских учреждений и руководители в производственной сфере демонстрируют наименее вежливые,

категоричные и даже нецензурные высказывания в адрес своих подчиненных.

Рабочие чаще, чем представители других исследуемых профессий, слышат в свой адрес угрозы, их чаще страшат наказаниями.

Инженерно-технический персонал руководители призывают соблюдать корпоративные традиции и ценности, взывают к производственной необходимости.

Прецедентные тексты в обращении к подчиненным чаще используют руководители образовательных учреждений.

Информация об особенностях речи руководителей позволяет обнаружить проблемные и конфликтные ситуации в ряде профессиональных сфер и может помочь скорректировать психологический климат в организациях. Большинство руководителей используют авторитарный стиль управления коллективом.

Учитывая тип руководства и индивидуальные психологические особенности личности, можно выстроить достаточно эффективную стратегию поведения для достижения собственных целей. Большинства конфликтных ситуаций можно избежать, если четко представлять правила игры и мотивацию поступков начальника.

Методика выявления одобряемых и неодобряемых высказываний

Эксперимент, позволяющий охарактеризовать речевое поведение руководителей, заключался в выявлении слов и выражений, которые больше всего нравятся подчиненным и не нравятся им. Всего было опрошено 359 человек.

Общие результаты эксперимента могут быть сведены в таблицу:

ОДОБРЯЕМЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	**НЕОДОБРЯЕМЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ**
Похвала (38)	Угрозы увольнения (41)
Юмористические и афористические деловые принципы (21)	Демонстрация статуса начальника (38)
Реплики одобрения, сопереживания (19)	Императивные указания (30)
Материальное поощрение (16)	Критика и угрозы в адрес подчиненных (26)
Прямые указания, что надо делать (15)	Лишение отдыха (21)
Обращения КАКИЕ? (14)	Иронические комментарии речи и поведения подчиненных (21)
	Оскорбительные, оценочные

Фразы, подчеркивающие значимость подчиненных (14) Приглашение к отдыху (14) Приглашение к совету, обдумыванию (13) Вопросы КАКИЕ?(13) Обещание учесть мнение подчиненных (12) Иронические фразы и комментарии (11) Обещания оказания помощи (11) Фразы, указывающие на силу коллектива (11) Обещание оказания помощи (11) Этикетные формулы приветствия, прощания (10) Объявление собственных принципов (10) Общие стратегические советы –(10) Просьба (10) Мобилизующие лозунги (8) Благодарность (8) Приглашение к действиям (6) Приглашение к общению (6) Пословицы, поговорки, фразеологизмы (6) Скрытая угроза (5) Реплики неодобрения (4) Вежливые вводные конструкции (3) Поздравления (2) Потребность в обдумывании (2)	выражения (20) Критика интеллектуальных способностей подчиненных (17) Угроза материального наказания (16) Вопросы КАКИЕ? (14) Грубые выражения (12) Указания на обязанности подчиненных, обвинение в лени (12) Нецензурные выражения (12) Срочные указания (11) Объявление собственных деловых принципов (10) Категорические замечания (9) Требования увеличить темп работы (9) Отказы (9) Нарушение норм культуры речи (8) Ссылка на занятость (8) Переадресация ответственности за решения (8) Обиды (8) Указание на неизменность мнения в силу должностного положения (8) Юмористические и афористические деловые принципы (8) Обобщенные, косвенные указания (7) Переадресация проблемы (7) Краткие категорические требования (6) Ссылка на компетентность, информированность, обусловленная руководящим положением (6) Иронические, шутливые обращения (5) Уменьшительно-ласкательные обращения (2)

Указание на вышестоящих руководителей (2) Пожелания (2) Угрозы (2) Слова-паразиты (2) Потребность в сопереживании (1)	

Интересно заметить, что реакций, которые нравятся ИИ, гораздо меньше, чем реакций, которые подчиненным не нравятся: соответственно 45% и 54%. Из этого следует, что руководители гораздо чаще критикуют и ругают подчиненных, чем хвалят и подбадривают. Люди более чувствительно реагируют на критику, чем на похвалу и одобрение.

Приведем конкретные примеры выражений, которые одобряются и не одобряются подчиненными: (указываются наиболее частотные примеры, приводимые респондентами):

Выражения, которые оцениваются положительно	Выражения, которые оцениваются отрицательно
Коллеги, милые дамы, дорогие мои, молодцы; умницы, очень хорошо	Бездельники, хамы, бессовестные
Сделай, пожалуйста; будьте добры; подождите, пожалуйста.	Я никого не держу; не нравится работа – увольняемся; вас никто не держит; за воротами много стоят; уволю с работы
Как дела; как настроение; как работается; вам нужна помощь	Сколько можно вам повторять; почему я должен все время напоминать
Нужно помочь; все решим	Зайди быстро; иди, работай; слушайте, что вам говорят; замолчите
Перекури, обед; короткий день	Будете работать в выходной; задержитесь после работы; пока не сделаете – не уйдете
Хорошо сработано – так держать	Пошел вон
У вас все получится; все	Надо ужесточить меры; будут строго

нормально	наказываться
Работаем на шабаш; зарплата; дадут премию	Лишу премии; денег не будет
Давайте вместе подумаем; давайте посоветуемся	Я сказал; начальник здесь я ; начальник всегда прав; я тебе говорю; приказы начальника – не обсуждать
Я вас внимательно слушаю; присаживайтесь, пожалуйста	Подождите; у меня нет времени
Могу на вас положиться; я надеюсь на вас	Много ума?; Самый умный, что ли? Не умничай!

V. Этап обобщения экспериментально выявленных коммуникативных признаков руководителя

Проведенные опросы и эксперименты позволяют составить сводный список признаков коммуникативного поведения руководителя среднего звена.

Для этого суммируются все неповторяющиеся признаки, выделенные разными экспериментальными методиками; формулировки признаков, названных в разных экспериментах разными испытуемыми, унифицируются исследователем.

III. Этап верификации выявленных коммуникативных признаков

Сводный список, в котором удалены повторяющиеся признаки, предъявляется независимым испытуемым - носителями коммуникативной культуры.

Испытуемым дается задание:

«Мы изучаем особенности общения и поведения руководителей среднего звена. Просим вас принять участие в эксперименте.

Прочитайте список признаков общения и поведения руководителей, которые выделили опрошенные нами испытуемые разного возраста, пола, профессии. Если вы считаете, что типичному руководителю среднего звена данный признак свойствен, поставьте плюс в соответствующей графе. Если не считаете, что этот признак свойствен руководителям, оставьте клетку пустой. Опирайтесь на собственные наблюдения за известными вам руководителями.

Убедительная просьба – оценить каждый из приведенных ниже признаков. Спасибо!».

Далее приводится общий список коммуникативных признаков.

Результаты эксперимента по верификации представлены в следующей таблице:

	Всего 210	Женщины 140	Мужчины 70
Авторитетный тон речи	144 (69%)	94(44,8%)	50(24,2%)
Требовательный	142 (68%)	90(42,9)	52(25,1)
Умеет поддержать разговор	141(67%)	95(45,2)	46(21,8)
Поздравляет с праздничными датами	139(66%)	104(50)	35(16)
Использует профессиональные термины	137(65%)	85(40,5)	52(24,5)
Дает прямые указания, что надо делать	135(64%)	87(41)	48(23)
Общительный	124(59%)	84(40)	40(19)
Аккуратный	120(57%)	79(38)	41(19)
Дает срочные указания	117(56%)	71(33,8)	46(22,2)
Умеет выслушивать	117(56%)	80(38)	37(18)
Дает советы	114(54%)	74(35,2)	40(18,8)
Демонстрирует статус руководителя	114(54%)	74(35,2)	40(18,8)
Умеет разрешить конфликт	112(53,3%)	73(34,8)	39(18,5)
Серьезный	112(53,3%)	70(33,3)	42(20)
С чувством юмора	111(52,8%)	77(36,7)	34(16,1)
Высказывает неодобрение	111(52,8%)	64(30,5)	47(22,3)
Критикует	109(51,9%)	71(33,8)	38(18,1)
Строгий	109(51,9%)	68(32,4)	41(19,5)
Использует этикетные формулы приветствия, прощания	107(50,9%)	78(37)	29(13,9)
Знает психологию	107(50,9%)	77(36,7)	30(14,2)
Указывает (пойди, принеси, сделай)	106(50,4%)	60(28,6)	46(21,8)
Эмоциональный	105(50%)	71(33,8)	34(16,2)
Мотивирует к труду	104(49,5%)	64(30,5)	40(19)
Умеет убеждать	104(49,5)	65(30,9)	39(18,6)
Строго одет	103(49%)	71(33,8)	32(15,2)
Категорично высказывается	101(48%)	64(30,5)	37(17,5)

Вежливый	100(47,6%)	71(33,8)	29(13,8)
Приглашает к совету, обдумыванию	100(47,6%)	66(31,4)	34(16,2)
Темп речи средний	100(47,6%)	58(27,6)	42(20)
Уважительно говорит с подчиненными	99(47%)	68(32,4)	31(14,6)
Сдержанный	99(47%)	67(31,8)	32(15,2)
Часто делает замечания	96(45,7%)	64(30,5)	32(15,2)
Обращается с просьбами	92(43,8%)	63(30)	29(13,8)
Дает общие стратегические советы подчиненным	90(43%)	54(25,7)	36(17,3)
Доброжелательный	90(43%)	60(28,6)	30(14,4)
Обещает учесть мнение подчиненных	90(43%)	57(27)	33(16)
Интеллигентный	88(42%)	62(29,5)	26(12,5)
Ссылается на компетентность, информированность, обусловленную его руководящим положением	87(41,4%)	55(26,2)	32(15,2)
Благодарный	86(41%)	60(28,6)	26(12,4)
Высказывает одобрение деятельности подчиненных	86(41%)	56(26,6)	30(14,4)
Хвалит	83(39,5%)	60(28,6)	23(10,9)
Отзывчивый	82(39%)	62(29,5)	20(9,5)
Привлекательный внешне	81(38,5%)	62(29,5)	19(9)
Приглашает к общению	81(38,5%)	60(28,6)	21(9,9)
Говорит громко	81(38,5%)	57(27)	24(11,5)
Обвиняет подчиненных в лени	78(37%)	49(23,3)	29(13,7)
Указывает на неизменность своего мнения в силу должностного положения	77(36,6%)	52(24,8)	22(11,8)

Терпимый	77(36,6%)	52(24,8)	22(11,8)
Говорит строгим тоном	77(36,6%)	46(21,9)	31(14,7)
Указывает на силу коллектива	75(35,7%)	54(25,7)	21(10)
Использует в речи пословицы, поговорки, фразеологизмы	74(35,2%)	55(26,2)	19(9)
Отказывает	74(35,2%)	46(21,9)	28(13,3)
Ссылается на занятость	73 (34,7%)	46(21,9)	27(12,8)
Деликатная манера речи	72(34,2%)	49(23,3)	23(10,9)
Умеет сопереживать	72(34,2%)	55(26,2)	17(8)
Использует иронические, шутливые обращения	71(33,8%)	46(21,9)	25(11,9)
Отклоняет возражения	70(33,3%)	46(21,9)	24(11,4)
Грозит материальным наказанием	68(32,3%)	36(17,1)	32(15,2)
Задает вопросы на понимание и уточнение условий задачи	68(32,3%)	42(20)	26(12,3)
Высокомерный	65(30,9%)	39(18,6)	26(12,3)
Ссылается на авторитеты	65(30,9%)	44(20,9)	21(10)
Испытывает потребность в обдумывании	64(30,4%)	43(20,4)	21(10)
Улыбчивый	63(30%)	45(21,4)	18(8,6)
Кричит	63(30%)	45(21,4)	18(8,6)
Произносит фразы, подчеркивающие значимость подчиненных	62(29,5%)	45(21,4)	17(8,1)
Иронически комментирует речь и поведение подчиненных	61(29%)	38(18,1)	23(10,9)
Декларирует собственные деловые принципы	60(28,5%)	40(19)	20(9,5)
Произносит мобилизующие лозунги	56(26,6%)	39(18.6)	17(8)

Использует грубые слова	55(26%)	36(17,3)	19(8,7)
Часто перебивает собеседника	53(25%)	36(17,3)	17(8)
Переадресовывает ответственность за решения	52(24%)	32(15,2)	20(8,8)
Критикует интеллектуальные способности подчиненных	51(24,2%)	32(15,2)	19(9)
Грозит увольнением	39(18,5%)	23(10,4)	16(7,6)
Оскорбляет	38(18%)	27(12.8)	11(5,2)
Говорит сочувственным тоном	37(17,6%)	31(14,6)	6(3)
Агрессивные позы	34(16%)	26(12,3)	8(3,8)
Использует уменьшительно-ласкательные обращения	32(15,2%)	26(12,3)	6(3)
Угрожает подчиненным	29(13,8%)	20(9,5)	9(4,3)
Унижает подчинённых	29(13,8%)	20(9,5)	9(4,3)
Использует нецензурные выражения	28(13,3%)	17(8,1)	11(5,2)

5. *Моделирование и полевая стратификация коммуникативной личности руководителя*

По результатам обработки верификационного эксперимента можно выявить ядерные и периферийные характеристики коммуникативной руководителя. Это позволяет создать обобщенный итоговый коммуникативный профессиональный портрет современного российского руководителя среднего звена.

Ядерные и ближне-периферийные признаки отражают особенности профессионального коммуникативного поведения, поскольку они единодушно отмечаются репондентами. Признаки крайней периферии свойственны отдельным группам руководителей, а крайняя периферия – это преимущественно качества отдельных, конкретных руководителей, и они составляют периферию коммуникативной личности:

Ядерные признаки:

Авторитетный тон речи	144 (69%)
Требовательный	142 (68%)
Умеет поддержать разговор	141(67%)
Поздравляет с праздничными датами	139(66%)
Использует профессиональные термины	137(65%)
Дает прямые указания, что надо делать	135(64%)

Ближняя периферия:

Общительный	124(59%)
Аккуратный	120(57%)
Дает срочные указания	117(56%)
Умеет выслушивать	117(56%)
Дает советы	114(54%)
Демонстрирует статус руководителя	114(54%)
Умеет разрешить конфликт	112(53,3%)
Серьезный	112(53,3%)
С чувством юмора	111(52,8%)
Высказывает неодобрение	111(52,8%)
Критикует	109(51,9%)
Строгий	109(51,9%)
Использует этикетные формулы приветствия, прощания	107(50,9%)
Знает психологию	107(50,9%)
Указывает (пойди, принеси, сделай)	106(50,4%)
Эмоциональный	105(50%)
Мотивирует к труду	104(49,5%)
Умеет убеждать	104(49,5)
Строго одет	103(49%)
Категорично высказывается	101(48%)
Вежливый	100(47,6%)
Приглашает к совету, обдумыванию	100(47,6%)
Темп речи средний	100(47,6%)
Уважительно говорит с подчиненными	99(47%)
Сдержанный	99(47%)

Дальняя периферия:

Часто делает замечания	96(45,7%)
Обращается с просьбами	92(43,8%)

Дает общие стратегические советы подчиненным	90(43%)
Доброжелательный	90(43%)
Обещает учесть мнение подчиненных	90(43%)
Интеллигентный	88(42%)
Ссылается на компетентность, информированность, обусловленную его руководящим положением	87(41,4%)
Благодарный	86(41%)
Высказывает одобрение деятельности подчиненных	86(41%)
Хвалит	83(39,5%)
Отзывчивый	82(39%)
Привлекательный внешне	81(38,5%)
Приглашает к общению	81(38,5%)
Говорит громко	81(38,5%)
Обвиняет подчиненных в лени	78(37%)
Указывает на неизменность своего мнения в силу должностного положения	77(36,6%)
Терпимый	77(36,6%)
Говорит строгим тоном	77(36,6%)
Указывает на силу коллектива	75(35,7%)
Использует в речи пословицы, поговорки, фразеологизмы	74(35,2%)
Отказывает	74(35,2%)
Ссылается на занятость	73 (34,7%)
Деликатная манера речи	72(34,2%)
Умеет сопереживать	72(34,2%)
Использует иронические, шутливые обращения	71(33,8%)
Отклоняет возражения	70(33,3%)
Грозит материальным наказанием	68(32,3%)
Задает вопросы на понимание и уточнение условий задачи	68(32,3%)
Высокомерный	65(30,9%)
Ссылается на авторитеты	65(30,9%)
Испытывает потребность в обдумывании	64(30,4%)
Улыбчивый	63(30%)
Кричит	63(30%)
Произносит фразы, подчеркивающие значимость подчиненных	62(29,5%)
Иронически комментирует речь и поведение подчиненных	61(29%)
Декларирует собственные деловые принципы	60(28,5%)

Произносит мобилизующие лозунги	56(26,6%)
Использует грубые слова	55(26%)
Часто перебивает собеседника	53(25%)
Переадресовывает ответственность за решения	52(24%)
Критикует интеллектуальные способности подчиненных	51(24,2%)
Грозит увольнением	39(18,5%)
Оскорбляет	38(18%)
Говорит сочувственным тоном	37(17,6%)
Агрессивные позы	34(16%)
Использует уменьшительно-ласкательные обращения	32(15,2%)
Угрожает подчиненным	29(13,8%)
Унижает подчинённых	29(13,8%)
Использует нецензурные выражения	28(13,3%)

Таков коммуникативный портрет современного российского руководителя среднего звена.

Полученное описание может послужить основой для разработки методики обучения руководителя эффективному коммуникативному поведению, что в настоящее время весьма востребовано в практическом плане.

Ксения Кончаревич

Уставы российских монастырей XI-XVII вв. как материал для изучения коммуникативной культуры монашествующих

Под *типиконом* (от греч. *týpos* – черта, вид, образец, модель, норма; *typikós* – составленный по образцу) или *уставом* подразумевается сборник, предлагающий богословски мотивированную систематизацию и нормализацию наиболее характерных черт богослужения и церковной жизни (орфопраксии) (подробнее см. Аверинцев 1995, 25-26; Скабалланович 1994, 1-3). Как таковой, «он заключает в себе многовековый опыт искушенных в духовной жизни и служении Богу людей», являясь «живым, преемственным преданием в Церкви от времен апостольских до наших дней» (Лисицын 1911, 2).

Типиконы делятся на богослужебные и дисциплинарные. К последним относятся иноческие уставы разных времен и народов. Русские иноческие уставы возникли под влиянием аналогичных памятников, составленных на Востоке и в Византии (напр. уставы преп. Пахомия, св. Василия Великого, преп. Венедикта Нурсийского, преп. Феодора Студита и др.). Д

ревнейшим собственно русским дисциплинарным уставом, предназначенным для общежительных монахов, является устав основоположника практики киновийной монастырской жизни на Руси преп. Феодосия Печерского (см. Лисицын 1911, 166; Булгаков 1995, II, 155-170; Топоров 1995, 695-742; Смолич 1999, 29-33; Федотов 1959, 49). Затем последовал ряд авторских уставов, имеющих характер либо регламентирующих документов, либо аскетических трактатов, а также памятников в форме духовного завещания основателей монастырей или весьма авторитетных настоятелей.

Монастырские уставы фиксировались также в житиях преподобных настоятелей или их учеников (об историате русских иноческих уставов см. Булгаков 1995, III, 137; Булгаков 1996, 245-246; Ванюков 1886, 23-35; Концевич 1993, 148-166, 172-186; Леонид 1970, 5-24; Смолич 1999, 50-56, 65-72, 90-93, 160-163, 174-176, 194-199; Федотов 1959, 154-175; Флоровский 1937, 13-22).

В данной статье мы попытаемся рассмотреть характерные признаки русской монашеской коммуникативной культуры из диахронической перспективы. Наше исследование, построенное по схеме ситуативного анализа, базируется на корпусе древнерусских иноческих уставов (см. *Источники*), а его цель – выявить, систематизировать и проанализировать коммуникативные нормы, принятые в русских общежительных монастырях с середины XI до конца XVII в.

Описание коммуникативного поведения в стандартных коммуникативных ситуациях и коммуникативных сферах на основании древнерусских типиконов XI-XVII вв.

Вербальное коммуникативное поведение

1. Стандартные коммуникативные ситуации

О формулах, использовавшихся в стандартных коммуникативных ситуациях (*встреча, приветствие, установление контакта; обращение; знакомство; прощание, расставание; извинение; поздравление; запрещение, отказ; замечание, побуждение; соболезнование*), в древнерусских монашеских типиконах, входящих в корпус для нашего исследования, прямых указаний почти не имеется. По этому признаку они резко отличаются от современных иноческих уставов, в которых данная область коммуникативного поведения регулируется рядом нормативных предписаний (см. Кончаревић 2006, 124-130). Однако, в уставах представлены некоторые единичные факты, значимые для реконструкции интересующих нас формул.

Так, в *Уставе и чиноположении Пешношского монастыря* указываются формулы („Благословите мя отцы“) и паралингвистические средства

(поясной поклон), применявшиеся при расставании собратьев после службы повечерия (УПМ, 248).

Устав Иосифа Волоцкого дает подробное описание вербальных и невербальных средств коммуникативного поведения перед началом братской трапезы: „Подобает убо в трапезу входити ясти, и на обед и на ужину, егда в колокол позвонят; тогда с Настоятелем, или не сущу Настоятелю, вся братия идут из церкви в трапезу, глаголюще псалом 144 тако: «Вознесу тя, Боже мой, Царю мой»; аще ли кто не умеет сего псалма, да глаголет молитву сию: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий! помилуй мя грешнаго». Егда же Настоятель сядет на трапезе, или не сущу Настоятелю, егда священник недельной сядет, тогда Келарь благословение прием, ставит и служебницы ставят по всем местом; и Келарь речет: «Господи благослови», и помолися; Настоятель же или священник благословляет трапезу, глаголя еще: «Христе Боже! Благослови ястие и питие рабом своим, яко Свят еси всегда и ныне и присно и во веки веком, аминь» (УИВ, 136).

После окончания братской трапезы, «егда же братия по обеде встають от трапезы, тогда не исходят ис трапезы по единому или по двя, но вси стоят с молитвою и со вниманием, благодаряще Господа Бога, питающаго нас душевне и телесне; ожидают же сего донде же диакон панагию принесет к Настоятелю или ко священнику. Настоятель же глаголет: «Благословен Бог, милуя и питая нас от своих богатых даров» и прочая; братия же вси поклон сотворша Настоятелю, не сущу же Настоятелю, но священнику, и тако исходят вси из трапезы с молитвою и молчанием» (УИВ, 138). На основании приведенного описания мы видим, что правила коммуникативного поведения за трапезой не изменились вплоть до настоящего времени (ср. Кончаревић 2006, 132-133), что объясняется их преемственностью, т. е. тем, что они полностью заимствованы из древнейших уставов Востока (ср. *Устав св. Феодора Студита* в: Поповић 1981, 120).

Или: на одном месте в *Уставе Иосифа Волоцкого* указывается репертуар средств, используемых при обращении настоятеля к братии, а также излагаются нормы поведения самого братства в данных ситуациях: «Аще ли же прилучится каково дело, его же подобает всей братии возвестити, Настоятель [...] да сам станет ко братии лицем и сотворить молитву сице: «За молитв пречистыя ти Матере и преподобных и Богоносных Отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» Братиям же всем рекшим: «Аминь!», Настоятель глаголет нужная дела тихо и немятежно, братиям же всем внимающим и послушающим со смирением и со страхом Божиим, и глаголющим един по единому, а не всем вместе вещати с воплем и кричанием, се бо есть знамение бесчинства и неустроения. Егда же будет конец делу, о немже глаголаше, тогда Настоятель обращается ко Святым иконам лицем и глаголет велегласно: «Достойно есть яко во истинну...» весь до конца, и братиям всем с ним глаголющим. Потом же глаголет Настоятель: «Слава Отцу и Сыну и

Святому Духу, и ныне и присно и во веки веком, аминь. Господи, помилуй; Господи, помилуй; Господи, благослови! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради пречистыя ти Матере и преподобных и Богоносных отец наших и всех Святых, помилуй и спаси нас, яко благ и человеколюбец». И обратився Настоятель ко братиям, прощает всех и благословляет; братиям же всем поклоншимся Настоятелю, и исходят вси с молчанием и с молитвою» (УИВ, 149).

Несколько подробнее регулируются способы и средства выражения замечаний, что вполне естественно, если иметь в виду дисциплинарный характер любого иноческого устава. В *Уставе Иосифа Волоцкого* предусматривается необходимость разобличения любого нарушения монастырского порядка, а это, в свою очередь, мотивируется констатацией, что „несть сия заповеди больши, яко не поношая исправити брата своего“ (УИВ, 122).

Однако, замечания, указания собрату позволяется делать лишь настоятелю или кому-нибудь из опытных старцев: „Юнии ниже новоначальнии ни обличают, ни запрещают, но себе точию внимати и отвсюду себе зазирати. Аще ли же видят кого что неподобна сотворша и не по обычаю благоговейныя братии, не запрещати им, ни обличати, но на едине же и безмолвне койждо да возвещает старцем, у кого кто живет; а у коего старца нет, ин Настоятелю да возвестит, или старцу единому от больших, коим приказано правление монастырское; иному же никако же да не возвещают“ (УИВ, 124-125). Замечание высказывается наедине или перед всей братией, с осторожной рассудливостью; однако, в случае упрямого нежелания изменить свое поведение, согрешивший собрат может быть выгнан из обители: „Аще ли же кто от Настоятеля и от Преимущих братий не приемлет наказания и обличения, перед всею братиею подобает таковаго обличати; аще ли же пребывает в непокорстве, да изгнан будет из обители“ (УИВ, 125). „Аще ли кто вопреки делает и не повинуется, Настоятель же таковому запрещение дает по общежительному преданию; не сущу же Настоятелю, Соборная братия дают запрещение тако же по общежительному преданию“ (УИВ, 130)

2. Комуникативные сферы

Общение с собратьями в монастыре

Общение между членами монашеской обители, годами проводящими практически все время вместе и живущими по единым правилам киновийного устава, с одной стороны, имеет характер братской близости, а с другой, отличается соблюдением некоторой дистанции. Основой монашеского общежития является беспрекословное послушание братии настоятелю, что подчеркивается еще в древнейшем русском иноческом уставе XI в., автором которого является преп. Феодосий Печерский: „Начальникъ монастыря есть игуменъ, которому повинуются братия со всякимъ покорениемъ. Он долженъ быть духовником всей братии [...] и вообще к нему должны обращаться братия со всякими помыслами и за

всякими советами духовными. Игумен должен почасту „оглашать“, т. е. поучать братию, и обще всехъ и каждого особо“ (ФП, 501). Должности игумена по отношению к братии, в частности его служба духовного руководства и поучения вверенных ему иноков словом истины, конкретизируются во многих типиконах. Так, в *Уставе Евфросина Псковского* мы читаем: «Игумен образ да бывает стаду всего правдою и житием своим, преподобне и праведне живый, съблюдая, елика суть законна и благоговейна. Длъжен убо есть учитель вас умом и оком быти, и бдети о стаде своем, яко хитрый врач огради щитом» (УЕП, 45).

Настоятель должен проявлять особую заботу о просвещении монахов, об их духовном назидании, а для этого ему самому необходимо обладать опытностью и нравственной чистотой: «Подобает Настоятелю быти праведну, яко да возможет утешати здравых учением, и прекословящих обличити, и укланятися от всякого гнева и суда неправедна» (УИВ, 113).

Настоятель должен определить каждому монаху и послушнику в отдельности меру его келейного правила; о применении указанной практики в древнерусских обителях свидетельство дает еще *Устав преп. Кирилла Белозерского*: «Комуждоже образ и меру правила даяше Отец Преподобный» (УКБ, 36).

В управлении монастырем, в духе братской любви, единомыслия и послушания друг другу, настоятелю помогают наиболее опытные монахи, а прежде всего благочинный и келарь: «Старейших и соборных братий, приемшим правления монастырская, и всех служебников, иже в монастыри сущих, и с Настоятелем, или не сущу Настоятелю, еже о пасомых попечение, прилежание же и любовь; сих же к пастырю и друг ко другу послушание и смирение и единомыслие, яко да сего ради возмогут единодушно вкупе вси попещися о церковном и о монастырском и о трапезном благочинии и благоговеинстве» (УИВ, 119). «[...] всяко тщание и всяк подвиг покажем о монастырском и иноческом устроении и благоговениестве: не мощно бо единому Настоятелю сего управити, аще и не прочая братия спостражут ему, паче же приемшеи правления монастырская и вси служебницы, иже в монастыри суть» (УИВ, 120-121).

Отношения между собратьями строятся в духе «любви и смирения и единомыслия»; в киновии недопустимы любые прения, разногласия, нестроения, поскольку всех монашествующих объединяют общий характер добровольно взятого на себя подвига и совместные духовные стремления: «Отгоня же мятеж и любопрение, обща же творя всяческая, душа и телеса и нрави, и елицеми питаются и покоят, общий Бог, общии благочестивии подвизи, общии труди, обще спасение, общии венцы» (УИВ, 114)

Братские беседы, согласно уставным предписаниям, должны иметь в основном духовно-назидательный характер: «Аще же кто и глаголати хотяше, то ничтоже ино разве от книг на пользу прочим братиям, а наипаче тем, иже не ведяху писания» (УКБ, 36). О хранении языка особенно старались в обителях после службы повечерия, когда допускалось одно лишь исповедание помыслов духовному отцу своему:

«По павечерницы же [...] не подобает на монастыри стояти беседы ради или в келиях сходитися, точию Игумену в нужных обительных приглаголати что» (УИВ, 82). «По скончании павечернаго пения не подобает о суетных и тленных безумне глаголати, или осудити или оклеветати кого, но смирением и сокрушением сердца сотворити метание на нозе первоначальнику, и яко самем ногам Христовем, и вся исповедати» (УИВ, 82).

В келлию собрата входить было нельзя, «кроме великия нужды» (УКБ, 35), поскольку это неприкосновенное и священное помещение должно служить исключительно богомыслию, богообщению (молитве) и отдыху. Нарушение данного правила, как показывает описание одного происшествия в Белозерском монастыре, считалось выражением непочитания самого священноиноческого сана: «Некогда случися единому брату, именем Мартиниану, от трапезы исшедшу, поити к другому брату некия ради потребы, еже увидев Преподобный, призва его к себе и вопроси: 'Камо пошел еси?' Он же рече: 'Имех к брату нужду и того ради хотех к нему ити'. Святый же, яко поношая ему глаголаше: 'Тако ли сохраняеши чин монастырский?' (УКБ, 35).

Общение, связанное с совершением послушаний

Свидетельства о послушаниях в древнерусских монашеских обителях мы находим еще у преп. Феодосия Печерского: „Еще и рукама своима делахуть дело: ово ли копытца плетуще и клобуки, и ина ручьна дела строяще и тако, носяще в град, продаяху и там жито купяху [...]. Другоици же в ограде копахуть зелинааго ради растения“ (ФП, 506).

Уставами предусматривались способ и время совершения послушаний: „Монастырские работы, как-то: возделывание огородов, уборка сена и хлеба, собирание плодов, рубление капусты, заготовка дров и проч., исполняются самими братьями обители, без всякой мзды, за святое приказание настоятеля, - почему и называются послушаниями. Оне совершаются в будничные дни и начинаются после ранней литургии, к которой обязаны ходить непременно все, и продолжаются до обеда; после 2-х часового отдыха работы начинаются снова и продолжаются до вечерней трапезы. Кроме общих работ иноки, смотря по способностям, в пользу монастыря, занимаются мастерством портным, сапожным, слесарным, столярным и друг. И всякий непременно имеет какое-либо послушание“ (УПМ, 251).

При совершении послушаний, помимо усердия и трудолюбия, инок должен соблюдать воздержание языка, что дает ему возможность сосредоточиться в молитве: „На монастырское дело всяк с усердием течаше, друг друга предваряюще, еже бе обрестися первым, и всяк неленостно по силе своей работаше, не яко б человеком, но яко Богу работаху. Во всяком же общем деле сие соблюдаху, молча делаще, соблюдая духовное свое любомудирие, и яко пред очами всевидящего Бога

стояти и делати мняся“ (УКБ, 36). За смехотворство, шутки и празднословие во время совершения послушания на иноков возлагалась епитимия: „На соборные же дела подобает приходити всем в начале дела, а отходити со всеми вместе, а на деле не празднословити, ни смеятися, ни сваритися; а кто пойдет с дела прежде братии, ино ему благословитися у настоятеля или у старца, которому приказано о сем пещися“ (УИВ, 116). „Подобает убо Преимущим и соборным братиям, приимшим правления монастырская [...] сице творити: аще кого видят не приходяща на соборное дело, или приходяща после, или отходяща прежде, или на деле празднословяща и смеющася, или сварящася, или ино что творяща не по обычаю благоговейныя братия, иже зде написанному, Соборная братия да запретят и возбранять и не попустять сему быти“ (УИВ, 143).

Общение в монастырской трапезной

Все киновитяне обедают вместе в монастырской столовой – трапезной. Приглашение на обед, порядок занятия мест за столом, молитвенное правило перед принятием пищи и чин благодарения после обеда, а также правила вербального и невербального поведения во время еды являются предметом уставно-дисциплинарной регулятивы. Так, согласно *Уставу Корнилия Комельского*, в столовую „двема вкупе не ходити, но по единому, глаголюще Псалом или молитву; и тако входити в трапезу и седети комуждо на своем месте с благоговением и молчанием по чину; и на неже брашно и питие Настоятель руку возложит, тогда и братия ясти начнут, а не дерзновене“ (УКК, 173).

„Подобает ведати, яко по последней молитве от церкви исходящим братиям, приходити в трапезу ясти вкупе с Настоятелем, за еже поспевати ко благословению, и седети комуждо на своем месте с благословением и молчанием по чину [...]. Яко же в Божественней церкви пети, тако и на трапезе, с молчанием подобает ясти и с молитвою и внимати сущему ту чтению“ (УИВ, 69).

Особенно подчеркивается необходимость соблюдения молчания во время еды, когда монахи, согласно требованиям устава, слушают чтение душеполезной литературы (пространное или краткое житие, синаксарь) в целях возрастания в добродетелях: „В трапезе [...] кийждо на своем месте седяше с кротостию и молчанием, и никого же бяше слышати, токмо чтеца единаго“ (УКБ, 35). „Многу же опаству подобает быти, еже не проглаголати кому что, кроме стиха и чтения“ (УКК, 173). „Никомуже не подобает глаголати на трапезе, кроме Настоятеля и Келаря и Подкеларника и Чашника, да и тем вкратце нужное и шептанием глаголати, и о трапезном благочинии“ (УИВ, 70).

Любое вкушение пищи отдельно от собратьев в древнерусских уставах квалифицируется как нарушение киновийного порядка: „Ниже укруха хлеба леть бе кому в келлии имети, ни пития коего: аще же кто жаждею одержимый бываше, идяше в трапезу и тамо с благословением устужаше

жажду свою“ (УКБ, 35). „Ни ясти ни пити опроче трапезы, разве нужныя болезни“ (УЕП, 42). „Никако же ясти ниже пити наедине или с ким со инем: никоя бо нас добродетель может пользовати, аще чревообъядением победимся“ (УИВ, 72). „Да никтоже от братии не ест, ниже пиет ниже в келии, ниже инде где, кроме тех, им же Настоятель повелит и братия что ясти и пити кому где“ (УИВ, 73).

Подробный список возможных нарушений правил поведения во время совместного приятия пищи приводится в *Уставе Иосифа Волоцкого*: „Поспевати в трапезу к благословению, а на трапезе не беседовати, ниже смеятися, и прежде обеда не ясти, и на чужем месте не садитися, и пред братом не взяти ничего, ни брашна, ни пития [...]; после трапезы не оставатися никому в трапезе [...]; в трапезу не входити до обеда, ни по обедех, ни по вечерни, ни по Нефимоне, кроме нужды великия; в келиях ни ясти, ни пити, ни посылати по келиям брашна, ни пития, кроме благословения Настоятелева“ (УИВ, 115-116). Наказанию подлежит „аще кто не поспеет к благословению, и аще кто начнет на трапезе беседы творити или смеятися, или же кто почнет ясти и пити где прежде благословения братския трапезы, или кто почнет ходити в трапезу или из трапезы щогнушными дверьми, или кто сядет на чужем месте, и аще кто начнет подавати, или кто что возмет пред братом, пищу или питие, или свое что поставит пред брата, или кто что почнет припраивати ясти или пити, или кто что почнет оменяти не по обычаю монастырскому, или кто что свою есту на трапезу принесет или питие, или будет на трапезе еста неровна, или узрять на трапезе питие имущее пиянство, или аще начнут стояти в трапезе на обеде или на ужине слуги или робята“ (УИВ, 137).

Общение в храме

Жизнь в монашеских обителях искони подразумевала обязательное повседневное присутствие на богослужениях в храме (вечерня, повечерие, полунощница, утреня, часы, изобразительна, Литургия). Вербальное и невербальное поведение монашествующих во время каждой из служб суточного круга подробно предусматривается типиконом; более того, это и есть важнейшая сфера уставно-дисциплинарной регулятивы: «Вся, иже во обители благообразна и по чину да бывают, изряднее же чин церковныя службы» (УИВ, 61).

Время совершения богослужения посвящено как соборной, так и индивидуальной умственно-сердечной молитве: монахи должны «стояти с братиею до отпуста не отходя разве нужи, и стояще глаголати молитва: «Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас», да не лишени будете ангельскаго знамения или написания» (УЕП, 52). «Потщимся с радостию и потецем с любовию, предваряюще друг пред другом, и друг друга воздвижуще на славословие Спаса нашего Иисуса Христа; и тако пришедше в Божественную церковь, яко же в самом небеси с вышними силами ставше, и не точию телесное благообразие показати, но и ум весь

собрати с сердечным чувством, и не шепчуще, ни глумящеся, ниже суетная глаголюще» (УИВ, 63).

Содержание и способ совершения служб предписываются богослужебным типиконом, тогда как в типиконах дисциплинарных внимание обращается на манеру чтения и мелодического исполнения сакральных текстов: особенно подчеркивается потребность внимания к их смыслу, тихого, благоговейного их чтения и пения: «А в церкви по правилу и по уставу святых Отец да поют с тихостию и разумно, а не козлогласованием» (УЕП, 52).

Ведение бесед во время богослужений совершенно недопустимо, ибо они препятствуют внутренней молитвенной собранности каждого из присутствующих. Об этом мы находим множество предписаний в древнерусских иноческих уставах. Так, в Белозерской обители «в церкви никому же со иным попущашеся беседовати ниже исходити прежде окончания правила, комуждо же повелевашеся в своем установленном месте и чине стояти, со страхом и вниманием поемым» (УКБ, 34). «Не боиши ли ся, окаянне и страстне, яко тебе иже и на торжищах слышанная, в церкви не боящуся глаголати, и безчинными воплями обноситися?», - обращается преп. Иосиф Волоцкий к согрешившему собрату (УИВ, 65). «В страшное оно время», на службе Божией, недопустимо «о суетных глаголати», «беседы творити на молитве о тленных и земных, потом же глумитися» (УИВ, 66), не только в целях хранения молитвеного настроения монахов, но и во избежание соблазнов среди мирян, присутствующих на монастырских службах: «Обычай бо есть миряном зазирати и смеятися иноком безчинствующим и оного не соблазним» (УИВ, 69). За нарушение этого правила делается строгое замечание: «Аще ли же он начнет беседовати, мы же ему возбраним с кротостию» (УИВ, 66).

В случае настоятельной потребности монаху допустимо сказать что-либо собрату на службе, но шепотом и как можно короче: «Никако же никому на пении не глаголати, кроме Настоятеля и Келаря и Уставщика и Надзирателя; да и тем вкратце нужное рещи; и о церковном благочинии не велегласно, но шептанием, да не и прочих смутить [...]. Аще ли же будет нужда неотложна глаголати что, подобает вон от пения изыти, или после пения глаголати» (УИВ, 68). «На соборном пении и на трапезе Настоятелю, егда убо приходят братия к нему о духовных делех или о телесных, он же к ним беседует вкратце и тихо, шептанием» (УИВ, 135).

Поскольку богослужение является основной обязанностью каждого из членов обители, любое нарушение вербальных и невербальных правил поведения на службе воспринимается как попрание святыни и как таковое влечет за собой наложение епитимии. «Да се ведуще, братие, не подобает нам исходити из церкви прежде отпуста от Божественнаго правила и пения, ниже со места на место преходити» (УИВ, 68). «Аще нерадети начнем о соборном правиле, последи всех приходяще и прежде отходяще, яко нерадиви отвержени будем от Бога» (УИВ, 62).

Тот же устав предусматривает «еже поспевати к началу пения всякого, а со своего места на иное не преходити, а из церкви или из трапезы с пения не ходити прежде отпуста без благословения, кроме великия нужда; не беседовати, ниже смеятися на пении, а после пения в церкви и в трапезе не оставатися, а крылошаном имети брежение о церковном пении и о прочитании и о псалмех» (УИВ; 115)

При вхождении в храм, приступлении к целовальной иконе, к евхаристической чаше, к служащему священнику ради получения антидора или благословения, монахи стоят в очереди, обычно по двое, причем место в очереди определяется по сану и возрасту. «К Евангелию и святых Икон поклонению благочиние по старчеству блюдомо бе, да не некое замешание сотворится в них» (УКБ, 34)

Общение с посетителями и гостями обители

Древнерусскими иноческими уставами предусматриваются нормы коммуникативного поведения членов обители в контактах с посетителями и гостями монастыря. О традициях монашеского страннолюбия, связанного в первую очередь с духовным руководством мирян, свидетельствует, среди прочего, фрагмент из гл. 10 *Устава Иосифа Волоцкого* под названием „Сказание в кратце о Святых отцех, бывших в монастырех, иже во Рустей земли сущих“, где подчеркивается, например, как в знаменитом Чудовом монастире старцы-преемники св. Сергия Радонежского были „честны и святолепны и иночески и духовне живуще, якоже и всем человеком приходити к ним, старым же и юным, и пользу от них примати“ (УИВ, 108).

Предметом бесед посетителей с монахами являлись прежде всего духовные темы. Тако, *Устав Корнилия Комельского* предписывает, о чем подобает говорить мирянам под сводами святой обители: „О сем едином да будут словеса наши, о нем же изыдохом от мира, о терпении и о подвизе, о смирении, о жизни духовней, о ратеях бесовских, о надежди жизни вечныя, о безконечней муце грешным, от Божественных Писаний, еже на пользу души“ (УКК, 181).

Предельно важно сохранять достоинство монашеского звания перед посетителями, избежать любой повод для соблазна: „Аще ли же приключится с нами быти на соборней молитве мирянину человеку или иноку гостю, аще и от честных есть, тогда паче подобает нам не творити беседы на молитве, яко да от зазрения убежим и на себе гнев Божий не привлечем: обычай бо миряном зазирати и иноком безчинствующим смеятися“ (УИВ, 135).

Общение в публичных местах

Согласно древнерусским типиконам, иночествующим нельзя было выходить из монастыря без настоятельной потребности и без

благословения настоятеля: „Потребно есть ведати, яко неподобно есть, паче же рещи бедно, еже иноком исходити вне обители кроме благословения Настоящего. Аще убо нужда ради исходим, или пища ради, или одежа, или дела ради, и тако не имам ответа благословенна; аще бо нужда ради, то паче со благословением подобает, яко да не всуе труд ваш бывает; всяко бо дело без благословения проклято есть“ – посебно „аще исходим на зло, иже глумитися и смеятися и празднословия глаголати и ясти и пити: сия убо явлено в геену огнену отсылают душа своя“ (УИВ, 83). В том же духе дается следующее предписание: „Братие, потщимся всем сердцем яко смрада смертнаго жала отбегати [...] еже скитатися вне обители без повеления Настоятелева (УИВ, 84).

Находясь вне монастыря, инок дожен всячески уклоняться праздных бесед и всего того, что могло бы отвлечь его внимание от непрестанной молитвы и богомыслия: „Аще послан будет чернец игуменом на службу, в град или весь некоторую, не достоит ему само и онамо очима зрети, ниже смотрити лица некоторая, могущая его уязвити, ниже беседам неподобным внимати, но весь помысл свой к Богу обращати. [...] О еже бо зрети само и онамо, и о еже с вниманием послушати гласы неподобные мирьские, и еже смотрати лица женьская с прилежанием и описывати та в сердци и в мысли своей, рождаются в сердци иноку помысли сквернии; от сего бо и падения бывают невнимательным иноком“ (МК, 223).

В общении с мирянами необходимо строго соблюдать чувство меры и приличия: если „мирских человек домы и пирове нами исполнены будут, сего ради в нынешнем веце смех и поругание и поношение будем мирским человеком, в будущем же веце, яко нерадивыи и ленивыи, осуждени будем в вечныя муки“ (УИВ, 141). Поэтому уставами предусматриваются и исправительные меры – епитимии, налагаемые на тех, кто чересчур свободно общаются с мирянами или же покидают обитель без ведома и благословения настоятеля: „Аще ли [...] кто начнет от братий гости провожати за монастырь, или во сретение исходити не повелен быв, опитемьи два дни сухо ясти; аще ли кто пойдет в мир, опитемьи 4 дни сухо ясти; аще ли многащи се творит, да отженется от обители“ (УИВ, 153).

Общение со старшими по возрасту и сану

В древнерусских уставах мы находим ряд предписаний об отношениях иночествующих к старшим по возрасту и сану, которые должны строиться на основании искреннего уважения, полного и безоговорочного послушания – добродетели, преводходящей в условиях киновийной жизни все другие желательные качества. Особенно подчеркивается необходимость послушания старшему по сану – игумену: „Предайте же ся ему (Игумену) и всю волю свою отсек мечем слова Божия, еже рече сам Христос [...]. Подобает же и нам, братие, не ослушливом быти, но вся повеленная творити, и яко от Бога приимати, якоже сам рече святым апостолом: „Слушаяй вас, мене слушает, и отметаяйся вас, мене ся

отмещет“ (Лук. 10, 16). [...] Послушание паче постнаго и пустыннаго труда: Ангел бо Господень ходит сзади послушающего и считает стопы его, и приносит на всяк день к Богу, аки воню благоухания“ (УЕП, 45). „А на службу иде же послет Игумен коего инока, без всякого ослушания да идет, с молитвою и благословением, а без благословения Игумена на своя вещи никакоже не ходити ни куда же“ (УЕП, 52). „Аще кто вопреки начнет глаголати Игумену, и воздвигати свары, заперт таковый да будет в темници, донде же покается; а не покоривого мниха [...] да выженут вон из монастыря, яко гнилый уд от здраваго тела“ (УЕП, 52).

Общение с детьми

В древнерусских уставах монахам рекомендовалось избежание любого контакта с детьми во избежание недопустимых помыслов и чувств (прежде всего похотливых и тех, которые иноку напоминают его прежнюю жизнь в миру). Поэтому подчеркивалось, что детям ни под коим предлогом, даже учения книжного, нельзя жить в обители, так же, как запрещалось юнашам нести монастырские послушания: „Детей малых не приимати в обитель, еже учити их книгам. Рече бо некий старец: „Не приводите детей семо, три бо церкви пусты беша детий деля“. И ин старец рече: „Егда видите дети, возьмите милоти ваша и побежите“ (УЕП, 50). „Не подобает же в монастыре жити отрочатом голоусым. [...] Сего ради хотящеи спастися удаляемся от них, яко от пламени; и в седалищи далече да седим от них, и на лице да не взираем им: да не како на лице взиранием семя похотения от врага приимем. [...] Сего ради не служити в трапезе робятом голоусым, и служащих робят ис трапезы вместе отпущати, а в трапезе не оставатися никоторого для дела [...]; по келиям робятом не жити, и в келию робят голоусых не пущати, ни на монастырь, никотораго для дела; а которому брату недобе что сделати в келии, ино ко нему послати сверстного, а не голоусого“ (УИВ, 96).

Даже милостыню детям раздавали за оградой монастыря: „Сего ради быти на монастыри сторожу, отрочат на монастырь не пущати, а давати им хлеб за монастырем“ (УИВ, 97). „Соборная братия аще узрят на монастыре отрочата ходяща, или в келии у кого, или в трапезе, или на дворцех, да возбранят и запретять и не попустять сему быти; а милостыня им давати и кормити их за монастырем“ (УИВ, 145).

Общение с родственниками

Постригаемый в монашеский сан дает невозвратные обеты послушания, целомудрия (девственной жизни) и нестяжания, прерывая всякую связь с миром и удаляясь от своих сродников, следуя внутреннему призванию к жизни о Господе (ср. Мф. 19, 29).

Согласно древнерусским уставам, инок должен безусловно прервать любое общение с родственниками; особенно запрещается поддержание

имущественно-материальных связей: „А сродником вам монастырского Господеви возложенного ничего не отдавать, да не таяжде постраждете, якоже Анания и Сапфира и Гиезия“ (ГИ, 259). „Да никто от братий просит у кого от внешних, от мирских, или от инок, или от сродник своих, сребра или риз, или ино что каково на себе“ (УКК, 177). Беседовать с родственниками иноку позволялось лишь с ведома настоятеля: „Аще к некоему брату от внешних кто прииде мирский человек, или от сродник его или знаемый ему, и ему без благословения Настоящаго в келлию к себе не впущати, ни беседовати с ними что нигде же“ (УКК, 176).

Только матери допускалось встретиться с монахом наедине в его келлии: „Вход в кельи женскому полу воспрещен решительно, одну только родную мать можно принять и то с благословения настоятеля“ (УПМ, 250).

Ходить в гости к родным не рекомендуется: „Произхождения же из монастыря, творити не просто, и яко же прилучится, во грады или в веси, или же по плоти к своим исходити, или монастыри обходити безвременно и неблагословенно, нам ненадобно“ (УКК, 181).

Общение между мужчинами и женщинами

В древней Руси монастыри могли быть мужскими или женскими, только в исключительных случаях смешанными (таковыми, к примеру, являлись обители Пресвятой Богородицы на Шеши в Твери, Воскресения Христова у Новгороде и др. – ср. Булгаков 1995, III, 135-136).

По аскетическим соображениям (хранение чистоты помыслов, избежание похоти и телесного осквернения) монашествующие всячески сторонились общения с лицами иного пола. Поэтому в уставах мы находим не только отдельные постановления, но и целые главы, в которых регулируется общение с лицами иного пола.

Так, в *Уставе Евфросина Псковского*, в гл. 10 „О женском вхождении“, предписывается следующее: „Да пребудут в сей обители ни коими делы хождение женскаго полу“. *Устав Иосифа Волоцкого* (гл. 8: „Яко не подобает в монастыри женскому входу быти“) квалифицирует общение с женщинами, даже монахинями, как недопустимое, мотивируя такую позицию соображениями аскетического порядка: „Да не внидет жена ниже инокиня в мужский монастырь ниже вины ради погребальныя, ниже иныя ради вины. Не естества или сродства гнушающеся сия творим; но яко елико приближаются нам, толико воспоминанию страстей приводят, и смущают и помрачают ум, и рати помысленыя воздвижут“ (УИВ, 95).

Единственное исключение – вход женщины в монастырский храм, обязательно в сопровождении двух-трех монахов, но любое пребывание в других монастырских помещениях лицам женского пола было категорически воспрещено: „Аще ли же нужда будет жене ити в церковь, да идет нощию, а прежде пришлет, да возвестит Настоятелю или Келарю; они же пошлют к ней старцов два или три, которые на то подобны; они же идут к ней и с нею идут в церковь, тако же и из церкви с нею идут за

монастырь; а по келиям ей не велят ходити, ни в трапезу. Аще ли же будет нужда сию кормити, ино кормити на дворце, а в келиях никако же, да отпустят прочь, а на дворце ни мало не держати ея“ (УИВ, 145).

Ограничения в общении между лицами мужского и женского пола распространялись и на посетителей: „Богомольцы, посещающие обитель, принимаются в монастырской гостинице. Особы мужского пола приглашаются к братской трапезе, если пожелают. Особам женского пола, и не желающим быть за общим столом, пища приносится гостинниками“ (УПМ, 251)

Письменное общение

Частную переписку иноки могли вести лишь с благословения духовника или игумена. Настоятель также обладал правом и должностью просмотра любого документа из частной переписки: „Аще кто к некоему брату принесе тот кого грамоту или некое приношение, той брат грамоты не распечатав, приношаше к Настоятелю, такожде и еже принесеся ему (= настоятелю), ко отцу несяше. Подобно, аще кто хотяше от себе к кому вне монастыря писание послати без отча повеления никтоже держаше“ (УКБ, 35).

Алкоголь и общение

Употребление вина в монашеских обителях определялось уставом. Монахам в древнерусских обителях строжайшим образом запрещалось пить иные алкогольные напитки, даже умеренно, во избежание пьянства, которое квалифицируется как „дверь страстем, отквернением вождь, блуду делатель, волны сквернением, море помыслом, глубина неизреченных нечистот, блядословие, нечувствие, дерзость, несытство, безболезние душевное, непоминание смертное, безнадежие и отчаяние, иже всех лютейши, от негоже бывает души падение и ума преступление“ (УИВ, 94).

Все российские монастыреначальники завещали братии строгое воздержание, указывая на недопустимость вкушения спиртных напитков в обителях: „Преподобный Кирилл, да не токмо в животе его, но и паче по преставлении его, никтоже дерзнет пиянственное кое питие внести во обитель его“ (УКБ, 36). Евфросин Псковский дает прямое указание братии: „Пиянство безмерное и безчиние всякое отънуд да не будет в вас. Великаго бо Христовых уст проповедника Павла слова не забывайте: „Пьяницы Царствия Божия не наследят“ (1. Кор. 6, 10)“ (УЕП, 48).

Пить спиртное запрещалось не только в трапезной, но и в келлиях: „Подобает же убо прежде всех много попечение и тщание имети о сем, яко да не будет во обители, ниже в трапезе, ниже в келиях пития, от негоже бывает пьянство, яко да не будем врагом нашим в посмех и в поругание чувственным же и мысленным“ (УИВ, 95).

Получив в подарок спиртное, монах должен был сообщить об этом настоятелю или келарю: „Не подобает во обители быти питию, от негоже пиянство бывает; аще ли же кому принесут в келию таковое питие, да возвестит Настоятелю или Келарю, сам же никако же да вкусить“ (УИВ, 117).

Юмор и общение

Шутить, смеяться, развлекаться монахам, согласно предписаниям дисциплинарных уставов, было строжайшим образом запрещено, ибо монашеская жизнь по сути своей есть жизнь покаянная. Поэтому в анализируемых уставах мы находим ряд ограничительных определений: „Аще ли кто на деле смехотворит, или празднословие глаголет [...], да поклонится 100, или сухо ясть день; аще ли и се не единою, да отлучится от церкви и от трапезы на три дни“ (УИВ, 153). „Аще кто на трапезе [...] смеется [...], да поклонится 50, или сухо ясть день“ (УИВ, 151). „Кто беседует на пении или смеется, да поклонится 100, или сухо ясть день; аще ли же не единою се творит, да отлучится три дни“ (УИВ, 151).

Невербальное коммуникативное поведение

Жесты в общении

Для монашеской среды издавна была характерна предельная сдержанность в экспликации эмоций невербальными средствами – жестами. На богослужениях, так же, как и за келейным молитвенным правилом, использовались некоторые специфические позы, предусмотренные определениями дисциплинарных уставов. Так, поклоны (поясные и земные) использовались при встрече иноков, в знак приветствия: „Егда же бывает собор у Игумена в келии, или у Келаря, и сходящимся братиям, вшедше убо в келию кождо их ко Святым иконам или к честному кресту сотворят три поклоны; потом же пред Настоятелем един поклон, благословение воземше у Настоятеля и у братии, седают безмолвно“ (УИВ, 149).

П оклоны могли использоваться и как невербальное выражение просьбы о прощении, извинения: „Аще ли кто [...] не доспе приити к началу пения, егда рекут: „Приидите поклонимся...“ начальное, и он приидет в церковь, и поклонится Игумену, прося прощения. Аще ли несть игумена, то на обоих старших по клиросам поклонится“ (УКК, 172).

Чаще всего поклоны практиковались как сопровождающий элемент молитвы: так, еще в сочинениях Феодосия Печерского мы находим свидетельство о том, что преподобный „въстаняше пакы на нощное пение, и поклонение коленомъ творя“ (ФП, 522). Поскольку поклонами выражается сокрушение о своих грехах, покаяние, не удивительно, что их творение рекомендуется и в качестве исправительной меры (например, в

епитимийнике Иосифа Волоцкого нередко предусматривается творение 100 или 50 земных поклонов в качестве наказания провинившимся монахам – см. УИВ 151-155).

Некоторые уставы предписывали число и тип поклонов даже за келейным правилом, делая их общеобязательными для всех членов обители: в Флорищевой пустыни, например, иноки были обязаны ежедневно, за исключением субботних, воскресных и праздничных дней, при совершении келейного правила сделать 300 земных поклонов (УФП, 253). На богослужениях все монахи делали поклоны одновременно, «как один, смотря на чтеца или на очередного монаха“ (УФП, 252).

Социальный символизм

Символика одежды

Монашеское одеяние имеет подчеркнуто символическую функцию: каждый его элемент напоминает иноку обеты, данные им при принятии пострига, на что эксплицитно указывается в *Последовании малой схимы или мандии* и *Последовании великой схимы* (в. Поповић 1981, 193-208). В древнерусских уставах содержатся некоторые реминисценции на указанные последования, как напр. у Евфросина Псковского: „Обуй нозе Евангельскими учении и препояши чресла целомудиря словесы, даждь меч в руце на страсти ярость остру и противитися полку страстей и сласти росто рещи: всякыми делы благими украшена; також и иноцы вси должны суть быти“ (УЕП, 43). Облачение в монашеские ризы на Руси воспринималось как знак духовной зрелости, и поэтому послушников оставляли в мирской одежде: так, преподобный Феодосий Печерский, приняв новоначального в обитель, «нъ не ту абие постригаше его, но повелеваше ему в своей одежи ходити, дондеже извыкняше всь устрой манастырьскый, таче по сих облечашети и в мнишьскую одеждю и тако пакы въ всех служьбах искушашети и, ти тъгды остригы и оболчашети и въ мантию, дондеже пакы будяше чьрньць искусен житиемъ чистымъ си, ти тъгда сподобяшети и прияти святую скиму» (ФП, 500).

Являясь символом совершенного отречения от мира и всего, яже в мире, вольной нищеты и покаяния, монашеская одежда была предельно скромной и для всех членов обители однообразной: „Одеяния и обуща имети нужная и противу месту и разсуждению, проста и худейша и малою ценою, а не по коварству бесовскому и по страсти многоценная и излишняя искати“ (УКК, 177). „В монастыри и одежда и обуща единообразны и смирены, точию нужны и доволь исполняющи“ (УКК, 178). одеяния имети нужная [...], и проста и худейша, а не по коварству бесовскому многоценна и излишняя искати“ (УИВ, 75). „[...] всяко украшение чуже есть священническаго и иноческаго образа [...], ибо в мирстем житии ризами украшаяйся, славу от человек приемлет; а в

иноческом же житии смиренная и худейшая имеется одежда, на небесех славу притворяет“ (УИВ, 76).

У преп. Иосифа Волоцкого мы все-таки находим разные правила относительно одежды иночествующих соответственно степени их духовного совершенства: «Первое устроение: аще кто восхощет совершенное нестяжание имети, по Христову словеси, рекшему: „Не стяжите двою ризу“, да имат манатию едину, шубу едину, свитки две или три, и всего платия по единому, вся же худа и непотребна. Таковый есть совершен Христов ученик, и подобник и ревнитель Святым, иже зиму же и студень и наготу и беду и труды и нужда Христа ради пострада, и его ради тесным путем шествова [...]. Второе устроение: еже имети манатию едину большую неискропану, клобук и ряску и шубу, все по единому, и нетщеславно, ниже пристрастно, и сей путем благим шествует и во след перваго идет [...] Третие устроение [...] сице да имат: мантию едину нову, а другую ветху, клобук един нов, а другий ветхий, ряску едину нову, а другую ветху, свитки три, едина новая, две ветхи, сапоги едины новы, а другии ветхи, чулки одни, скуфьи две зимних, а две летних, едина новая, а другая ветха“ (УИВ, 79).

Символика внешности (волос и бороды)

В соответствии с древними канонами и правилами святых Отцов, монахам, как и мирским священникам, воспрещалось „остризать браду“. Длинные волосы и борода у лиц монашеского звания символизируют их отрешенность от мира, хранение особых заветов, всецелую посвященность Богу (подробнее см.: Стојчевић 1998, 156-161). Отметим, что в древнерусских типиконах запрещается принимать голоусых в братство: так, в гл. 12 *Устава Евфросина Псковского* рекомендуется: „Чадо, не лепо есть паче же пакостно сицевей лавре без брады имети кого. Се бо и стареи скитскии Отци уставиша, и мне предаша Евфимиева чадь. [...] Не токмо же учения ради не приимати их, но ни послужения ради, но самы работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему со трепетом (Псал. 2, 11)“ (УЕП, 50).

Символика манеры речи

Монахам, согласно древнерусским уставам, подобает говорить тихо, в замедленном или среднем темпе, что символизирует их смирение, покаянный подвиг („крест послушанья, терпенье, крест от веры и любве, терпеньем всякия туги и печали мнишскаго житья царств ради небеснаго“ - ПСО, 261), но вместе с тем и реальность уже достигнутого душевного спокойствия, утешения и радости о Дусе Святем. Монах ведет себя не „по образу ветхаго человека, свергшаго Божий образъ, и сринувшагося во образ безчестья“, а „по образу новаго Адама – Христа с небесе, Бога

нашего, собою образ давшаго, делом научша девственному нетленному благолепью, позвавшему ны в причастье Своего Божества“ (ПСО, 261).

В числе идеальных качеств тех, которых можно назвать „истинны иноцы“, „небеснии граждане“ приводятся готовность „пребыти безградни, бездомни, странни, несребролюбивы, неименнии, смиренномудри, кротки, благи, милостиви, *молчаливи* [...]; имети образ смирен, и одеяние худо, и обычай прост, и *глагол не двословен*, и ступание не тщеславно, и худость ризную, и *глас средния меры*, и в нищете житие и конечное нестяжание“ (ДМ, 160-161).

Манера речи отражает настроение сердца; тихий и смиренный голос низводит на монаха милость Божию: „Сердечный нрав видимым образом показати [...] кроткаго и утешнаго ради гласа: тихое бо и кроткое любит Господь: на кого бо, рече, призрю, но на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго моих словес“ (УИБ, 64).

Уставами предписывается не только манера чтения и пения монахов в храме, но и выступления на братских собраниях, когда каждый член обители „глаголет тихо и кротко и со страхом Божиим и со вниманием [...]. Прежде убо един глаголет; потом же другий, у перваго испросив, глаголет; потом же третий, у втораго испросив, глаголет; и тако вси глаголют кротко же и тихо един по единому; аще ли который начнет сваритися и сквернословие глаголати или друг друга укаряти, таковых единодушно укоривше или бивше измещут вон“ (УИВ, 150).

Выводы

В данной работе мы попытались предложить комплексное и системное описание коммуникативного поведения монашествующих в русской речевой и социокультурной среде из диахронической перспективы. Описание монашеской коммуникативной культуры в древней Руси показывает, что по ряду параметров вербального, невербального коммуникативного поведения и социального символизма она придерживалась норм и традиций, принятых в коммуникативном поведении иноков Востока (Египет, Сирия, Палестина) и Византии, и что многие ее черты остались почти неизменными вплоть до настоящего времени, а это, в свою очередь, является очередным ярким свидетельством универсального, сверхнационального и хронологически необусловленного характера монашеского служения и соответствующего образа жизни.

С другой стороны, иноческая коммуникативная культура на Руси XI-XVII вв. заметно отличалась от норм, принятых в секулярной среде, что находило свое отражение как в наличии некоторых специфических безэквивалентных явлений и элементов коммуникативного поведения, характерных лишь для монашеской среды, так и в неодниаковой степени интенсивности отдельных коммуникативных признаков по сравнению с секулярной средой. В общем, монашеская коммуникативная культура и традиция в древней Руси по ряду параметров (особенно в сферах

невербального поведения и социального символизма) ближе культурам и традициям монашества в других православных странах, чем секулярной коммуникации в русской речевой и социокультурной среде.

ИСТОЧНИКИ

ГД – *1387 г. грамота суздальского архиепископа Дионисия Псковскому Снетогорскому монастырю о соблюдении правил иноческого общежития*. [В кн.:] А. Орнатский, *Древнерусские иноческие уставы. Уставы российских монастыреначальников.* Москва, 2001, с. 215-218; ГИ – *Грамота Преосвященного Илариона, митрополита Суздальского, строителю Флорищевой пустыни Иринарху об управлении монастырем, 1694 г., декабря 14 дня*. [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 255-259; ГФ – *1429 г. апреля 19. Митрополита Фотия благословенная грамота иноку Павлу (Обнорскому) на устроение монастыря и освящение в нем церкви, с увещанием братии о соблюдении иноческих обетов.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 236-238; ДМ – *Данила митрополита всероссийского о иноческом законе и правиле общаго жития в святей обители Преславныя Богородицы во общем Иосифове монастыре, егда начальство игуменства содержа и понудиша его старцы сия написати к спасению душа мот свидетельства Божественных Писаний.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 158-167; МК – *1390-1405. Послание митрополита Киприана игумену Афанасию Высоцкому ответное на предложенные от него вопросы.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 221-233; ПКП – *1377-1388 г. послание Константинопольского Патриарха к русскому игумену об иноческой жизни.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 219-221; ПД – *Послание архимандрита печерского Досифея священноиноку Пахомию о Святогорском уставе иноческого келейного правила.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 234-235; ПИ – *1433 г. марта 11. Послание нареченного на митрополию епископа Ионы в Нижегородский монастырь о соблюдении иноческих обетов и с известием о поставлении иеромонаха Павла в архимандриты.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 239-240; ПСО – *Поучение святых Отец к черноризцем*. [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 260-262; ПФ – *1461-1464 г. Митрополита Феодосия послание в Пешношский монастырь о послушании братии игумену и соблюдении иноческих обетов*. [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 235-236; УВН – *Устав преподобнаго Венедикта [Нурсийского]*. [В кн.:] Св. Феофан Затворник (сост.), *Древние иноческие уставы.* Москва, 1892, стр. 585-653; УВХ – *Устав преподобного Варлаама Хутынского, новгородского чудотворца*. [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 32-34; УВВ – *Устав святаго Василия Великаго, содержащих теорию и практику подвижничества вообще.* [В кн.:] Св. Феофан Затворник (сост.), *Древние иноческие уставы.* Москва, 1892, стр. 213-510; УЕП – *Преподобного Евфросина Псковского чудотворца изложение общежительного предания.*

[В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 38-57; УЖС – Преподобный Нил Сорский, *Устав о жительстве скитском.* Клин, 2001, 127 стр; УИВ – *Иосифа игумена, иже на Волоце Ламском, духовная грамота*. [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 56-157; УИВ (к) – *Краткая редакция Устава преподобного Иосифа Волоцкого.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 187-215; УИК – *Устав иноческаго общежития или порядки общежительных монастырей преподобнаго Иоанна Кассиана.* [В кн.:] Св. Феофан Затворник (сост.), *Древние иноческие уставы.* Москва, 1892, стр. 513-584; УКБ – *Устав преподобного Кирилла Белозерского чудотворца.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 34-38; УКК – *Общежительный устав преподобного Корнилия Комельского. Устав или правила о жительстве, от Святых Божественных Писаний избранна, о устроении преданных нам образ от святых Отец во спасение душам и писанием вданна сущим о Христе братиям моим, во обители Пресвятыя Богородицы, честнаго ея Введения, в ней же жительствуем.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 168-186; УСМ – Преподобни Теодор Студит, *Устав с Богом Студитског манастира*. [У књ.:] Ј. Поповић (прир.), *Монашки живот по светим Оцима.* Београд, 1981, стр. 119-141; УПВ – *Устав преподобнаго Пахомия Великаго*. [В кн.:] Св. Феофан Затворник (сост.), *Древние иноческие уставы.* Москва, 1892, стр. 10-210; УПК – *Устав Павла Вологодского (Обнорского, Комельского).* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 241-247; УПМ – *Устав и чиноположение Пешношского монастыря.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 247-251; УФП – *Устав Флорищевой пустыни.* [В кн.:] А. Орнатский, *Указ. соч*., с. 252-254; УФП – *Сочинения преп. Феодосия Печерскаго в подлинном тексте*. [В кн.:] *Библиотека литературы древней Руси. Том I (XI-XII вв.)*. Санкт-Петербург, 2000, стр. 434-538.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1995 – С. А. Аверинцев, *Христианство. Энциклопедический словарь.* В 3-х т. Москва, 1995.

Булгаков 1995, II – М. Булгаков, *История Русской Церкви, т. II.* Москва, 1995.

Булгаков 1995, III – М. Булгаков, *История Русской Церкви, т. III.* Москва, 1995.

Булгаков 1996 – М. Булгаков, *История Русской Церкви, т. IV.* Москва, 1995.

Ванюков 1886 – А. Ванюков, *Саровская пустынь и ее старцы.* Москва, 1886.

Даниленко 1990 – Б. Даниленко, *Окозрительный устав в истории богослужения Русской Церкви.* Мюнхен, 1990.

Концевич 1993 – И. М. Концевич, *Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси.* Москва, 1993.

Концевич 2006 – И. М. Концевич, *Оптина пустынь и ее время.* Минск, 2006.

Кончаревић 2004 – К. Кончаревић, *Путевима руске монашке духовности*. *Антологија руског стараштва XI – XIX века*. Крагујевац, 2004.

Кончаревић 2006 – К. Кончаревић, *Комуникативно понашање монаха у српској говорној и социокултурној средини (ситуативни модел анализе).* – Зборник Матице српске за славистику, Нови Сад, 2006, св. 69, стр. 113-151.

Кончаревич 2006а – К. Кончаревич, *Коммуникативное поведение монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде (ситуативная модель анализа).* [В сб.:] И. А. Стернин, П. Пипер (ред.), *Коммуникативное поведение славянских народов*. «Истоки», Воронеж, 2006, 28-54

Кончаревич 2006б – К. Кончаревич – К. Кончаревич, *О некоторых аспектах коммуникативной культуры старообрядцев.* [В сб.:] И. А. Стернин, П. Пипер (ред.), *Коммуникативное поведение славянских народов*. «Истоки», Воронеж, 2006, 97-120.

Леонид 1970 – Архиеп. Леонид, *Афон в истории русского монашества.* – Богословские труды, Москва, 1970, V, стр. 5-24.

Лисицын 1911 – М. Лисицын, *Первоначальный славяно-русский типикон.* Санкт-Петербург, 1911.

Мансветов 1885 – И. Д. Мансветов, *Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви.* Москва, 1885.

Никольский 1907 – Н. К. Никольский, *Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII века.* – Христианское чтение, Москва, 1907, 3, стр. 52-69.

Скабалланович 1994 – М. Скабалланович, *Толковый типикон.* Москва, 1994.

Смолич 1991 – И. К. Смолич, *Русское монашество 988 - 1917. Жизнь и учение старцев.* Москва, 1999.

Стернин 2000 – И. А. Стернин, *Модели описания коммуникативного поведения.* Воронеж, 2000.

Стојчевић 1998 – Патријарх Павле (Стојчевић), *Шишање косе и бријање браде код свештених лица.* - [У:] Исти, *Да нам буду јаснија нека питања наше вере,* т. II. Изд. Архиепископије београдско-карловачке, Београд, 1998, стр. 208-213.

Топоров 1995 – В. Н. Топоров, *Святость и святые в русской духовной культуре. Том I: Первый век христианства на Руси.* Москва, 1995.

Туркестанов 1997 – Т. Туркестанов, *Опште основе стараштва.* [У књ.:] Ј. Србуљ, В. Димитријевић (прир.), *Духовно очинство у православном предању.* Београд, 1997, стр. 5-69.

Федотов 1959 – Г. П. Федотов, *Святые древней Руси (X-XVIIст.).* New York, 1959.

Флоровский 1937 – Г. Флоровский, *Пути русского богословия.* Париж, 1937.

Е.Ю.Гетте

Опыт описания гендерного коммуникативного поведения носителей русского языка

С целью выявления основных гендерных различий в коммуникативном поведении носителей русского языка были выявлены основные параметры и факторы коммуникативного поведения и разработана модель описания гендерного коммуникативного поведения. За основу взята модель описания национального коммуникативного поведения (Стернин И.А. Американское коммуникативное поведение / ред. И.А.Стернин. – Воронеж, 2003).

Материалом исследования послужили современные художественные тексты авторов-мужчин и авторов-женщин разных жанров общим объемом 3 млн. словоупотреблений.

В ходе сплошной выборки из художественных текстов речевых произведений персонажей-мужчин и персонажей-женщин фиксировались признаки русского мужского и женского коммуникативного поведения. Описание гендерного коммуникативного поведения производилось по разработанной модели.

Модель описания основана на принципе контрастивности: предметом сопоставительного анализа являются факторы, параметры и признаки коммуникативного поведения. *Коммуникативный признак* понимается как отдельная черта коммуникативного поведения (коммуникативное действие или коммуникативный факт), выделяющаяся как релевантная для описания; *параметр коммуникативного поведения* - как совокупность однородных, однотипных коммуникативных признаков, характеризующих коммуникативное поведение; *коммуникативный фактор* – как совокупность сходных коммуникативных параметров, наиболее обобщенная единица описания коммуникативного поведения (Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А. Русское коммуникативное поведение / Ю.Е.Прохоров, И.А.Стернин. – 2002. – 277с).

Другими словами, структура модели содержит уровни единиц разной степени обобщения: факторы, параметры, признаки. Факторы объединяют параметры, а детальная характеристика коммуникативного поведения представлена в коммуникативных признаках.

Приводим номенклатуру коммуникативных *факторов* и коммуникативных *параметров*, используемых для моделирования гендерного коммуникативного поведения.

Установление коммуникативного контакта

Необходимость приветствия
Необходимость этапа настройки собеседника на восприятие информации
Возможность подключения к общению
Возможность планирования общения
Возможность предварительного этапа общения
Настойчивость при вступлении в коммуникативный контакт

Поддержание коммуникативного контакта

Мастерство поддержания контакта в деловом общении
Умение поддержания контакта в фатическом общении
Стремление поддержать контакт в общении «по душам»
Частотность приемов захвата внимания собеседника в проблемной беседе
Толерантность к молчанию

Характер выхода из коммуникации

Возможность внезапного прерывания контакта
Плавность выхода из контакта
Возможность перебивания собеседника
Допустимость длительных пауз в общении
Необходимость прощания

Общительность

Доля общения в структуре деятельности
Стремление к расширению круга общения
Допустимость общения с незнакомыми
Активность в общении
Роль и функции молчания в общении

Коммуникативная самоподача

Характер самопрезентации
Допустимость самопохвалы, саморекламы, демонстрации личных успехов окружающим Демонстрация знакомства со статусными лицами
Частотность демонстрации успехов родственников
Допустимость преднамеренного искажения информации о себе с целью повышения своего статуса

Допустимость самокритики

Коммуникативный демократизм

Приоритетность неформального общения
Стремление к упрощению этикетных норм поведения
Стремление к паритетности
Приоритетность установления дружеских отношений с окружающими
Стремление к неформальному общению в формальной обстановке

Соблюдение норм речевого этикета

Вежливость к незнакомым
Вежливость обращения к знакомым
Характер выражения приглашения
Соблюдение норм гостевого этикета
Легкость выражения просьбы
Легкость выражения извинения
Степень комплиментарности речи в общении с мужчиной
Степень комплиментарности речи в общении с женщиной

Коммуникативная доминантность

Использование средств коммуникативного доминирования
Использование средств коммуникативного подчинения

Регулятивность

Стремление к высказыванию делового совета
Стремление к высказыванию полезного совета
Стремление к высказыванию совета, касающегося проблем личной жизни
Характер регулятивных высказываний
Соотношение прямых и косвенных форм регулятивных высказываний

Обсуждение разногласий

Категоричность общения
Допустимость эмоционального спора
Коммуникативные роли женщин и мужчин в споре
Готовность вступить в спор
Ориентация на сохранение лица собеседника

Готовность к критике собеседника
Использование антиконфликтной тематики общения
Стремление к победе в споре
Сосредоточенность спора на решении проблемы

Тематическая направленность общения

Возможность обсуждения профессиональной тематики
Возможность обсуждения проблем личной жизни
Возможность разговора о третьих лицах
Возможность обсуждения проблем общественной жизни
Возможность обсуждения хобби
Допустимость откровенного разговора «по душам»
Характер обсуждения бытовых тем

Коммуникативная эмоциональность

Уровень эмоциональной сдержанности
Стремление к гиперболизации выражения своих чувств
Частота в использовании эмоциональных языковых средств в общении
Необходимость демонстрации положительной эмоции в общении
Искренность проявления эмоции
Возможность негативной эмоциональной реакции на речь собеседника

Коммуникативная оценочность

Стремление к вербальной оценке лиц, предметов, ситуаций
Соотношение позитивных и негативных оценок
Степень объективности оценки
Предмет оценки при оценивании качеств мужчин и женщин

Ориентация на собеседника

Внимательное слушание
Внимание к содержанию речи собеседника
Контроль соответствия поданного материала уровню адресатов общения
Возможность вербального разделения переживаний собеседника
Учет интересов собеседника во временной организации процесса общения
Степень отчетливости артикуляции

Коммуникативная реакция

Характер коммуникативной реакции на искаженную информацию
Степень позитивного восприятия похвалы, комплимента
Степень негативной коммуникативной реакции на критику
Возможность позитивного восприятия совета
Уровень толерантности при нарушении собеседником норм этикета

Коммуникативная мобильность

Мобильность интонационного строя речи
Мобильность звучания
Мобильность темпа речи
Тематическая мобильность
Мобильность оценки

Объем общения

Развернутость монолога
Развернутость диалога
Возможность регламентации процесса общения

Коммуникативные ожидания

Потребность в вежливом обращении
Коммуникативное ожидание комплимента
Потребность в совете
Потребность в эмоциональном отклике и сочувствии

Аргументированность

Характер речевого воздействия на собеседника
Использование логических аргументов
Применение психологических приемов в аргументации

Коммуникативный контроль

Внимание к своей собственной речи
Степень контроля речи собеседника
Возможность коррекции речи собеседника
Вопросы как форма коммуникативного контроля

Описывая *признаки* коммуникативного поведения мужчин и женщин, мы используем следующие метаязыковые единицы: признак может быть *не характерен, не очень характерен, характерен, очень характерен*; степень проявления признака может быть *низкая, невысокая, средняя, высокая.* Так, признак коммуникативного поведения номинируется как *очень характерный* (или степень проявления признака характеризуется как *высокая*), если он подтвержден множеством примеров из текстов; как *характерный,* если подтвержден четырьмя-пятью примерами; как *не очень характерный* (или степень проявления признака расценивается как *средняя*), если продемонстрирован 2-3 примерами; *не характерен* (степень проявления признака *низкая*), если примеры единичны или вовсе отсутствуют.

Сопоставляя признаки коммуникативного поведения мужчин и женщин посредством ранжирующих метаединиц описания, мы получаем определенные соотношения, информирующие нас о степени гендерных различий. Для количественной оценки степени гендерных различий введено понятие *индекс гендерной дифференциации*. Индекс гендерной дифференциации – числовой показатель гендерных различий, амплитуда которого колеблется в пределах от 0 до 1.

Предлагается выделить три уровня гендерной дифференциации, обозначив их индексами 0; 0,5 и 1:

0 – признаки коммуникативного поведения мужчин и женщин совпадают;

0,5 – а) для одной гендерной группы признак характерен или проявляется в высокой степени – для другой гендерной группы данный признак не очень характерен или степень его проявления средняя; б) для одной гендерной группы признак не характерен или проявляется в низкой степени – для другой гендерной группы данный признак не очень характерен или степень его проявления средняя;

1 – в коммуникативном поведении одной группы данный признак безэквивалентен, то есть степень гендерной дифференциации максимальная.

Индекс гендерной дифференциации (ИГД) может быть вычислен как на уровне коммуникативного признака, так и на уровне коммуникативного параметра, коммуникативного фактора и всего материала. Например, ИГД коммуникативного фактора представляет собой средний показатель ИГД коммуникативных параметров, которые формируют данный фактор.

Приводим образец сопоставительной характеристики мужского и женского коммуникативного поведения и выявления индекса гендерной дифференциации на примере описания фактора *Коммуникативная самоподача:*

ПАРАМЕТРЫ	Признаки мужского КП	Признаки женского КП	Индекс ГД

Официально-деловой характер самопрезентации	Характерен	Не характерен	1
Творческий характер самопрезентации	Не характерен	Характерен	1
Допустимость самопохвалы, саморекламы, демонстрации личных успехов окружающим	Не очень характерна	Не характерна	0,5
Демонстрация знакомства со статусными лицами	Характерна	Характерна	0
Частотность демонстрации успехов родственников	Средняя	Высокая	0,5
Допустимость преднамеренного искажения информации о себе с целью повышения своего статуса	Характерна	Не очень характерна	0,5
Допустимость самокритики	Не очень характерна	Характерна	0,5

Индекс гендерной дифференциации фактора *Коммуникативная самоподача* представляет собой среднюю величину и составляет *0,6.* Следовательно, гендерные различия коммуникативной самоподачи могут быть обозначены как существенные.

Необходимо отметить, что индекс гендерной дифференциации – величина вероятностная, отражающая обобщенный результат сопоставления мужского и женского коммуникативного поведения. Ситуация, условия общения, индивидуально-личностные характеристики коммуниканта и другие факторы могут детерминировать процесс общения и модифицировать индекс гендерной дифференциации; однако индекс отражает определенную закономерность коммуникативных процессов.

В процессе описания мужского и женского КП особого внимания заслуживают эндемичные (безэквивалентные) признаки мужского и женского коммуникативного поведения. Эндемичными являются те признаки, которые выявлены в КП представителей только одной гендерной группы и индекс гендерной дифференциации при сопоставлении которых составляет 1.

Приведем примеры эндемичных признаков, характеризующих речь мужчин: *возможность замены приветствия на вопрос по сути дела; предоставление собеседнику права самостоятельно делать вывод; возможность совместных действий без вербальной координации; возможность молчания в функции доминирования; представление по прозвищу и др.*

Женскому коммуникативному поведению свойственны следующие эндемичные признаки: *диалогизм при передаче слов третьих лиц; возможность ответа за собеседника; представление уменьшительно-ласкательным именем; возможность обсуждения проблем личной жизни в официальной ситуации общения; возможность обсуждения проблем быта*

в официальной ситуации общения; возможность обсуждения новинок моды; детальность при обсуждении бытовой темы; возможность немотивированного переключения с одной темы на другую и др.

Таким образом, в рамках параметрической модели описания гендерной специфики общения приводится фактический материал, представляющий различные коммуникативные факторы, параметры и подпараметры и подтверждающий примерами те или иные выводы и обобщения, касающиеся гендерных особенностей проявления тех или иных коммуникативных факторов и параметров. Эффективность параметрической модели заключается в том, что фактический материал представлен как в максимально обобщенном, так и в детальном виде с иллюстрацией того или иного признака примерами из художественной литературы.

Приведем фрагмент модели описания гендерного КП на примере фактора *Общительность*. Необходимо отметить, что рамки работы позволяют продемонстрировать тот или иной признак коммуникативного поведения только одним-двумя примерами.

Общительность

Доля общения в структуре деятельности

Профессии, связанные с постоянным общением, не относятся к числу приоритетных профессий мужчин (а). Более того, создается оппозиция *болтливость-профессионализм* в мужском сознании (в репликах мужчин «слово» противопоставляется «делу») (б):

> а) « - Я, например, считаю, что куда приятнее заработать на жизнь умом или руками, но не языком, облизывающим чье-то ухо» (В. Молчанов. Ядерные материалы, с.106).

> б) « - Вот я про это и хотел поговорить. Ещё утром.
> - Да не говорить надо, а конкретно работать с судом! Что ты здесь болтаешься под дверью?» (Ю. Дубов. Теория катастроф, с.25).

Гендерно дифференцированы и типы общения в профессиональной сфере деятельности. Мужчины инициируют следующие типы общения в профессиональной сфере: а) «торг» (договор об обмене предметами, информацией, действиями или деньгами на взаимовыгодных или выгодных только одной стороне условиях); б) профессиональное общение (круг общения определяется родом деятельности и общими профессиональными интересами); в) налаживание деловых связей; г) творческое общение (выработка идеи деятельности); д) стратегическое общение (направлено на координацию совместных действий):

а) «Что вам от меня нужно? – хрипло спросил Радзин.

- Вот это первые разумные слова, которые я от вас слышу. Так, значит, вы согласны начать серьезный разговор?» (А. Ромов. Тень чужака, с.199).

б) «С появлением этого чуда японской электроники довольно быстро образовался и круг нового общения, состоящий из владельцев подобной техники и, соответственно, кассет - предмет постоянного обмена» (А. Молчанов. Ядерные материалы, с.131).

в) «Его невидимые миру усилия, кропотливая работа с военными, с разведкой, с членами президентской семьи, его дружба с министром, с редакторами газет, телепрограмм, со множеством референтов и экспертов, с каждым в отдельности и со всеми вместе. Воздействие убеждением и деньгами, услугами и уговорами, равномерным по всему фронту давлением, в результате которого состоялось решение. Войска вошли в город» (А Проханов. Чеченский блюз, с.34).

г) «Я смотрю в твое лицо и говорю, говорю, а потом слушаю тебя. Ты говоришь, говоришь и слушаешь меня. И таким образом рождается новый замысел. И Валька Шварц уже садится и пишет» (В.Токарева. Система собак, с.223).

д) « - Кажется, нам стоит переговорить... - произнес Власов, пожимая ему руку. - На судне происходят знаменательные события.

- И уже давно, - согласился Власов» (В.Молчанов. Ядерные материалы, с.121).

Многие женские профессии требуют коммуникабельности (а). В ряде женских профессий коммуникативные и профессиональные качества взаимосвязаны и взаимообусловлены (б):

а) «Мама смотрит на меня и говорит:

- Плохая у тебя работа. Сидишь, ковыряешь эти мазилки. Я так думаю, дворником даже лучше быть.

- Да чем же лучше? - возмутилась я.

- Дворник хоть людей видит, - вздыхает мама. - А ты что?» (Л.Сычева. За счастьем, с.13).

б) «Продавщица в разговоре была ненаходчивой, сбивалась, и ей казалось, что её авторитет от этого падает» (Л.Сычева. У магазина, с.9).

А) Общение в обслуживающей сфере деятельности; б) общение, связанное с организационной работой; в) с работой переводчика (вспомогательное общение); г) социализирующее (опекающее-объясняющее общение педагога, воспитателя); д) творческое общение – данные виды общения чаще всего являются частью профессиональных навыков женщины. В ряде «женских» профессий общение является самоцелью:

а) «Эта Валентина окончила филфак и говорила: "Я, право, не знаю, может вы купите эти?» (Н.Горланова, В. Букур. Нюся и мильтон Артем, с.99).

б) «Мать с Люськой - другое дело. Они носились по Москве, как одержимые, с кем-то знакомились, куда-то кого-то возили... При всем том Люська продолжала исправно учиться на факультете журналистики, мать трудилась в Институте общественных наук» (Л.Бородин. Расставание, с.39).

в) «Надюшу вызвали на работу. Прибыл известный американский миллионер, пожелавший совершить с женой и дочерью путешествие во Владивосток. Надюше надлежало их сопровождать... Как лучшей, корректной, надежной переводчице» (Е.Каплинская. Не покупайте корову, если не умеете её доить, с.64).

г) « - О, я обречена была стать учительницей. У меня было десять кукол, на каждую куклу заводила по четыре тетрадки, их заполняла. Ставила оценки, проверяла домашнее задание... Там, в конце журнала адреса и родители записаны, я всех «навещала» (В.Крупин. Люби меня, как я тебя, с.98).

д) «- Как там у нас дела?

- Только что привезли от Михайлина подкладочный шелк, пуговицы и шифон.

- …Сегодня утром я придумала фантастическую модель!...»(В.Пьецух. Жена Фараона, с.35).

Стремление к расширению круга общения

Для мужской коммуникативной культуры характерно явление избирательности общения. Мужчина прагматичен в общении и наделяет каждого коммуниканта определенной полезной для него функцией (а), находясь в конкурентных отношениях, ограничивает общение с противниками (б).

Принцип избирательности контрастирует с принципом кооперации и предполагает сужение круга коммуникантов, выбор из многих некоторых, например, исключение из круга общения родственников (в).

Гендерно маркировано отношение к одиночеству: г) для мужской коммуникативной культуры характерно явление келейности (уединение с целью достижения нормы молчания):

а) « - Имей в виду, - Андрей оторвал меня от воспоминаний, - ты человек избранный, тебя лично Ефим пригласил, так что с подсобными работниками не общайся, во время обеда за один стол с ними не садись и по-русски не болтай. Они получают мало, опустились, держи дистанцию» (А.Торин. Дурная компания, с.37).

б) «Из беседы с матросом выходило, что "восточные" моряки держали себя по отношению к "западным", питерским, не то, чтобы высокомерно, но с очевидной прохладцей.., не говоря о каких-либо доброжелательных приглашениях к совместному времяпрепровождению.

Подобный стиль поведения сослуживцев матроса немало озадачивал, и он огорченно позволял себе заметить, что отчужденность жителей городских многоэтажек ни в какое сравнение не идет с кастовой замкнутостью «восточных» (В.Молчанов. Ядерные материалы, с.70).

в) «Я порвал последние связи - дружеские. Родным я не пишу уже несколько лет: когда ещё не утрачены идеалы, не утрачены и связи с родными, чем дальше от идеалов, тем дальше от родных. Нет, родные мои знают, где я, что я, но кто я, кем я стал - им не ведомо. И поздравления мои год от года реже - не хочу напоминать о себе, хочу, чтобы обо мне забыли, окончательно забыли, я хочу, чтобы от меня отвыкли» (Л.Бородин. Расставание, с.38).

г) «...здесь хорошо, то, что ему нужно: горы, природа, никто его не знает, он, собственно, затем и ехал из Москвы - полного одиночества захотелось, устал от всего» (В.Кунгурцева. Сад, с.23).

«Мой Муж совершенно лишен тщеславия. Он человек 2-3 людей. Ему для равновесия с миром достаточно 2-3 близких человек. От пяти он уже устает» (В.Токарева. Звезда в тумане, с.62).

Для женской коммуникативной культуры характерно явление кооперации, единения с другими людьми. В круг общения женщины входят родственники, коллеги, знакомые, женщина легко вступает в

коммуникативный контакт с незнакомыми людьми. Женщина а) восприимчива к советам, мнению других людей, б) доверяет другим людям свои проблемы и сама принимает участие в судьбе других людей, в) предпочитает переживать трудности в общении. Отсутствие круга общения женщины переносят тяжело, испытывают негативные эмоции (г):

а) «Вера Алексеевна была переполнена явлением новой родни, ей хотелось поделиться новостями с кем-то, рассказать про Астру ("молодежная стрижка, как-то даже неловко, когда открытая шея при наличии дряблости"), про некую Лилию Ивановну ("молодая вдова, осталась в большой квартире, потолки три пятьдесят")» (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом, с.47).

б) « - А он как порченый... Я ему и бабку привела... Ничего! Люди! Бабы! Раньше времени из-за паразита уйду за бугор, помяните моё слово!
И люди взялись за Геньку, заставили его закончить школу...»" (Г. Щербакова. Аллочка и плотина, с.369).

в) « - Начнется следствие, - сказал Вадим. - Объявляется тайм-аут. Заляжете на дно на недельку-другую, а там посмотрим.
- Не по-русски это, - произнесла Юлия. - Мы были вместе, и теперь нехорошо разбегаться» (А.Горохов. Мне терять нечего, с.47).

г) «Вера Алексеевна испытывала обиду одиночества, стала чистить пемоксолью раковину» (Г.Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом, с.47).

Женщина часто расширяет круг коммуникантов в условиях дефицита общения посредством олицетворения: а) вещей, б) животных, в) растений; г) неживых людей; д) сверхъестественных сил; е) произведений искусства; ж) учебной литературы. Олицетворяя объект, женщина наделяет его способностью передавать и воспринимать информацию:

а) «Домой вернулась, как после побега - и все предметы в доме встречали её заговором, заговором молчания; будто до неё.. в доме происходило что-то веселое, радостное - все замерло, смолкло, насторожилось, так бывало в школе: натворит один что-то такое, что против всех правил. И с ним перестают разговаривать, так же, показалось ей, было и сейчас. Только ведь в доме не было людей, а вещи, а предметы, наполнявшие дом, и до сегодня с ей не говорили.

Она включила телевизор - и успокоилась; бормотание его, как бормотание старика, который разговаривает сам с собой, которому нет необходимости отвечать, которого не обязательно слушать, но от чьего присутствия теплее в доме» (В.Кунгурцева. Сад, с.24).

б) «Когда мы вошли в палисадник, я увидел над оградой огромную лохматую башку с выразительными, страдающими глазами.
- Привет, Арчик! - она подняла ладошку. Арчик взвыл. Будто бы знает, где она была!» (В.Попов. Чернильный ангел, с.43).

в) «А цветы на подоконнике.. .они ведь живые, это уж не Аллочка придумала. У них, что самое удивительное могут быть и чувства - свои, цветочные. У людей радости и горе человечьи, у собак - собачьи, у цветов - цветочные...» (Л. Павлова. Цветы невиданные, райские птицы, с.8).

г) «Вдруг Верке показалось, что Богородица на мгновение улыбнулась, совсем, как мать, одним краешком рта. И снова сомкнула губы. Верка тихо позвала: - Мама. - Богородица улыбнулась снова, тяжело вздохнула и поджала губы…» (О.Панченко. Ожидание, с.85).

д) « - Пусть душа мамочки успокоится. Пусть ей будет хорошо. Спаси и сохрани, Господи. Спаси и сохрани» (А.Кузнецов. Женщина без слез, с.71).

е) «Милка считает картину гениальной потому, что есть у неё, у Милки уверенность: Мона - живая женщина. Этому нет рационального объяснения, но вот приходит она к бабушке, и они с Моной сморят друг на друга, глаза в глаза, и Мона смеётся над нею, Милкой. Фигушки - доброжелательно! Она смеётся над ней с сарказмом, с веками отстоянной иронией. Она говорит ей: "Эй ты, девчонка!" И Милка отвечает ей: "Уродина!" Просто умирает от насмешки Мона: "Ты маленькая злая обезьяна!" - дразнит она Милку. "А ты безобразная старуха!" - парирует Милка.. так подчас площадно переругиваются эти двое - московская девчонка и таинственная флорентийка» (Г.Щербакова. Дверь в чужую жизнь, с.297).

ж) «А Лена говорила, что учебники разговаривают с нею бодрым голосом Дроздова, ведущего телепередачи «В мире животных». А Оля уверяла, что автор учебника захлебывается скороговоркой,

как будто он работает на радио «Максимум» ди-джеем» (Н.Горланова, В.Букур. Нюся и мильтон Артем, с.98).

Явление олицетворения отмечено и в мужской коммуникативной культуре, однако ограничено общением с животными, с которыми мужчина связан, как правило, по роду профессиональной деятельности или хобби:

«Взбодрившись, он вдруг рассказывал про своих собак, к которым относился почти как к людям и во всех случаях непослушания видел глубоко осознанную вредность и пакостливость. "Рыжий! Рыжий! От-т скотобаза!" - грозно орал он на своего Рыжика» (М.Тарковский. Гостиница "Океан", с.77).

« - Хватит, подруга, - засмеялся мальчик. - И веди себя тихо, ладно?
Она лизнула его в щеку и даже как бы что-то проворчала.
- Понял, понял, - сказал мальчик. – Пожалуйста» (Г.Щербакова. Мальчик и девочка, с.37).

Допустимость общения с незнакомыми

Дифференцированы пресуппозиции по поводу вступления в контакт с незнакомыми людьми, с людьми из массы: а) пресуппозиция установления контакта в женском коммуникативном сознании; б) пресуппозиция отказа от общения - в мужском:

а) «Вокруг десятки людей, с которыми необходимо сделать дела или хочется поболтать, но уже не хватает воздуха..» (М. Арбатова. Аборт от нелюбимого, с.72).

б) « - Вы знаете, Нелли, продолжал он, - человек по-настоящему одинок только в городе. Я это испытал на собственной шкуре. Иногда я выхожу прогуляться и вижу людей! Тысячи людей! Они-то между собой все время говорят. Что-то без конца болтают, болтают... Знаете, Нелли, мне иногда хочется затопать ногами и закричать: «Замолчите! Замолчите! Замолчите!» (В.Роньшин. Последний поезд метро со станции "Отчаянье", с.4).

« - Пешком - мысль о том, что придется спускаться в метро и толкаться там, глядя на рожи попутчиков, тошнотворна (реплика мужчины)» (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы, с.9).

Общение с незнакомыми в мужском коммуникативном сознании в целом носит второстепенный характер. Возможность общения опосредуют а) степень занятости (при отсутствии дела мужчина может общаться),

наличие\отсутствие повода для общения, состояние человека, б) первое впечатление о лице. Вступление в коммуникативный контакт с незнакомым человеком для мужчины связано с коммуникативным барьером (в):

а) «В моем купе на верхних полках лежали двое молодых военнослужащих. Тот, что надо мной, читал книгу, а тот, что напротив, дремал... Время от времени молодые люди грациозно спрыгивали вниз и пили чай, деликатно стараясь не хрустеть вафлями. Третьим соседом был пенсионер Василий Афанасьевич. Василий Афанасьевич берег глаза и в пути не читал, поэтому охотно со мной разговаривал» (Н. Толстая. Полярные зори, с.14).

б) «Трактор взревел, прицеп дернулся, и мы отправились в путь... По той причине, что и мне тракторист не понравился, и я ему, кажется, не понравился, дорогой мы все больше молчали; тракторист рулил и посапывал, я смотрел...» (В. Пьецух. Памяти Кампанеллы, с.31).

в) «Леня ездил на знакомство, как на работу» (О. Лобова. Ленины сны, с.290).

Женщины чаще, чем мужчины, инициируют знакомство; в некоторых ситуациях общения женщина считает некорректным не познакомиться (общение с попутчиком, соседом за столом) (а). В большей мере для речи женщин, чем для речи мужчин, характерна редукция фазы фатического общения с малознакомым человеком и переход к общению «по душам» (сообщение подробностей личной жизни, рассказ-исповедь и т.д.) (б), к проблемной беседе (в). Женщина обращается к незнакомым людям с просьбой о помощи (г):

а) «Купе было набито попутчиками. Один сразу достал толстую книгу и углубился в первую страницу. Второй растерянно улыбался. Третий сидел, сбросив туфли. Стояла принужденная, искусственная тишина. Всем было неловко от молчания, но заговорить не находилось повода.

Тут дверь поехала в сторону, и на пороге воссияла ослепительная Антонина. Она была навеселе, чуть-чуть, самую малость.

- У, какие мы страшные, какие грозные! - сделала она козюлю стриженому. - Совсем Настюшу мою в угол загнали» (Л. Сычева. Сестры, с.93).

б) «Я поняла: у Лиды тяжело на душе. Ей не к кому пойти, чтобы проговорить свою жизнь, и она пришла к совершенно постороннему человеку» (В. Токарева. Извинюсь. Не расстреляют, с.291).

«Потом он шел к даче вместе со "скорой", и медсестра тараторила, что её парня забирают в Чечню» (Г. Щербакова. Мальчик и девочка, с.64).

в) « - Вот если пожилой человек едет в автобусе, - сказала она официанту, принесшему шницель, - а ты захочешь к нему обратиться, что ты в таких случаях говоришь?
- Я в автобусах не езжу.
- Ну, предположим, случился такой казус...
- Я бы сказал: отец.
- А в Англии, представь себе, такого слова в заводе нет! То есть слово, конечно, есть, только они его друг другу не говорят.
- А что они говорят? - Если ты клиент, то тебе говорят: сэр...» (В. Пьецух. Жена Фараона, с.37).

г) « - И какой же такой закон позволяет мать с ребенком разлучать! - обивала разные канцелярии бабуся, и женщины, там работавшие, сочувствовали ей, беспомощно кивали» (Л.Павлова. Цветы невиданные, райские птицы, с11).

Активность в общении

Активность мужчин стимулирована, в первую очередь, стремлением к самоутверждению и доминированию в группе общения (а). Мужчины активны при условии, б) когда есть большой фактический материал, неизвестный собеседнику, идеи, требующие объективации:

а) «Он, говорят, работал, как боксер - весь мокрый, но с ответами не тянул и ввернул пару грубых шуточек про прежнюю власть, которые в его устах сработали как изысканный юмор" (Р.Солнцев. Двойник с печальными глазами, с.105).

б) «Грандиозность замыслов кружила его лысую голову, он постоянно выступал в научных обществах, в учебных заведениях, в домашних семинарах» (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света, с.29).

Мужчины в ряде ситуаций коммуникативно пассивны: а) односложно отвечают на вопросы собеседника, отказываются от поддерживающих реплик, б) откладывают общение на неопределенное время, в) используют предметные барьеры общения (отгораживаются газетой, смотрят в книгу):

а) « - Зато мы с тобой наговоримся.

Но через минуту стало ясно, что "наговоримся" сказано с большим преувеличением. Разговора, в смысле общения, в смысле диалога, не могло быть и в промине. Григорий отвечал скупо: да, нет, не знаю, - когда можно было обойтись вообще без слов, он обходился... Профессор так и не узнал, что же заставило этого юношу сбежать из Недюжинска... Куда подевалась его красавица жена? И зачем ему понадобилось искать его за десятки километров от Москвы» (А. Куц. Возвращение в ноль, с.167).

б) « - Я ещё успею рассказать тебе, папа.
- Ты всегда говоришь - успею, успею, а я ничего не знаю про тебя» (М. Левитин. Огурчик, с.113).

в) «Утром пили кофе. Владимир читал журнал "Катера и яхты", жевал, крошки застревали в обеих бородах. Зоя враждебно молчала, глядела ему в лоб, посылая телепатические флюиды: женись, женись, женись! Вечером он опять чего-то читал, и Зоя глядела в окно и ждала, когда же спать» (Т. Толстая. Охота на мамонта, с.197).

Коммуникативная активность женщин обусловлена преимущественно а) эмоциональным состоянием; б) стремлением познать мир посредством общения; в) наличием проблемы, решаемой посредством общения как источника информации. В некоторых ситуациях женщины проявляют коммуникативную активность на фоне пассивности мужчин, отвечают за мужчину на адресованный ему вопрос (г):

а) «Только про себя, дуреха, все выложила. Сразу на одном дыхании. Тараторила без умолку - и про любовь, и про кимвал не забыла» (Б. Мазо. Толкование слов, с.32).

б) «Но каждую крупицу стоящего, нужного ей знания Машка отвоевывает себе самыми неправдоподобными путями - подслушивает, подглядывает, лезет куда не надо, задает не те вопросы, ждет не те ответы. И в результате она в свои двенадцать во всем разбирается лучше Павлика, которому почти семнадцать» (Г. Щербакова. Дверь в чужую жизнь, с.306).

в) « - А там, как выйдешь, сразу спросишь. Войдешь в проходную, справа местный телефон» (Н.Катерли. Курзал, с.39).

г) « - А собственно, что ты хочешь? - лениво спросила она у Павлика. - Какие у тебя интересы?
- История, - выдохнула Машка. - История. Он помогает папе писать работу» (Г. Щербакова. Дверь в чужую жизнь, с.297).

Роль и функции молчания в общении

В коммуникативных процессах мужчин молчание частотно и многозначно. Чаще всего молчание мужчин выполняет следующие функции: а) медитативную, б) несогласия с собеседником, в) релаксации, г) позитивной и негативной оценки, д) эмотивную (выражения эмоции вины, страха, ревности, недоверия):

а) «Посвятив себя полминутному раздумью, Крохин наконец-таки сподобился на сдержанный кивок» (В. Молчанов. Ядерные материалы, с.95).

б) «Кудрявцев наблюдал офицеров и видел, как по-разному они восприняли приказ министра. Одни … Другие... Четвертые мучились несогласием, не решались высказать его генералу. Были готовы промолчать, унести с собой свое несогласие» (А. Проханов. Чеченский блюз, с.8).

в) «Потом завтракаем. Я ем без особого аппетита, предвкушаю, как сейчас завалюсь в кровать. Молчу. А жену тянет поговорить» (Р. Сенчин. Афинские ночи, с.94).

г) «С полминуты Костя Цыган молча рассматривал их, переводя взгляд с одного на другого, и эти полминуты показались Жеке равными всей его предыдущей жизни.
- Ну, - сказал наконец Костя Цыган, - слышал, слышал... Как говорят в хороших домах: рад познакомиться» (А. Курчаткин. Киллер, с.16).

д) «..трое его ровесников, окружив его в арке, отобрали у него часы и 70 рублей. Он никому ничего не сказал до сих пор, ему было обидно, что попался именно он, а главное, было тяжело и стыдно вспомнить, как от испугался и отдал все без возражений» (А. Сельянова. Новое поколение, с.111).

Только для коммуникативного поведения мужчин характерны функции: а) доминирования, б) экономии вербальных средств общения, в) конспирации, г) дисконтактная функция:

а) «Гольдберг замолк, пораженный недобрым предчувствием. Молчал и директор. Он умел держать паузу. Гольдберг – нет» (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света, с.80).

б) «Молчанов назвал адрес, таксист, не говоря ни слова, дал газ» (А. Ромов. Ордер на убийство, с.153).

«Из павильона выходит режиссер дубляжа, подходит к Нинке, берет её за руку и без слов ведет в павильон» (В. Токарева. Северный приют, с.172).

в) « - Извольте выплатить гонорар! - Сенчук приподнял над головой фуражку. - Гонорар будет скромен: от вас требуется всего лишь молчание, господа!» (В. Молчанов. Ядерные материалы, с.140).

г) «Вечером Александра Эрнестовна, бывало, спросит его: "Чаю?", а он так только посмотрит и ни-че-го не говорит! КОВ- ВА-АРНЫЙ! Так и молчал» (Т. Толстая. Милая Шура, с.45).

Наиболее характерными функциями молчания женщин являются а) оценочная, б) эмотивная, в) релаксации, г) нормативно-этикетная, д) рефлексивная:

а) «Я ведь не дерзила отцу, не препиралась с ним, не сидела букой. Наоборот, я охотно принимала участие в общей беседе, отвечая на все вопросы, если только они не касались отца или не от него исходили. Тут я молчала, как глухонемая, повергая всех в безвыходную неловкость... Я считала, что мое прилюдное молчание гораздо красноречивее и эффектнее» (Р.Полищук. Прощальная симфония, с.228).

б) «Хорошо с ней. Только уж больно обидчивая попалась. Или замолчит вдруг ни с того ни с сего. Что вот опять? Говорит. Вроде, улыбается, да не так как-то... Признак, что не довольна» (О.Ложкина. Первый, с.304).

в) «Каменская была замужем всего пять месяцев, и сейчас с ужасом думала о том, что её ждет не пустая квартира, где можно помолчать и расслабиться, а Леша, с которым нужно будет общаться» (А. Маринина. За все надо платить, с.241).

г) «Но она, отказав, не повторяла отказа, просто отмалчивалась» (В. Крупин. Люби меня, как я тебя, с.74).

д) «Она приходила посмотреть, как - теперь - к нему относится. Проверяла, вправду ли разлюбила.. Она почти ничего не говорила - только смотрела на него. Он ежился под её взглядом» (В. Кунгурцева. Сад, с.37).

Сопоставительная характеристика мужского и женского коммуникативного поведения по отдельным коммуникативным параметрам может быть представлена в виде таблицы, например:

Общительность

ПАРАМЕТРЫ	Признаки мужского КП	Признаки женского КП	Индекс ГД
Доля общения в структуре деятельности	Не очень высокая	Значительная	0,5
Стремление к расширению круга общения	Среднее	Высокое	0,5
Допустимость общения с незнакомыми	Не характерна	Характерна	1
Активность в общении	Средняя	Высокая	0,5
Роль молчания в общении	Значительная	Незначительная	1

Индекс гендерной дифференциации фактора *Общительность* составляет величину 0,7.

Индекс гендерной дифференциации всего исследуемого материала (20 факторов, более 100 параметров, около 500 признаков) составил 0,59 - таким образом, гендерные коммуникативные различия могут быть охарактеризованы как существенные. Следовательно, правомерно говорить о русском мужском и женском гендерлекте, или русском мужском и женском коммуникативном стиле.

Следует отметить, что амплитуда гендерных различий сужается и расширяется в зависимости от условий, ситуации общения, личностных, социальных характеристик коммуникантов, однако в целом мужская и женская речь довольно легко поддаются идентификации. Данные, обобщающие результаты исследования в целом, могут быть представлены в виде таблицы:

Стили коммуникативного поведения	**Мужской стиль**	**Женский стиль**
Гармонизирующий / деловой	Деловой	Преобладает гармонизирующий
Доминантный / подчиненный	Доминантный	Равнозначно
Демократичный (неэтикетный, сниженный) / этикетный	Преобладает демократичный	Равнозначно

Прямой / косвенный	Преобладает прямой	Преобладает косвенный
Эмоциональный / рациональный	Преобладает рациональный	Эмоциональный
Логичный / алогичный	Логичный	Преобладает алогичный
Обобщенный / детализированный	Обобщенный	Детализированный
Монотемный / политемный	Монотемный	Политемный
Объективный / субъективный	Объективный	Субъективный
Точный / диффузный	Точный	Диффузный
Интерактивный / интраактивный	Интраактивный	Интерактивный
Монологичный / диалогичный	Монологичный	Диалогичный
Стереотипный / творческий	Преобладает стереотипный	Творческий
Ироничный / нейтральный	Равнозначно	Нейтральный
Мобильный / инертный	Мобильный	Менее мобильный
Лаконичный / многословный	Лаконичный	Многословный

По преобладающей цели общения: в мужском общении – предметной и информационной; в женской – коммуникативной – гендерные стили противопоставлены как *деловой* и *гармонизирующий*. Наблюдается тенденция к интенсификации информационной цели в речи как мужчин, так и женщин; гипотетически информационная цель может стимулировать процесс интеграции гендерлектов.

Мужчины в процессе коммуникации часто стремятся усилить свою коммуникативную позицию, используют более широкий диапазон средств коммуникативного *доминирования*. Женщины нивелируют отношения субординации, стиль женщин характеризуется как *паритетный.*

В речи мужчин больше прерываний и перебиваний собеседника, меньше доля коммуникативных табу, экономия коммуникативных усилий происходит за счет сокращения этикетных формул, ограничения сообщения передачей только содержательной информации.

В коммуникативных процессах у женщин установление, поддержание и выход из коммуникативного контакта более ритуализованы, доля фатического общения выше, чем в мужском общении. Наблюдается

тенденция к увеличению инвективных конструкций. В итоге, присутствие в женской речи табуированных выражений наряду с этикетными формулами размывает границы территории мужского и женского коммуникативных полей, делает *демократичный* стиль мужчин менее четко противопоставленным *полудемократичному* стилю женщин.

Мужчины чаще объективируют регулятивы в прямой форме; подтекст чаще присутствует в речи женщин, следовательно, по соотношению формы и содержания два гендерных стиля могут быть противопоставлены как *прямой* и *косвенный.*

Рациональный стиль мужчин заключается в стремлении мужчин употреблять в речи глаголы, вербализующие мыслительные процессы, в склонности к демонстрации интеллектуальных преимуществ и эрудиции. *Эмоциональность* - яркий идентификационный признак женской речи. Женская речь изобилует маркерами эмоционального выражения в лексическом и просодическом потоке. Сопоставив речевые штампы мужчин (глаголы, обозначающие мыслительные процессы) и женщин (глаголы чувственного восприятия), гипотетически можно говорить о гендерном типе репрезентативной системы: мужчинам свойствен «рассудочный» тип репрезентативной системы, женщины обладают «визуальным» типом репрезентативной системы. Следовательно, в целях оптимизации процесса общения с мужчинами в целях настройки на их репрезентативный аппарат целесообразно употреблять глаголы-мыслительные процессы; в общении с женщиной эффективнее использовать глаголы чувственного восприятия.

Одним из признаков рационального речевого стиля мужчин является последовательность изложения: факты в повествовании мужчин выстраиваются в логическую цепь, речевая формулировка доказательства проста: на основе логически изложенных фактов мужчины делают вывод, в отдельном речевом акте мужчины обсуждают только одну тему. *Логичность, обобщенность, монотемность* – свойства высказываний мужчин. Женский стиль изложения характеризуется скорее как *алогичный и политемный*. Как правило, повествование женщин содержит несколько линий разножанрового характера, нарушается хронологическая последовательность изложения, отсутствует единство места излагаемых событий, происходит разрыв сообщения о факте оценочными суждениями, вербализацией чувств, в рассказе женщины множество действующих лиц. *Детальность,* внимание к мелочам, многочисленные переключения мысли с основных тем на второстепенные детали характерны, как правило, для речи женщин.

В результате анализа высказываний о событиях действительности выявлена следующая тенденция: мужчины передают преимущественно факт *объективно,* женщины трактуют его субъективно. Мужчины, формулируя умозаключение, делают вывод, исходя из анализа объективно сложившихся обстоятельств; женщины отводят факту второстепенную роль, предваряя сообщение о событиях реальной действительности

отношением к этим событиям. Следует отметить, что женщины часто востребуют информацию о том, какой психологический резонанс получило событие в ментальном поле партнера-коммуниканта, поэтому женский стиль общения можно назвать *субъективным.*

Мужчины ориентированы на внешний мир, где референты имеют конкретную форму, события – хронологические рамки, следовательно, язык мужчин более *точен*, терминологичен. Более высокая в сопоставлении с мужской речью степень эмоциональности, оценочности детерминирует *диффузный* стиль речи женщин. События действительности пропущены сквозь призму эмоционального состояния женщины, следовательно, в определенной мере приблизительны, неточны. Кроме того, в процессах коммуникации женщина часто актуализирует внутренний мир, который не имеет постоянных параметров, количественного измерения.

По соотношению вербализованной и невербализованной информации стиль коммуникативного поведения может быть определен как *интерактивный* или *интраактивный*. Изобилие пауз, актов молчания в речи мужчин, доминирующей функцией которых является медитативная, свидетельствует об активной ментальной деятельности как базы, на основе которой осуществляется коммуникативные процессы мужчин. Наиболее постоянным собеседником мужчины становится он сам, для него характерен *интраактивный* стиль коммуникативного поведения.

Женщины *интерактивны* в коммуникации: число потенциальных коммуникативных ситуаций у женщин больше, а круг коммуникантов шире, чем у мужчин. Женщины чаще объективируют содержание своих мыслей, часто сопровождают свои действия словесным комментарием.

Кроме того, женщины более, чем мужчины, ориентированы на собеседника, прогнозирование общения в коммуникативном сознании женщин происходит на основе более тщательного «прочтения» собеседника, а речь построена на принципах *диалогизма.*

Следовательно, мужской и женский коммуникативные стили могут быть противопоставлены как объективный и субъективный, точный и диффузный, интраактивный и интерактивный, монологический и диалогический.

Стандартный и *творческий* стили характеризуют, главным образом, способ самоподачи мужчин и женщин; творческий стиль также выражается в выборе нетрадиционных коммуникативных «ходов» женщинами.

По доле юмора в речи мужской стиль может быть охарактеризован как *ироничный,* женский – как *нейтральный*.

По критерию динамики темпа, звучания и способности менять коммуникативные роли женская речь оценивается как более *мобильная,* чем мужская.

По объему общения и структуре высказывания мужской стиль характеризуется как *лаконичный*, емкий, мужчины ориентированы на

регламентацию общения; женщины редко регламентируют общение по собственной инициативе, в их речи меньше тематических табу - их стиль может быть определяем как *многословный.*

Таким образом, параметрическая модель описания специфики гендерного коммуникативного поведения подтверждает факт существенных гендерных различий в современных коммуникативных процессах.

Исследование проведено на русском языковом материале. Интерес представляет проверка данного описания на материале других национальных коммуникативных культур. Вопрос степени универсальности коммуникативного поведения мужчин и женщин не может быть решен априори и требует практического исследования на конкретном языковом и коммуникативном материале разных языков и культур.

И.А.Стернин

О некоторых особенностях польского академического общения[2]

Академическая обстановка в вузах Польши достаточно демократична.

Молодые преподаватели – до 28 лет – часто ходят в джинсах, свитерах, майках, им прощается. Преподаватели более старшего возраста одеваются академически.

Преподаватель сам представляется студентам, подробной информации о нем студентам не предоставляется.

Некоторые преподаватели ничего не пытаются «доказывать» студентам - они уже преподаватели, их статус определен и высок; другие пытаются сблизиться со студентами.

На лекциях не принято задавать преподавателям вопросы. Если студентам что-то непонятно – выясняют друг у друга или в книгах Преподаватель обычно не спрашивает, есть ли у слушателей вопросы – заканчивает лекцию и уходит. Можно спросить дополнительную литературу, пока он собирает свои вещи. Просить что-либо объяснить не принято – преподавателю будет обидно, что его не поняли.

Преподаватель иногда призывает студентов к вопросам, но студенты обычно молчат. Типичные вопросы: *Вы все поняли? Вы хотите что-нибудь добавить?*

Если на «Вы все поняли?» все молчат, это значит – не поняли, надо повторить.

Письменные вопросы не приняты, преподаватели их и не предлагают.

---

[2] Автор благодарит А.Шипелевич, аспирантку Варшавского университета, за консультации при подготовке материала.

Преподаватель на занятии, как правило, сидит, а не ходит. (В практике консультанта только двое преподавателей ходили по аудитории, остальные входят, садятся и сидят все занятие). Студенты в панике, если преподаватель встанет. Кафедра – это низкий или высокий стол, за ним сидят.

Если плохо слушают, преподаватель говорит: «Неинтересно - можете выйти» или «Вы мешаете мне вести занятие». Преподаватели прямо требуют тишины.

Допустимое академическое опоздание – 15 минут. Кто опоздал, может извиниться и зайти, ничего объяснять не надо.

Если преподавателя нет 15 минут – студенты идут в деканат узнать причину. Принято, что преподаватель звонит студентам и предупреждает, если занятие не состоится. Если студенты словесно хвалят своего преподавателя, это рассматривается как подлизывание. Можно оценить преподавателя после завершения им курса.

На занятиях не принято сидеть в одежде (если не холодно), можно пить, но есть не принято, нельзя издавать дополнительные звуки. Можно переговариваться, передавать друг другу записки.

Студенты в аудитории сидят группами, по дружеским отношениям.

За первые столы почти не садятся – это если только студент очень хорошо подготовился и хочет это продемонстрировать, а сзади скрываются плохо подготовленные. Сидеть надо не развалившись. На задних рядах можно слушать музыку в наушниках, на ноутбуках на занятиях не работают.

Преподаватели просят отключить сотовые телефоны. На занятиях не разговаривают по телефону, преподаватели нервно реагируют. Иногда говорят: «Ну послушайте. что вам сообщили». Часто звонит телефон у преподавателя, некоторые выходят в коридор поговорить.

За невыполнение заданий преподаватель осуждает студента, может не принять работу после указанного срока.

Преподаватель может попросить пересесть, особенно на коллоквиуме. По аудитории преподаватели движутся мало.

На лекции преподаватели обычно импровизируют, некоторые диктуют – это допустимо и зависит от конкретного преподавателя. Верхом на стуле, сесть на стол – такого консультант не видела ни у одного преподавателя. Но преподаватель может прийти в аудиторию с кофе и бутербродом.

Оценки выставляются анонимно, по номерам зачеток, оценки вывешиваются у входа в университет или около деканата.

Во время теста преподаватель не уходит, так как студенты сильно шпаргалят. «Щёмга» - шпаргалка, от «списывать, скачивать». Студенты делятся друг с другом шпаргалками, могут подсказывать друг другу ответы. Преподаватели часто зовут на экзамен аспирантов для более эффективного контроля.

Обращение к преподавателю – пан доктор, пани магистр. Преподаватель к студентам на «вы» - пани Моника.

Студенты не встают при появлении преподавателя. Преподаватель здоровается, некоторые студенты отвечают, некоторые – нет.

Иногда молодые преподаватели предлагают студентам общение на «ты». Студенты принимают предложение, если предмет простой или не очень важный, если трудный – остаются на «вы».

На «ты» часто с преподавателем на факультативах.

После завершения занятия преподаватели прощаются со студентами, студенты не отвечают.

Отношения и стиль общения преподавателей и студентов зависят от отделения. На факультете русистики все студенты как школьники, на журналистике – никто ничего студентам не указывает, не напоминает (это минус – многие студенты из-за этого плохо учатся, им недостает контроля).

Преподаватель может смотреть в письменную работу студента при ее выполнении, может что-то подсказать.

Замечания о правильности, культурности речи студентов преподаватели не делают.

Студенты любят, когда преподаватели шутят, но шутки не обязательны.

Преподавателя, особенно профессора, не перебивают. Преподаватели не говорят о себе на лекциях.

Преподаватели приветливы друг с другом, но за руку не здороваются.

Преподаватель может взять электронный адрес студента и прислать ему задание.

Преподавателей между собой не обсуждают, а хвалить можно.

В аудитории в первых рядах принято смотреть на преподавателя, а в задних рядах делают, что хотят.

Не принято трогать студента, хлопать его по плечу.

Преобладает письменный контроль. Домашние задания готовят письменно, преподаватель собирает и оценивает дома.

Экзамены и зачеты: студенты приходят к определенному времени, сами делают список, кто когда приходит. Если студент не пришел вовремя, ставят двойку. Иногда можно прийти в другой день, если экзамен несколько дней.

При обсуждении знаний студентов преподаватель обсуждает их лично с каждым студентом. Слабого может предупредить – вы не сдадите. В ходе экзамена преподаватель не выходит в коридор, чтобы отчитать слабого студента – говорит об этом во время консультации.

Студенты общаются между собой внутри учебных групп, группы почти постоянные, группой собираются, ходят развлекаться.

Когда я после курса лекций попросил студентов сказать, чем моя манера преподавания отличается от манеры польских преподавателей, которые были у них до меня, они сказали: интересно, с юмором, не сидел за столом во время лекции.

Елена Линдстрем

Аффективные и фатические вопросы в русском языке

В настоящей работе даётся семантико-прагматический анализ русских вопросительных по форме высказываний[3] с неинтеррогативным значением, служащих для выражения различных эмоций и установления или поддержания коммуникативного контакта.

1. Аффективные вопросы

Р. Якобсон (1975) в качестве одной из функций языка выделил эмотивную функцию, т.е. выражение отношения автора речи к её содержанию[4].

В *Русской грамматике* под редакцией Н.Ю.Шведовой (1980:396) среди вторичных функций вопросительных предложений выделяется "выражение эмоциональной реакции говорящего: эмоциональной констатации факта, оценки, отношения, аффективного состояния: *Да вы что, смеётесь надо мной?, Как вам не совестно?, Как вы можете так говорить?, Ты что, учить меня вздумал?*".

Н.С.Валгина (1991:76-77) отмечает, что "вопрос в вопросительном предложении может сопровождаться добавочными оттенками модального характера – неуверенности, сомнения, недоверия, удивления" и что "дополнительные оттенки могут быть эмоционального плана".

В энциклопедии *Русский язык* (1997:76) в качестве одной из функций, которые могут выполнять вопросительные предложения, выделяется "эмоциональный отклик на ситуацию".

Ф.Брюно (F.Brunot 1926) выделяет так называемые "мнимые (или кажущиеся) вопросы"[5] (ср. *Ты с ума сошёл?, Ты что с луны свалился?* и

---

[3] Вопросительными по форме высказываниями мы называем высказывания, располагающие специальными языковыми средствами выражения категории вопросительности: интонацией (выраженной на письме вопросительным знаком), вопросительными частицами, вопросительными местоименными словами, особым порядком слов (См. Е.Н.Линдстрем 2003).

[4] "Английский критик А.А.Ричардс в 1924 г. предложил различать 2 типа употребления языка: научное и эмотивное. Для первого существенна истинностная оценка высказываний о действительности; для второго – эмоциональное воздействие высказывания безотносительно к его истинности и даже самой её возможности". (Энциклопедия *Русский язык*, 1997:611).

[5] фр. "questions apparentes". Перевод автора.

т.п., т.е.: *Ты ведёшь себя, как будто ты с ума сошёл, как будто ты с луны свалился* и т.п.).

Ш.Балли (Ch.Bally 1951) считает, что термин “риторический вопрос” не имеет смысла, и предлагает называть риторические вопросы “аффективными знаками”[6].

В учебнике *Современный русский литературный язык* под редакцией П.А.Леканта (1996:303) даётся следующее определение риторических вопросов: “Вопросительно-риторические предложения не предполагают и не требуют ответа. В них выражаются различные чувства и переживания говорящего – раздумье, сомнение, грусть, сожаление, печаль, радость, гнев и т.п.”.

П.Рестан (1968), который также относит риторические вопросы к эмоциональному типу, выделяет в отдельный тип “эмоциональные вопросы нериторического плана”, называя их также “эмоционально-констатирующими” или “аффективными вопросами”, и даёт им следующее определение: “Это экспрессивные вопросы, выражающие ту или иную эмоцию, например, злость, нетерпение, угрозу и многие другие (исчерпывающее перечисление таких значений и их оттенков вряд ли осуществимо). Эти вопросы не являются риторическими, поскольку им не свойственно характерное для риторического вопроса противоречие между формой и содержанием в плане положительности/отрицательности” (1968:173).

Вслед за Н.Ю.Шведовой (1980) и П.Рестаном (1968) мы считаем целесообразным выделить в отдельный тип вопросы, служащие для выражения различных эмоций. Придерживаясь терминологии П.Рестана (1968), будем называть такие вопросы аффективными и дадим им следующее определение:

Аффективные вопросы – это экспрессивно окрашенные вопросительные по форме высказывания, основной прагматической функцией которых является выражение эмоций.

Аффективные вопросы выражают различные эмоции: возмущение, негодование, гнев, раздражение, нетерпение, удивление, восхищение, несогласие, неодобрение, протест, испуг, опасение, страх, ужас, иронию, насмешку, огорчение, досаду, беспокойство, отчаяние, недоверие, недоумение, пренебрежение, безразличие и т.д., например:

1. Он думал об одном и том же: **“И за каким чёртом бог создал понедельники?!”** (Г.Н.Троепольский, *Кандидат наук*, том 1, стр. 264) (негодование),

[6] “signes affectifs”. Перевод автора.

(1) **Опять?!** – начал управдом. – **Опять за старое?** Я иду с женой, а вы в одной рубашке щеголяете! (В.Е.Ардов, *Коварный лунатик,* стр. 73) (возмущение, гнев),

(2) – **Ты что это, прохвост этакий, ребёнку говоришь?** С этаких лет дитя в склоку вводить! Да ты своих заведи, над ними и измывайся! (В.Е.Ардов, *Хочется поговорить,* стр. 67) (возмущение, неодобрение),

(3) Все бросились кучей из-под вагона, так что проходивший мимо кондуктор отскочил с испугу, как ошпаренный, и крикнул: – **Куда вас чёрт вынес?!** (П.Романов, *Скверный товар*, стр. 474) (возмущение, испуг),

(4) … Лидочка насмерть была перепугана этим событием, плакала у себя в комнате и выходила только затем, чтобы у всех спрашивать: – **Да что же это такое? Как же это так?** Пошёл и убил? (А.С.Макаренко, *Педагогическая поэма*, стр. 19) (испуг, отчаяние),

(5) А чего делать целыми днями – и не знаю. И мысли всё такие: **а вдруг меня засудят?** … (В.Е.Ардов, *Шофёр рассказывает*, стр. 113) (страх),

(6) – **Что за странный человек Терентий Петрович?** – недоумевает Тося. (Г.Н.Троепольский, *Земля и люди*, том 3, стр. 397) (недоумение),

(7) – **Ты что, окаменел?** Пойдём – зовёт Петя. (Г.Н.Троепольский, *Земля и люди,* том 3, стр. 397) (нетерпение),

(8) Министр: Гораздо левее … Совсем в углу … Невыносимая боль!

Неужели вы не умеете вывернуть веко? (В.В.Набоков, *Изобретение Вальса,* стр. 170) (досада),

(9) Официантка авторитетно подтвердила:

– Булки сейчас привезли, они в подсобке. А подавать будем завтра утром.

– **Ждёте, когда они зачерствеют?** – не удержался я. (М.Г.Семёнов, *Весёлый поток,* стр. 48) (ирония),

(10) Во время танца кавалер нежно прижимает к себе партнёршу и шепчет:

– Ах, я чувствую себя, как в раю!

– **В самом деле?** А я – как в автобусе. (анекдот) (ирония, недоверие).

Как справедливо отметил П.Рестан (1968), вряд ли возможно перечислить все эмоциональные значения аффективных вопросов.

Н.Ю.Шведова (1960:364-366) разделяет субъективно-эмоциональные значения на 6 групп с 28 подгруппами. В качестве вопросительных по форме высказываний, выполняющих аффективную функцию[7], она выделяет эмоциональные реплики-повторы[8], вызванные предыдущим вопросом или предыдущим утверждением собеседника, отмечая следующее: “Наряду с функцией уяснения описываемые повторы могут иметь и другое, сопутствующее первому и часто становящееся основным значение. Это – выражение разнообразных реакций, того или иного почти всегда отрицательного – отношения к сказанному или к предмету разговора: удивления, недоумения, испуга, несогласия, возмущения, иронии, досады и т.п.” (1960:303). При этом она считает, что аффективная функция является наиболее типичной для повторения-вопроса в ответ на предыдущее утверждение собеседника: “Повторение-вопрос в ответ на утверждение в качестве своего основного значения имеет значение недоумения, удивления, часто с оттенком несогласия, неодобрения, иронии, протеста, возмущения, огорчения, размышления, раздумья и т.п.” (1960:306).

Приведём примеры аффективных повторений-вопросов, вызванных предыдущим утверждением или предыдущим вопросом говорящего:

(11) – Уже во время первого налёта я почувствовала, что вы меня любите!

– **Я? Вас?**

– Ну, да, глупенький.

– **Я? Вас?** Н-нет. (И.Ильф, Е.Петров, *Высокое чувство*, стр. 276) (удивление, недоумение, несогласие, протест),

(12) – И что же с Масловским?

– Дают кафедру здесь.

---

[7] Термин автора. См. E.Lindström (1998, 2001a, 2001b), Е.Линдстрем (2000a, 2000b).

[6] Ср. Е.А.Брызгунова 1963:275.

– **Здесь?!** – ужаснулся Карп Степаныч.

– Здесь, - подтвердил Ефим Тарасович. (Г.Н.Троепольский, *Кандидат наук*, том 1, стр. 281) (ужас, беспокойство),

(13) (Диалог в часовой мастерской)

– А вы сразу их на сутки назад поставьте, вот вам на целых два месяца хватит. Оставьте на две недели.

– Послушайте, ведь я уж на две недели их оставляла.

– **Ах, на две уже оставляли?** … – Тогда – на три, - сказал заведующий. (П.Романов, *Лёгкая служба*, стр. 488) (насмешка),

(14) Гриб: Я не волшебник. Работа займёт полгода, минимум.

Вальс: **Полгода?** В таком случае убирайтесь, - вы мне не нужны! Полгода! Да я вас за такое нахальство … (В.В.Набоков, *Изобретение Вальса*, стр. 219) (гнев),

(15) Бартоло: В конце концов, что Вам угодно? Что Вам нужно?

Граф (делает вид, что очень рассердился) Вот тебе раз! **Что мне угодно!** (П.А.Бомарше, *Севильский цирюльник*, стр. 74) (возмущение),

(16) Барабанчикова: Это оттого произошло, что генерал Крапчиков задница, а не генерал. …

Голубков: (машинально.) Ну?

Барабанчикова: **Ну что – ну?** Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть. (М.А.Булгаков, *Бег*, стр. 130) (досада),

(17) Княгиня (*с упрёком*)

Кокетник!.. Ну, а что мои блонды?

Князь (*с замешательством*)

Блонды? да! я … я …

(*В сторону*)

Что ей сказать? Ведь деньги я проиграл в клубе!

(Козьма Прутков, *Блонды. Драматическая пословица в одном действии,* стр. 235),

(18) Барон: Ты, старик, кто такой?.. Откуда ты явился?
Лука: **Я-то?** (М. Горький, *На дне,* стр. 98) (удивление),

(19) Городничий: Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?
Почмейстер: **Да что я?** Как вы, Антон Антонович?
Городничий: **Да что я?** Страху-то нет, а так, немножко …
(Н.В.Гоголь, *Ревизор*, стр. 168) (страх).

Повторения-вопросы являются лишь одним из способов выражения аффективного значения вопросительными по форме высказываниями. Часто различные эмоции могут быть выражены с помощью аффективных вопросов в форме междометий, например: *Ну да?!, Да ну?!, Да ты что?!, Да что ты?!, Ну что вы?!, Ну и что?, Как так?!, Ой ли?!, Ещё чего?!*,

(20) – Чего вы там? … - послышалось с крыши.
– Чтой-то от вас огонь сыплется?
– **О?!** А мы думали там закрыто. Поверни ручку. (П.Романов, *Крепкий народ*, стр. 496) (удивление),

(21) – Вы мне по ошибке продали вчерашний билет, - говорю кассирше, – а мне нужен сегодняшний. Для родственника.
– Никакой ошибки нет, - отвечает она, - на билете проставлено сегодняшнее число.
– А рейс указан семнадцатый.
– **Ну и что?** Этот билет мне кто-то вчера по телефону заказал, а сам не пришёл. Я число исправила, а про рейс забыла. (М.Г.Семёнов, *Приходите вчера*, стр. 47) (безразличие с оттенком пренебрежения),

(22) Блэйк: Замечательно. Пирожки так и тают во рту. Да вы просто талант!
Нина Фёдоровна: **Ну что вы!** (А.Н.Щукин, *Русский язык в диалогах*, стр. 50) (смущение),

(23) Хлестаков: Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий: (в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение). В Саратовскую губернию! **А?** и не покраснеет! (Н.В.Гоголь, *Ревизор*, стр.185) (недоверие).

Аффективные вопросы часто являются семантическими эквивалентами ассертивным восклицательным высказываниям типа *Я удивлён!, Я восхищён!, Это невероятно!, Этого не может быть!, Я не верю!, Я в замешательстве!, Я не согласен!, Я протестую!, Это уже слишком!, Какая наглость!, Это невозможно!, Это же немыслимо!, Это просто смешно!, В это нельзя поверить!* и т.п.

2. Фатические вопросы

Р.Якобсон (R.Jakobson 1960) ввёл понятие фатической (контактоустанавливающей) функции языка[9].

П.Рестан (1968:138) в своей классификации вопросительных по форме высказываний выделяет "контактные вопросы", в которых употребляются глаголы со значением чувственного восприятия и мыслительной деятельности типа *видишь (ли), видите (ли); понимаешь (ли), понимаете (ли); поверишь (ли), поверите (ли):*

(24) – Катя, я не хочу, чтобы ты так говорила, мне это неприятно,
– **Понимаешь?** (А.Толстой, *Хождение по мукам*, кн.1, гл.2, т.3, стр.19).

Далее он отмечает следующее: "Подобные шаблоны, которые в современном русском языке употребляются в качестве сигнала, стимулирующего внимание слушателя, являются по существу, чисто-информативными. Или вернее: они когда-то были чисто информативными, но в течение столетий редуцировались (семантически и функционально), становясь неполноценными, избитыми, трафаретными" (1968:138-139). Согласно П.Рестану (1968:138), "вопросы типа *Знаешь что?* задаются не в целях получения ответа от адресата, а для живости речи, для того чтобы поддержать коммуникативный контакт с адресатом:

[9] См. также Б. Малиновский (B. Malinowski 1923), Р.Якобсон 1975.

(25) **Знаете что?** Пойдёмте ко мне обедать. (А.П.Чехов *О любви*, т.9, стр. 279)".

В.Г.Гак (1968) называет подобные высказывания "десемантизованными конструкциями", которые не несут в себе никакой информации и являются "дополнительными актантами", акцентирующими адресованность высказывания собеседнику.

В.М.Лейчик (1970:82) применяет термин "апеллятивы" ко всем элементам речи, выполняющим фатическую функцию.

В *Русской грамматике* под редакцией Н.Ю.Шведовой (1980:296) среди вопросительных по форме высказываний, выражающих косвенные речевые акты, выделяется "вопрос, имеющий целью активизировать внимание, заинтересовать, обратить внимание на форму выражения мысли: *И что ж бы вы думали?, Как бы это сказать проще?*".

К.Кербрат-Орекьони (K.Kerbrat-Oreccioni 1991:22) выделяет категорию "регулятивных" или "метакоммуникативных"[10] вопросов, "которые не заключают в себе запроса информации, а лишь способствуют продолжению интеракции (*А потом?, Затем?, Ну?, Да?, Ну и?*) или, наоборот, призывают говорящего повторить или переформулировать высказывание в том случае, если адресат не расслышал сказанное (плохо идентифицировал означающее) или недопонял сказанное (плохо идентифицировал означаемое)"[11].

Л.Г.Волкова (1998:55) называет вопросительно-фатические высказывания "пустыми вопросами" и подчёркивает, что "подобные высказывания служат не для запроса информации, а для других целей: для привлечения внимания собеседника или для побуждения его вступить в разговор (и удостоверить правильность наблюдения говорящего)". Она приводит следующие примеры:

(26) Муж заходит на кухню и спрашивает жену, которая жарит мясо:

– Ужин готовишь?,

(27) Два преподавателя встречаются по дороге в институт, один из них спрашивает: **"На занятия?".**

[10] Перевод автора - фр. "régulatrices" и "métacommunicatives".
[11] Перевод автора.

Мы предлагаем называть вопросительные по форме высказывания данного типа фатическими вопросами[12]. Фатические вопросы, так же как риторические вопросы и аффективные вопросы, не требуют ответа, а призывают адресата только к ментальной реакции. Однако они не реализуют ассертивной функции и таким образом отличаются от риторических вопросов. В отличие от аффективных вопросов доминирующей прагматической функцией фатических вопросов является фатическая функция, а не аффективная функция.

Дадим определение фатического вопроса: **вопросительное по форме высказывание, основной прагматической функцией которого является установление коммуникации, поддержание коммуникации или привлечение внимания к форме выражения мысли.**

Выделим несколько типов фатических вопросов:

1) ***Фатические вопросы, служащие для установления коммуникации***, например:

(28) Ревшин: … **Рисуете?**
Трощейкин: Нет. На арфе играю. Да садитесь куда-нибудь.
(В.В.Набоков, *Событие*, стр. 111),

(29) Дочь мне очень обрадовалась … В ней высказывался характер, но я-то видел сквозь этот врождённый, но ещё не затвердевший характер, каких усилий стоит ей сдерживаться и не кинуться мне на шею.
– **Приехал?** – по-взрослому спросила она и, часто взглядывая на
меня, стала торопливо одеваться. (В.Г.Распутин, *Что передать вороне?,* стр. 461),

(30) Он смотрел долго, с усилием морща лицо и переживая, чтобы кусочки грибов на прогнувшейся длинной нитке не задевали о пол, затем спросил:
– Сушишь?

[12] Термин автора. См. E.Lindström (1998, 2001a, 2001b), Е.Линдстрем (2000a, 2000b).

– Сушу.

– Молодец. (В.Г.Распутин, *Век живи – век люби*, стр. 431),

(31) – **Кого я вижу?** – преувеличенно громко заговорил Каблуков, подходя к Гостюхину – **Сколько лет, сколько зим?** … (В.Е.Ардов, *Хочется поговорить*, стр. 65).

2) ***Фатические вопросы, служащие для поддержания коммуникации.***

В вопросах этого типа, как правило, употребляются следующие лексические средства:

А) Глаголы со значением чувственного восприятия, например:

(32) – … Меня призна́ют – **слышите ли?** Должны признать – заключила торжественно княжна … (Г.П.Данилевский, *Княжна Тараканова*, стр. 497),

(33) – Сдаётесь ли? – кричал Швабрин.

– **Видите?** через пять минут вас изжарят.

– Не сдадимся, злодей! – отвечал ему батюшка твёрдым голосом.(А.С.Пушкин, *Капитанская дочка*, том 3, стр. 324),

(34) Отец был в штатском. Он был весел, оживлён. Расспрашивал меня

о моих училищных делах, поминутно смеялся и говорил мне:

– Ничего … ничего … плюнь на всё. Время-то, брат, какое

подходит, **чувствуешь?** (А.П.Гайдар, *Школа*, стр. 45).

Б) Глаголы со значением мыслительной деятельности, например:

(35) – А мне ждать недосуг, - сказала она. – **Помните?** “Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у неё – наша задача!”

(М.Г.Семёнов, *Четыре страницы о любви*, стр. 39),

(36) Разбил я там короткий севооборот с одним полем клевера: так что через каждые пять лет клевер приходил бы в поле: **Что же вы думаете?** Пошёл урожай! (Г.Н.Троепольский, *В камышах*, том 3, стр.44).

В) Междометия, например:

(37) … Ну, куда мы идём, а? Слышал ты про азовски лиманы, про донски гирла и камыши? **Ну?** Глуп ты есть человече, и только! (Г.П.Данилевский, *Беглые в Новороссии*, стр. 8),

(38) Трощейкин: Хорош гусь! **А?** Что такое, господа? Где мы? На Корсике? Поощрение вендетты? (В.В.Набоков, *Событие*, стр.113),

(39) Чекмарь: А по поводу осушения Красавки вы не могли бы – положительное … странички на две? … (пишет пальцем) Противник мероприятий и тому подобное, речка стала лучше и … всё такое. **А?**

Свищ: Могу. Об чём речь! … (Г.Н.Троепольский, *Постояльцы*, том 3, стр. 327),

(40) **Ну, что?!** Все навели на резкость? Пора покупать! (реклама фотоаппаратов из Канады).

3) ***Фатические вопросы, служащие для привлечения внимания к форме выражения мысли***, например:

(41) Крутицкий: Я согласен; но всё-таки, как хотите, в настоящее время писать стилем Ломоносова или Сумарокова, ведь, пожалуй, засмеют. Так вот, может ли он дать моему труду, **как это говорится?** Да, литературную отделку. (А.Н.Островский, *На всякого мудреца довольно простоты*, стр. 229),

(42) – И управляетесь вы на такой территории с вашей техникой?

– **Как вам сказать?** Не хватает, конечно. Особенно роторных машин. (М.Г.Семёнов, *Письмо позвало в дорогу* … , стр. 33),

(43) – Я хотел бы сказать, – сказал Иа, что это действует на нервы. Я вообще не собирался идти в эту ископе … или **как там Пух выразился?** Я пришёл только из чувства долга. Тем не менее я здесь, и если я должен идти в конце ископе – вы понимаете о чём я говорю, – то пусть я буду в конце. (Т.А.Ладыженская, Р.И.Никольская, Г.И.Сорокина, Н.В.Ладыженская, *Детская риторика в рассказах и картинках*, стр. 28).

Литература

1. Валгина Н.С. *Синтаксис современного русского языка*. Москва, 1991.
2. Волкова Л.Г. *Фатическая функция и синтаксические средства её выражения.* Дисс. канд. филол. наук. Томск, 1998.
3. Выготский Л.С. *Мышление и речь*, Москва, 1934.
4. Гак В.Г. *Проблемы лексико-грамматической организации предложения.* Автореферат дисс. доктор. филол. наук. Москва, 1968.
5. Лейчик В.М. Особенности устной формы речи (на материале французского языка). *НДВШ. Филологические науки*. 1970. № 3.
6. Линдстрем Е.Н. Вопросительные конструкции русского языка как средство выражения косвенных речевых актов и важность овладения ими для формирования коммуникативной компетенции шведских студентов, изучающих русский язык на начальном и продвинутом этапах. *Виноградовские чтения-2000. Прагматические аспекты грамматической и лексической семантики.* Москва: ГИРЯ имени А.С. Пушкина, 2000a. С. 47.
7. Линдстрем Е.Н. Сопоставление прагматических функций вопросительных конструкций русского, французского, английского и шведского языков в процессе обучения русскому языку. In Б. Станковић (eds.), *Proceedings of the 5th international symposium "Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков"*. Београд: Славистичко друштво Србије и Филолошки факултет универзитета у Београду, 2000b. С.327-332.
8. Линдстрем Е.Н. *Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели.* Дисс. канд. филол. наук. Москва, 2003.
9. Рестан П. *Синтаксис вопросительного предложения.* Осло: Universitetsforlaget, 1968.
10. Русская грамматика: В 2-х томах. Москва: Наука, 1980.
11. Современный русский литературный язык. Под редакцией П.А. Леканта. Москва: Высшая школа, 1996.

12. Шведова Н.Ю. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. Москва: АН СССР, 1960.
13. Энциклопедия *Русский язык*. Москва, 1997.
14. Якобсон Р. (1975) Лингвистика и поэтика. *Структурализм "за" и "против"*. Москва, 1975.
15. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Paris: Klincksieck, 1951.
16. Brunot F. *La pensée et la langue*. Paris: Masson, 1926.
17. Jakobson R. Closing statement. *Linguistics and poetics.* New York, 1960. P. 350-377.
18. Kerbrat-Orecchioni C. *La question.* Lyon: Presses Universitaires de Lyon, 1991.
19. Lindström E. Fonctions pragmatiques non interrogatives des questions en français. In O. Merisalo & T. Natri (eds.), *Actes du XIII*^{e} *congrès des romanistes scandinaves 1996*. 1998. P. 371-381.
20. Lindström E. Valeurs illocutoires dérivées d'énoncés de forme interrogative en français, en anglais, en suédois et en russe. *Pragmatics in 2000: Selected papers from the 7*th *International Pragmatics Conference, Vol. 2*, ed. by Enikö Németh T., Antwerp: International Pragmatics Association, 2001a. P.366-385.
21. Lindström E. The acquisition of the interrogatives expressing indirect illocutionary meaning by Swedish students learning French or Russian as a third language. *Second International Conference on Third Language Acquisition and Trilingualism.* Leeuwarden, 2001b. http://www.welcome.to/l3org.
22. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages, In C.K. Ogden & I.A. Richards (eds.). *The meaning of meaning*. London, 1923.

Использованные тексты

Ардов В. В сб. *Советский юмористический рассказ 20 - 30-х годов*, сост. Е. Глущенко. Москва: Правда, 1987.

Бомарше П.А. *Севильский цирюльник. Женитьба Фигаро.* Санкт-Петербург: Азбука, 1997.

Булгаков М.А. *Пьесы.* Москва: Советский писатель, 1987.

Гайдар А.П. *Школа.* Минск: Народная асвета, 1976.

Гоголь Н.В. *Повести. Драматические произведения.* Ленинград: Художественная литература, 1983.

Горький М. *Собрание сочинений в восьми томах: том 8. Пьесы.* Москва: Советская Россия, 1990.

Данилевский Г.П., *Беглые в Новороссии; Воля; Княжна Тараканова.* Москва: Правда, 1983.

Ильф И., Петров Е. В сб. *Советский юмористический рассказ 20 – 30-х годов,* сост. Е. Глущенко. Москва: Правда, 1987.

Ладыженская Т.А., Никольская Р.И., Сорокина Г.И., Ладыженская Н.В. *Детская риторика в рассказах и рисунках, 2 класс.* Москва: С – инфо. Баллас, 1997.

Макаренко А.С. *Педагогическая поэма*. Москва: Правда, 1988.

Набоков В.В. *Пьесы.* Москва: Искусство, 1990.

Островский А.Н. *Пьесы.* Москва: Московский рабочий, 1974.

Пушкин А.С. *Сочинения в трёх томах*. Москва: Художественная литература, 1986.

Прутков Козьма *Полное собрание сочинений*. Москва, Ленинград: Советский писатель, 1965.

Распутин В.Г. *Уроки французского: Повести и рассказы.* Москва: Художественная литература, 1987.

Романов П. В сб. *Советский юмористический рассказ 20 – 30-х годов,* сост. Е. Глущенко. Москва: Правда, 1987.

Семёнов М.Г. *Весёлый поток. Москва*: Московский рабочий, 1972.

Троепольский Г.Н. *Собрание сочинений в четырёх томах.* Москва: Современник, 1987-1988.

Чехов А.П. *Повести*. Москва: Художественная литература, 1968.

Щукин А.Н. *Русский язык в диалогах*. Москва: Русский язык, 1983.

А.Ю. Маслова

Конвенциональные косвенные директивы в форме вопроса

(на материале русского и сербского языков)

На рубеже XX-XI вв. все более прочными становятся позиции прагмалингвистики, заявившей себя как область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания [См.: Сусов 2006]. Круг прагмалингвистических проблем определен достаточно четко, в связи с чем несомненный теоретический и практический интерес представляют исследования в этой области в сопоставительном аспекте. Сопоставительный аспект выводит на

проблемы социолингвистики, этнолингвистики, вскрывает национальное своеобразие речевых действий в разных языках.

Поскольку грамматические системы близкородственных языков (каковыми являются русский и сербский) отличаются не столько инвентарем грамматических средств, сколько их неодинаковой функционально-стилистической значимостью, различной функциональной нагрузкой, различным удельным весом в системе языка, то при сопоставительном изучении актуально и необходимо уделять внимание особенностям функционирования языковых фактов, что обеспечивается функциональным и коммуникативно-прагматическим подходами.

В соответствии с программой прагматических исследований, разработанной Б.Ханссоном, который выделял три уровня прагматики: индексальные выражения, косвенные речевые акты (КРА) и речевые акты (РА) [См.: Hansson 1974; Гак 1992], представляется интересным рассмотреть в сопоставительном аспекте непрямые высказывания, иллюстрирующие расхождения собственного значения высказывания с прагматическим. Так как побудительные КРА - наиболее яркая и наглядная иллюстрация механизма скрытого воздействия на коммуниканта с целью достижения акционального, ментального или эмоционального перлокутивного эффекта, проанализируем специфику конвенциональных побудительных КРА в соответствии с их иллокутивной целью.

Рассмотрение конвенциональных речевых актов требует разъяснений терминологического характера, поскольку в исследованиях прагмалингвистической направленности нередко отсутствует четкое разграничение явлений, подразумеваемых под понятием *конвенция*. В поле зрения исследователя могут находиться языковые конвенции, конвенции языкового употребления, межличностные конвенции (договоренность), социокультурные конвенции.

Возможность социального подхода к анализу речевого общения обусловливает противопоставление коммуникативных и конвенциональных речевых актов (РА). В этом случае под конвенциональными РА понимаются разнообразные ритуализованные речевые действия, обусловленные социально и привносящие изменения в институциональное положение дел (вердиктивы, декларативы, эффективы). Здесь имеют место социокультурные конвенции, понимаемые как прагматически значимые нормы кооперативного коммуникативного поведения / взаимодействия [Колтунова 2004]. Это могут быть разного рода официальные приказы, указы, запреты (в деловом общении), ритуализованные клятвы (например, врачебная клятва, присяга).

В настоящей статье предметом исследования являются РА, конвенциональные в отношении языкового употребления. Они не идиоматичны в грамматическом смысле, но узуальны, обычны для употребления в повседневной речи, «всегда характеризующейся определенной долей ритуализации» [Макаров 2003: 166]. В связи с этим они представляют особый интерес для сопоставительного исследования.

Каноническим примером конвенциональных косвенных директивов является вопрос в значении побуждения. Употребление вопроса с отрицанием в качестве просьбы в русском языке, по мнению Т. Булыгиной, имеет отношение к лингвоспецифическим конвенциям [Булыгина 1997: 288]. Носителю русского языка вполне привычны формулы вежливой просьбы: *У вас нет… ? Не могли бы вы…? Вы не скажете…? Не будете ли вы так любезны…?* Использование отрицания отчасти объясняется правилами вежливости, отчасти – спецификой просьбы, когда говорящий стремится посредством отрицания обозначить свою зависимость от адресата. Подобные конструкции не характерны для регулярного использования в сербском языке, хотя возможны. При этом отрицание играет иную роль, в отличие от русского языка. Ели в русском языке вопросительно-отрицательная конструкция является выражением подчеркнуто вежливой просьбы, то в сербском языке отрицание в подобных конструкциях может подчеркивать дистанцию между коммуникантами или официальный характер их общения: *Не бисте ли затворили врата?* (наряду с более нейтральным вопросом *Да ли бисте затворили врата?*) [См.: Батистић 1986] При наличии в вопросительно-отрицательной конструкции модальных глаголов отрицание, усиливая иллокутивное напряжение, придает высказыванию фамильярный характер: (*Не) бисте ли могли да померите часове? Не би ли то хтела да поновиш*? [См.: Пипер 2005] Если речь идет о просьбе, удовлетворение которой не отвечает интересам адресата, отрицание вносит дополнительный оттенок укора или упрека: *Не би ли могло мало тише?*[*]

Определенным своеобразием в вопросительных конструкциях со значением побуждения характеризуется употребление модальных глаголов *мочь/моћи, хотеть/хтети.* В русском языке в вопросах с отрицанием глагол *мочь* во 2-м лице настоящего времени или в форме сослагательного наклонения маркирует конвенциональный РА просьбы: *Вы* ***не могли бы*** *вызвать к телефону Полину Александровну? (Рыбаков.) А ты* ***не можешь*** *ко мне заглянуть? (Каверин.)* В сербском языке в подобной ситуации также функционируют вопросы с глаголом *моћи*. Однако в соответствии с русскими отрицательными конструкциями предпочтение отдается конструкциям без отрицания: ***Не могли бы*** *вы мне помочь? /* ***Можете ли*** *ми помоћи? /* ***Да ли бисте могли*** *да ми помогнете?* В 1-м лице глагол *мочь* с отрицанием в русском языке обозначает предложение: *Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?* В сербском языке в подобной функции такая же конструкция используется без отрицания: *Могу ли да вам помогнем?* (что возможно и в русском языке).

Вопрос с глаголом *мочь* без отрицания в русском языке в большей степени ориентирует на запрос информации о возможности совершить действие, нежели на просьбу. Маркеры *Могу я? Можно?* ставят акцент на

[*] Примеры без указания автора взяты из «Русско-сербского разговорника» [Русско-сербский разговорник. – М., 1999.] или из разговорной речи.

испрашивании разрешения: – *Можно водички? Во рту что-то пересохло. (Катериничев.) – Могу я поговорить с Марком Захаровичем? (Катериничев.)* В сербском языке в соответствии с русскими отрицательными или безличными вопросительными конструкциями функционирует положительная форма глагола, что снимает возможность более тонкой дифференциации речевой ситуации. Сравним: ***Могу ли*** *вам помоћи? /* ***Не могу ли*** *я вам помочь?* и ***Могу ли*** *ово пробати? /* ***Можно (могу ли я)*** *это примерить?* Только присутствие лексемы, эксплицирующей намерение говорящего, с большей степенью точности позволяет определить ситуацию: *Могу ли да Вас* ***замолим*** *за једну услугу? / Можно Вас* ***попросить*** *об одной услуге?; Могу ли Вас* ***позвати*** *на ручак? / Можно* ***пригласить*** *Вас на обед?; Могу ли се ја* ***понудити*** *за сведока? – наклони се церемонијално кнез Божидаровић (Капор). / Могу ли я* ***предложить*** *себя в качестве свидетеля? – церемонно склонился князь Божидарович.* В подобных случаях в обоих языках модальный глагол в сочетании с перформативными инфинитивами представляют собой эквиваленты перформативных высказываний.

Следует отметить, что в сербском языке и при испрашивании разрешения, и при конвенциональных просьбе, предложении, как правило, избегается использование безличных конструкций. Русским безличным конструкциям с категорией состояния *можно* соответствуют сербские конструкции с личными формами модальных глаголов: ***Можно*** *это примерить? /* ***Могу*** *ли ово пробати?;* ***Можно*** *ли здесь фотографироваться? /* ***Смеем*** *ли ту да фотографишем?;* ***Можно*** *посмотреть? /* ***Можемо*** *ли погледати?*

Рассмотренный тип вопроса представляет собой компрессированную цепочку РА, выражающих просьбу, причем конвенциального характера: *Можно поговорить? <Если можно, то пригласите>*. В случае кооперативного общения адресат, как правило, реагирует на это компрессированное звено и выполняет действие: – *Можно водички? Во рту что-то пересохло.–* ***Может, лучше коньяку?*** *(Катериничев.) – Можеш ли нам помоћи, куме, да направимо једну свадбу?-* ***Направићемо свадбу*** *каква одавно није виђена! (Ковачевић.)* В случае конфликтного общения адресат реагирует на вопрос именно как на испрашивание разрешения. – *Можно мне узнать, что случилось (=объясните, расскажите)? – Нельзя, освободите помещение. – Молим вас, смеем ли за тренутак да вас прекинем <…> – Само да завршим (Ковачевић).*

К подобным компрессивным цепочкам РА конвенциального характера в русском языке можно отнести и этикетное использование императивов *Извините? Простите?* в форме вопроса. Именно вопрос является сигналом непонимания адресатом сообщаемой информации и одновременно косвенной просьбой пояснить посылаемое высказывание. Приблизительно это может означать следующее: «Простите, но я вас не понимаю. Не могли бы вы пояснить, что имеете в виду?» – *О чем вы собираетесь разговаривать с сэром Джоном? – О птичках. –* ***Простите?***

– Русская идиома. Я не знаю, о чем мы будем разговаривать с сэром Джоном (Катериничев). В сербском языке в аналогичной ситуации используется глагол *молити* в форме 1 л. наст. вр. (*Молим?*), а также в ситуации переспроса, уточнения услышанного. Вопрос представляет собой компрессию высказывания *Молим да поновите*. Интересно, что в сербском языке за счет экспликации перформативного глагола лексически подчеркивается не столько этикетный характер ситуации, сколько собственно компрессированное звено, на которое нужно реагировать, – просьба.

Носители русского языка легко опознают косвенное предложение, выраженное вопросительными конструкциями с модальным глаголом ***хотеть***: *– **Хотите**, я подарю вам эту пластинку? – О нет! – с удивлением воскликнул Коншин.<…> Не только это неожиданное **предложение** – многое в этот вечер показалось Петру Андреевичу странным (Каверин). – **Хочешь**, я сварю кофе? (Рыбаков.)* В сербском языке также функционируют подобные конструкции при выражении предложения: *Кнез тада <…> **понуди** Пашу: – **Хоћемо** ли да бачимо једну? (Капор.*)

При эллипсисе рассматриваемых конструкций в обоих языках возможна экспликация предлагаемого объекта, что также является конвенциональным предложением. Сравним: *– Хочешь, я сварю тебе кофе? – Хочешь кофе? – **Кофе? –** Приготовьте шерри и двойной бурбон**. Кофе?** – спросил он Олега. – Пожалуй (Катериничев). – Очигледно је да мој господин ових дана претерује у галантности <…> – **Цигарету?** (Капор.)*

Отметим, что в подобных ситуациях в русском языке довольно регулярно используются деминутивы, которые являются коммуникативно мотивированными: *– Теперь – **медку**? Под чаек? (Катериничев.) – Или – бог с ними, с формальностями? **Стаканчик** бренди для храбрости? И – излагайте свое дело! (Катериничев.)* В силу богатого семантико-прагматического потенциала деминутивы легко приспосабливаются говорящим для реализации своих намерений, связанных с выражением эмотивного состояния. В данном случае говорящий заинтересован в доброжелательности и максимальной открытости адресата. Следовательно, передавая ему посредством деминутива информацию о своем доброжелательном отношении, говорящий пытается воздействовать на эмоциональное состояние адресата. КРА оказывается прагматически многослойным, в условиях которого на имплицитно выраженную интенцию директива накладывается когнитивная интенция эмоционально-оценочного дискурса. В сербском языке в качестве регулярного соответствия подобная возможность не наблюдается.

В русском языке в вопросительных конструкциях, функционирующих как предложение, модальный глагол *хотеть* замещает побудительную частицу *давай(те)* (Сравним: *Давайте, я подарю… Давай, я сварю…*) и подчеркивает признание ролевого приоритета адресата в ситуации общения; говорящий сигнализирует, что выступает инициатором действия

в интересах адресата и при этом оставляет право выбора или явную возможность отказа за последним.

В сербском языке ситуация имеет свою специфику вследствие того, что глагол *хтети* является не только модальным, но и вспомогательным глаголом при образовании форм будущего первого времени. Исходя из анализа фактического материала, можно заключить, что в обеих своих функциях глагол *хтети* может участвовать в оформлении косвенных директивных речевых актов. Однако при сопоставлении с русским языком наблюдаются некоторые прагматические нюансы. – *Морам вас нечим почастити. Хоћете ли један коњак? (Капор.) / Я должен вас чем-нибудь угостить. Хотите коньяку?* Возможность почти эквивалентного перевода подчеркивает модальное значение глагола *хтети*, указывающего на условия успешности речевого акта, что зависит о желания адресата. Сравним: – *Хоћеш да ручаш? – Шта питаш? Можда нисам заслужио? (Ковачевић.)* Из реакции адресата следует, что более адекватным был бы перевод: – ***Будешь обедать?*** *– Что спрашиваешь? Или, может быть, я не заслужил?* В данном случае глагол *хтети* является в первую очередь показателем будущего времени.

В русском языке вопросительные конструкции с личными формами глагола *быть* в будущем времени часто функционируют в качестве косвенного предложения. Это вопрос о согласии, желании адресата, как правило, что-нибудь есть, пить [Ожегов 2001: 66] или, реже, совершить другое действие: – *Проводила, – Маруся зажгла свет, –* ***чай пить будете?*** *(Рыбаков.)* Такие косвенные предложения можно отнести к компрессированным, поскольку из коммуникативной ситуации следует, что говорящий не только осведомляется о желании, но и сигнализирует о готовности способствовать осуществлению действия, например, приготовить чай, обед (как видно из вышеприведенных примеров).

В отличие от русского языка, вопросительные конструкции с глаголом *хтети* в сербском языке более регулярно используются в качестве просьбы: *Хоћеш ли да ми то придржиш?; 'Оћеш ли рећи шта је било? (Ковачевић.)* В русском языке аналогом подобных вопросительных конструкций выступают, как правило, конструкции (возможно наличие отрицания), не содержащие модального глагола: *Ты (не) подержишь это? Ты (не) скажешь мне, что случилось?* Модальный глагол *хотеть* может использоваться в подобной ситуации и в русском языке, но только в вопросительно-отрицательных конструкциях: *Ты не хочешь сказать мне, что случилось?* Они, на наш взгляд, менее конвенционализированы как директивы и в большей степени являются вопросом о желании адресата совершить то или иное действие, нежели просьбой, в отличие от сербского языка: Сравним: – *Ты (не) подержишь это?* и – *Ты не хочешь это подержать?* В зависимости от конкретной ситуации и интонации вопрос с модальным глаголом *хотеть* может сигнализировать о настоятельной просьбе (скорее, трансформированной в требование), имеющей неблагожелательный оттенок: *Чего расселся? Не хочешь подвинуться?*

Как конвенциональное косвенное предложение в русском языке функционирует отрицательно-вопросительная конструкция ***почему бы не*** + ***инфинитив глагола***, обозначаемого рекомендуемое действие. Как отмечает Е.Н. Москаленко, использование наречия *почему* в таких моделях придает высказыванию особый оттенок: говорящий знает, что нет особых причин для невыполнения действия, просто собеседник воздерживается, не выполняет данное действие: – *Иногда у него возникали и свои собственные предложения. Я вот подумал… **почему бы тебе не разрисовать** стены школьного зала? (Алексин.)* [Москаленко 1999:18.] Уточним, что адресат может не только просто воздерживаться от совершения действия, но (чаще) и не предполагать о возможности его совершения или заведомо исключать его из предполагаемых вариантов: – *Знаете, береженого бог бережет. **Почему бы** вам **не уехать** к отцу или к дяде?- Уехать? – удивился Саша. – Я не вижу причин (Рыбаков)*. Этим отчасти объясняется использование формального вопроса о причине (почему) в сочетании с частицей *бы*, привносящей, наряду с оттенком вежливости, оттенок желаемой необходимости совершения действия в пользу адресата, которую осознает говорящий. Кроме того, исполнителем не обязательно мыслится адресат, это может быть и сам говорящий, инициирующий предложение. Готовность говорящего совершить действие в пользу адресата активизирует дополнительную когнитивную интенцию просигнализировать о заинтересованности говорящего в позитивном настрое адресата или успешной организации положения вещей вокруг: – *Почему бы нам не устроить конференцию с вашим докладом? В самом факте такого **предложения была невысказанная, но подразумеваемая поддержка** (Каверин)*.

В сербском языке для выражения косвенного предложения, адекватного вышеуказанному типу в русском языке, функционирует вопросительно-отрицательная конструкция с вопросительным словом *што*: ***Што не*** *се прошетате?* (Равно как и конструкции ***Што*** *се* ***не*** *бисте прошетали?* и ***Што*** *да се* ***не*** *прошетате?*) Причем использование вопросительного слова *што* (а не *зашто* / почему), как и СВ глагола в конструкциях с таким значением оказывается принципиальным. Как отмечает Т. Батистич, именно СВ при использовании соответствующей интонации указывает на вежливую просьбу или предложение, тогда как конструкции с НСВ (если это не прямой вопрос) могут выражать укор, упрек. Сравним: – *Што не **скуваш** кафу?* и – *Што не **куваш** кафу?* Вопросительное слово *зашто* прямо указывает, что говорящий ждет ответа на вопрос о причине невыполнения действия, а вопросительное слово *што* в ряде случаев имеет не совсем то же значение, что и *зашто*, и в большей степени относится к разговорному жаргону [См.: Батичтић 1986]. Вопрос о причине с использованием *што* практически неактуален, что переводит рассматриваемую конструкцию в разряд конвенциональных косвенных директивов.

В русском языке нет столь явной дифференциации при использовании вопросительных слов *почему / что*, о чем свидетельствуют словарные дефиниции (Что <…> вопросительное, в знач. нареч. Почему?, по какой причине?, зачем? – наречие, что и почему [Словарь… 1988]). Однако при использовании СВ в большей степени ощущается предложение совершить действие, наряду с осведомлением о причине. И все же в русском языке эквивалентные конструкции не в такой мере конвенциональны, как в сербском языке: *Што не скуваш кафу? / (Почему) Что не сваришь кофе?*

Вопросительные конструкции также являются формой конвенционального косвенного побуждения категорического типа – требования, запрета. Довольно категоричны вопросительные конструкции, которые носят риторический характер: – ***Что вы стоите?*** – ***закричал*** *Сольц. – Идите отсюда (Рыбаков). У выхода из магазина их ждала* ***серая от злости*** *Ира. –* ***Где вы бродите?*** *<…> Весь магазин 15 метров! А вы там целый час провели! (Экслер.) – Шта нас ти агитујеш?/ – Да ты нас не агитируй! (Шолохов.) – Шта чекаш? Иди! (Лалић.)* Такие модели в обоих языках являются эмотивными. Говорящий подчеркивает отсутствие причины не совершать действие, сигнализирует о своем эмоциональном состоянии, как правило, негативном (раздражении, недовольстве) и имплицитно побуждает не только совершить действие, но сделать это немедленно.

Таким образом, вопрос – настолько типизированная форма выражения косвенного побуждения и в русском, и в сербском языках, что может оформлять конвенциональные побудительные КРА всех типов (смягченного, нейтрального и категорического). Следует отметить, что вопросительные конструкции часто используются и в контекстуально-ситуативных косвенных директивах, не обусловленных конвенциями языкового употребления. Относительно контекстуально-ситуативных КРА открытым остается вопрос о возможности создания их типологии. Многообразие ситуаций и обстоятельств объективной действительности предполагает всякий раз использование соответствующего ситуации лексического наполнения и новых комбинаций языковых средств выражения. Тем не менее, определенные тенденции прослеживаются, что позволяет исследователям моделировать или прогнозировать речевые ситуации общения на уровне импликатур. Это и является перспективой дальнейшего исследования.

Как видно из вышеприведенного анализа, активное использование коммуникативно-прагматического подхода к сопоставительному изучению языковых явлений способствует формированию и становлению новой области языкознания – сопоставительной прагмалингвистики, одной из главных задач которой является исследование способов реализации одних и тех же коммуникативных заданий в типовых ситуациях общения на разных языках.

Литература

1. Hansson B. A program for pragmatics, in S. Stenland ed., Logical Theory and Semantic Analysis. – Dordrecht, 1974.
2. Батистић Т. Усмјеравање језичког описа // Наш језик. – Београд, 1986. – Бр.27/1-2.
3. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М., 1997.
4. Гак В.Г. Сопоставительная прагматика // Филологические науки. – М., 1992. – №3.
5. Колтунова, М.В. Нормы конвенционального речевого поведения и практика их соблюдения в деловой речи в кросскультурном аспекте // Вестник МАПРЯЛ. – М., 2004. – №45.
6. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.
7. Москаленко, Е.Н. Функционально-семантичское поле побуждения в современном русском языке. Автореф. дисс…к.ф.н. – Таганрог, 1999.
8. Ожегов, С.И. и Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – М.,1999.
9. Пипер, П., Антонић, И., Ружић, В., Танасић, С., Поповић, Љ., Тошовић, Б.. Синтакса савременога српског језика. Проста реченица. – Београд, 2005.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1988. – Т.4.
11. Сусов И.П. История языкознания. – Тверь, 2006.

А.Б. Зотова

Способы выражения эмоций в русском коммуникативном поведении

Традиционно считается (Ю.Н. Караулов, 1987; С.Г. Тер-Минасова, 2000; О.Б. Сиротинина, 2001; И.А. Стернин, 2004), что национальное коммуникативное поведение представляет собой совокупность особенностей общения того или иного народа. Важным в коммуникативном поведении является выражение эмоций, поскольку они являются одной из форм отражения мира, составляют мотивационную основу деятельности человека и играют важную роль в его жизни (Филимонова 2001, с. 125).

На синтаксическом уровне основным средством выражения эмоций и чувств человека на окружающую действительность является восклицательное предложение, поэтому представляется интересным рассмотреть семантические характеристики этих синтаксических единиц, а также особенности их использования в русской коммуникации.

Материалом исследования явились 4000 русских восклицательных предложений, полученных методом сплошной выборки из художественных и публицистических произведений современных русских авторов. Выборка из литературы проводилась

на основе таких критериев, как наличие восклицательного знака в конце предложения или реплики автора типа: он воскликнул, закричал, сказал взволнованно и др.

Как известно, восклицательное предложение содержит в себе эмоциональную оценку. В прагматических концепциях оценки, получивших в лингвистике в последнее время широкое распространение (Л.А. Шорыгина, 1991, Е.А. Болашенко, 1992; М.Н. Николаева, 1992; Г.А. Золотова, 2006), смысловая специфика оценочного значения объясняется через коммуникативные цели, с которыми используются оценочные высказывания, то есть можно вслед за П.Н. Паничевой говорить о наличии в восклицательном предложении субъективной и ситуативной оценки (Паничева 2004, с.13).

В рамках исследуемого материала основной семантической характеристикой большинства русских восклицательных предложений является то, что, какой бы ни была их структура, они носят эмоционально-оценочный характер. В плане лексического наполнения для восклицательных предложений характерно использование существительных, прилагательных, наречий, глаголов и фразеосочетаний качественно-оценочной семантики.

В русских восклицательных предложениях в рамках материала исследования чаще всего используются прилагательные и наречия (63% и 40%), которые выражают эмоциональную оценку разной интенсивности: а) эмоциональную положительную оценку (23%): *захватывающий, восхитительный, гениальный; замечательно* и др.; б) эмоциональную отрицательную оценку (17%): *ужасный, безвкусный; отвратительно, некрасиво* и др.

Что касается оценочных существительных, то они реже используются в восклицательных предложениях (35%). Например: а) *вахлак, мерзавец, предатель чепуха, вонища* и др. – выражают эмоциональную отрицательную оценку (25%); б) *красотка, умница, молодец; прелесть* и др. – выражают эмоциональную положительную оценку (10%).

В русских восклицательных предложениях могут также использоваться оценочные глаголы (15%), которые выражают: а) эмоциональную отрицательную оценку (10%): *раскурочить, лебезить, подтырить, бездельничать,* и др.; б) эмоциональную положительную оценку (5%): *восхищаться, восторгаться* и др.

Для русского восклицательного предложения также характерно использование устойчивых выражений, передающих как отрицательную (8%)*: бред сивой кобылы, стоять как столб, вертеть задом, как лисица хвостом* и др., так и положительную оценку (2%): *баба как звон, человек - молоток* и др.

Как видно из выше изложенного, количество лексических единиц, выражающих эмоциональную отрицательную оценку, в русских восклицательных предложениях гораздо

больше, чем единиц, передающих положительную оценку (60% и 40%).

Интересно отметить, что в восклицательном предложении даже коннотативно нейтральные слова могут приобретать оценочный компонент значения. Например, в восклицательном предложении ***Уж как глубоки!*** (А.И. Солженицын «Желябугские выселки») прилагательное *глубокий* становится коннотативно окрашенным и выражает положительную оценку глубины блиндажей. Однако прилагательное *глубокий*, употребляемое в другом контексте (например, в повествовательном, вопросительном предложении), может и не приобретать оценочных коннотаций.

При употреблении в восклицательном предложении оценочными становятся и другие языковые единицы (35%): прилагательные и наречия (типа *большой, длинный, худой, высокий, быстро, близко* и др.); существительные (типа *знание, рыба, жизнь, собеседник, песцы* и др.); глаголы типа *говорить, обещать, делать, говорить, измениться угадать, писать* и др. (20%, 9% и 6% соответственно). Например, в восклицательном предложении ***Вот гимн так гимн! И слова и музыка!*** (В. Залотуха «Последний коммунист») языковые единицы *гимн, слова* и *музыка* выражают эмоциональную положительную оценку, а предложение в целом – восторг, восхищение.

Таким образом, в русском языке в восклицательном предложении даже нейтральные слова могут приобретать эмотивно-оценочные коннотации.

Объектом оценки (преимущественно отрицательной) в подобных предложениях в русском языке чаще всего является:

1) *человек, его характеристики* (46%):

а) *поведение* (22%): 1) неречевое (13%): *Он вздохнул.* ***Как же ему с ней трудно!*** (Г. Щербакова «Мальчик и девочка»), ***Ах, как этот мерзавец Нобель посмел оставить столь двусмысленное завещание!*** (М. Беленький «Черные псалмы»); 2) речевое (9%): ***Хорошо говорит сестра Варя!*** (Н. Елисеев «Пятьдесят четыре»), ***Какие гадости вы обо мне говорите!*** (М. Беленький «Черные псалмы»);

б) *внешний вид* (7%): ***Он ужасно выглядит!*** (Г. Щербакова «Актриса и милиционер»), *Вышла с трудом. Пока очень немного людей.* ***Какой у всех вид!*** *Похожи на весенних мух* (А. Василевская «Книга о жизни»);

в) *состояние* (5%): *« Ты… Тебе нехорошо?» «****Очень нехорошо!*** *Если б вы только знали, как мне нехорошо…»* (А.А. Яковлев «Домашние люди»), ***Как страдал он!*** (А. Азольский «Диверсант»),

г) *личные качества* (4,5%): ***Дмитрий Николаевич был самым очаровательным человеком: живой, умный, изящный, точный, озорной – редкое сочетание качеств в одном человеке!*** (А.А. Реформатский «Из “дебрей” памяти»), ***Тщеславный Дон Жуан!*** (М. Кундера «Обмен мнениями»);

д) *ум, способности* (4%): ***А какая талантливая!*** (И. Стекол «Рассказы

для Анны»), *«При-наря-дилась и выбралась». «Куда?» «К тебе!* ***Какие же вы, мужики, дураки бываете!»*** (А.А. Яковлев «Домашние люди»);

е) *деятельность, занятие* (3,5%): *Вы что… В буфете работаете целыми днями.* ***О, хорошая работа!»*** (Р. Сенчин «Нубук»);

2) ***ситуация в целом*** (30%):

а) *до момента речи* (15,5%): ***Отлично вы распорядились!*** (М. Бутов «Свобода»), *Люди вырывали куски друг у друга, чтоб что-то поесть.* ***Бог знает что было!*** (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Даниил Хармс»);

б) *в момент речи* (14,5%): *«Лисицы?» «Можно и так сказать». Я разозлился: «****Что за тупой театр?!*** *Почему не ответить нормально?»* (М. Бутов «Свобода»), *«Анна, пойдем гулять». «****Замечательно!****» (*Стекол, 2002: 16);

3) ***предмет, его характеристики*** (22%):

а) *внешний вид* (8%): ***И брусника какая крупная в этом году!..»*** (Р. Сенчин «Нубук»), *Дома ставил, сарai.* ***«Примитивные крестьянские украшения!»*** *- сплевывает Батрак.* (А. Титов «Жизнь, которой не было»);

б) *содержательные характеристики* (7%): ***Что за бред сивой кобылы?!*** (В. Тучков «Русская книга военных») – ‘мнение читателя о произведении одного из современных авторов’, *Это черт знает что.* ***Это записки сумасшедшего!*** (М. Беленький «Письма на святую землю»);

в) *состояние* (5%): ***Но что стало с урочищем Крутой Верх!*** (А.И. Солженицын «Желябугские выселки»), ***Тепло, хорошо в доме как!*** (И. Поволоцкая «После меня свет в доме стоит»).

В рамках материала исследования в русском языке объектом оценки может также являться: 1) ***животное, его внешний вид*** **(1,5%):** ***Песцы!*** *Натуральнейшие голубые песцы!* **(М. Бутов «Свобода»); 2)** ***явления природы*** **(0,5%):** *Какая ночь!* **(М. Кундера «Обмен мнениями»). Таким образом, оценка в русском восклицательном предложении чаще всего может быть направлена на человека, ситуацию в целом и предмет.**

В коммуникации восклицательные предложения приобретают статус высказываний, специфика которых заключается в комплексном характере целеустановки, объединяющей коммуникативную и эмотивную интенции и реализующейся в определённых типах ситуаций.

В рамках материала исследования в коммуникации русские чаще используют восклицательные высказывания для выражения отрицательных эмоций (65%), таких как возмущение, негодование, гнев, ярость, раздражение и т.д.

Говорящих «провоцируют» на использование восклицательных высказываний для выражения отрицательных эмоций разные ситуации, которые целесообразнее представить в порядке убывания частотности по отношению к общему количеству:

1. Обнаружение следующих отрицательных черт в личностях, их поведении (28%):

1) совершение отрицательного поступка (6,5%): ***«Предательница!»*** - *злобно шепнул я* (С. Шаргунов «Ура!») – ‘няня рассказала отцу мальчика о том, что тот плохо говорил о Боге’, ***Народ холодает и голодает, а этот негодяй шмотками разбрасывается!*** (Ф. Искандер «День писателя»);

2) открыто нахальное, навязчивое поведение (5,5%): *«Сегодня меня Башалаев достал».* ***«Кого хочешь достанет!»*** (В.С. Маканин «За кого проголосует маленький человек»), ***Прекрати на неё пялиться!*** (А.А. Яковлев «Домашние люди»*)*;

3) жестокое обращение с людьми (4,4%): ***Потому, что зверюка он, не человек! Пиночетина! Всех готов загрызть!*** (Б. Екимов «Пиночет») – ‘жительница деревни говорит о жестоком отношении председателя колхоза к людям’, ***«Не бей меня, оппозиция глупая!*** *– верещит Батрак.* ***Ведь расстреляю, придет время, гадина!..»*** (А. Титов «Жизнь, которой не было»);

4) крик, шумное поведение (3,2%): ***Я вам сейчас уши оборву!.. Я родителям пожалуюсь! Чтоб я вас тут не видел!*** (М. Ардов «Книга о Шостаковиче») – ‘дети во дворе очень сильно кричали и мешали композитору работать’, ***«Тихо!*** *– прошипел Андрюха. –* ***Тихо!!!»*** (М. Бутов «Свобода»);

5) неприятная, отталкивающая внешность (3%): ***НЛО в натуре!*** *Пузо полуклином, осталось рога ей приставить…* (А. Титов «Жизнь, которой не было»), ***Какой ужасный у него вид!*** (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Данил Хармс») – ‘маникюрша испугалась, увидев Даниила после болезни’;

6) беспорядочный, неправильный образ жизни (2%): *«Лиля, что случилось? – спросил он. – Что с тобой?* ***Ты пьёшь, куришь!»*** (А. Слаповский «День денег»), ***До нажатия красной кнопки дело ещё никогда не доходило, поскольку специфика срочной службы предполагает беспробудное пьянство младшего командного состава!*** (В. Тучков «Русская книга военных») – ‘автор говорит об образе жизни (постоянном пьянстве) сержантов’;

7) невежливое, пренебрежительное отношение к людям (1,5%): *«Через две недели я тебе оставлю свою музыку до конца лета». «Клёво, я согласен».* ***«Ты хам!»*** - *кричит мама* (Г. Щербакова «Мальчик и девочка») – ‘мама недовольна тем, что её сын не очень вежливо разговаривает с её коллегой’;

8) непостоянство во взглядах, мнении (1,2%): *«Какая разница, куда ехать?»* ***«А такая! Ехать так ехать, а не ехать так не ехать! Вылазьте, говорю, а то сейчас перехерачу вас тут всех!»*** (А. Слаповский «День денег») – ‘пассажиры такси никак не могут решить, куда им ехать’;

9) небрежность в отношении к вещам, собственности (0,7%): ***Сколько раз говорить, чтоб не мял документы!*** (Р. Сенчин «Нубук»).

2. Ситуация неприятной неожиданности (19%), которая включает следующие разновидности:

1) невыполнение действия (5,7%): *«**Так вот: Тарас Перхвилыч за мной не зашел!** – Дядя Игнат не может передохнуть от слез»* (А. Титов «Жизнь, которой не было»), ***Однако позор на весь мир – Менделеева не встретили!*** (М. Беленький «Обсерватория»);

2) отсутствие необходимого человека (4%): *«Его нет дома». «**Какая жалость!»** - воскликнул Парфен.* (А. Слаповский «День денег»), ***Но не находилось подходящего офицера!*** (А. Азольский «Глаша») – ‘рассказчик выражает недовольство по поводу отсутствия офицера для обучения в академии’;

3) отсутствие необходимого предмета, вещи, денег (4%): *«Обхохочешься, - сказал Змей. – **Рубля не хватает на бутылку!»*** (А. Слаповский «День денег»), *«**Но дай!..** Дай хоть мужа вызову»* (В.С. Маканин «Без политики») – ‘у Даши нет телефона, а ей нужно позвонить’;

4) отсутствие необходимой информации (2,9%): ***Ты просто не знаешь, что такое апельсиновый сок настоящий!*** (Р. Сенчин «Нубук»), *«Отчего из молока сыр не делаем, как французы?» «**А черт его знает отчего!**» - И Дмитрий Иванович снова взялся за еду* (М. Беленький «Черные псалмы»);

5) обнаружение чего-либо неприятного или вселяющего страх (0,7%): ***Топлев! Нас тут окружают! Готовь оборону!*** (А.И. Солженицын «Адлиг Швенкиттен») – ‘немцы начали внезапное наступление’;

6) неприятное сообщение (0,5%): *«Я невыездная. Теперь навсегда». «Бася. **Ты спятила!**»* (Г. Щербакова «Актриса и милиционер»);

7) неприятная встреча (0,5%): *Вдруг откуда-то раздался голос: «**Стой!** Кто такие?»* (А.Н. Варламов «Присяга») – ‘милиционер на вокзале увидел подозрительных граждан’;

8) непонимание (неверное понимание) происходящего или произошедшего (0,4%): *Почему-то я ведь родился таким … и башмаки… **Не понимаю!*** (Ю. Буйда «Одноногая жизнь одноногого мужчины»);

9) обнаружение негативного физического или психического состояния лица, в том числе самого говорящего (0,3%): ***Боже, я сейчас потеряю сознание!*** (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Даниил Хармс»).

3. Ущемление личности (18%), которое может проявляться в реакции на:

1) сообщение ложной информации (4,2%): ***«Брешет, гад!** - сипел Николай Мазаев. **Брешет!»*** (Б. Екимов «Житейские истории») – ‘рабочий Николай считает, что Вася врёт, когда рассказывает, что в тюрьме за границей платят зарплату’, *«Ворона, она такая грациозная, так гордо ступает, прямо умница». «Да бросьте вы. **От ворон зло!»*** (С. Шаргунов «Ура»);

2) принуждение к нежелательным действиям, насилие (3,3%): *«Кроме окопов много в городе другой работы – ты уж выбери полегче, по своему здоровью. А где твоя школа сейчас работает?» Оля раздраженно ответила: «**Знаешь, что, дружок! Не учи меня жить!**»* (А. Василевская «Книга о жизни»), ***А она – та самая мать, которая мальчика посылает деньги просить!*** (А. Слаповский «День денег»);

3) нелепое, опасное предложение что-либо сделать (2,5%): *«Мы будем осетинами, будем говорить по-осетински у себя дома, а на улице – по-грузински». «**Замолчи!**» – повысил голос отец* (И. Булкаты «Самтредиа»), ***Ты – больной! Тебя лечить надо! Я всем позвоню! В область! Во все газеты!! Членов политбюро – на пай! Раскладушки заместо трактора! До Москвы дойду!! На весь свет опозорю!*** (Б. Екимов «Пиночет») – ‘председатель колхоза предложил одной из колхозниц выдать ей в качестве пая кровати и портреты членов политбюро’;

4) лишение нужных вещей (2,2%): ***Сколько времени прошло, как пропала её кочерга, место которой было у дверного проёма!*** (Г. Щербакова «Актриса и милиционер»), ***Страшное подозрение вошло в меня: я ограблен!*** (А. Азольский «Диверсант») – ‘у солдата пропали документы’;

5) обвинение в чем-либо (2%): *«Мы первые придумали, а вы у нас украли идею!» **«Очень нужно у вас красть – у нас своя голова на плечах есть!»*** (В. Славецкий «Поздние “александрийцы”»);

6) посягательство на собственность (1,5%): ***Не имеете права! Я покупал сено! Лично!*** (Б. Екимов «Пиночет») – ‘по приказу нового председателя колхоза у людей забирают сено’;

7) невнимательное отношение (1,3%): *Ей хотелось только одного – получить крупицу вашей ревности.* *А вы говорите – джентельмен!* (М. Кундера «Обмен мнениями») – ‘врач упрекает студента в невнимательном отношении к женщине, которая в него влюблена’;

8) насмешку, издёвку (1%): *«Нелегала выкармливаешь? Бомбы, сходки?» **«Ты только не насмешничай!»*** (М. Беленький «Даровые свечи») – ‘врач шутит по поводу свободных взглядов работника обсерватории, директором которой является его брат’.

Таким образом, в коммуникации русские используют восклицательные высказывания для выражения отрицательных эмоций в трёх основных ситуациях: при обнаружении отрицательных черт в личностях и их поведении,

в ситуации неприятной неожиданности и при ущемлении личности.

Что касается употребления восклицательных высказываний для выражения положительных эмоций (восторг, восхищение, радость и др.), то они употребляются довольно редко (35%). В рамках материала исследования можно выделить следующие ситуации их использования, представленные в порядке убывания частотности по отношению к общему количеству восклицательных высказываний:

1. Ситуация приятной неожиданности (23%), которая включает следующие разновидности:

1) совершение достойного поступка (7%): *«У вас другой появится жених, если Вася не пойдет во второй раз знакомиться».* ***Но Вася пришел!*** (Н. Горланова «Закажите молебен просительный»), ***А как мы лихо операцию в Брно провели!*** (Н. Елисеев «Пятьдесят четыре»);

2) приятная встреча (5,4%): *Как давно я тебя не видел!* **(Ф. Искандер «День писателя») – ‘встреча двух писателей’, «*Вот, мам, гляди, кого я привел. Узнаёшь?»* *«Да это же!..»* (Р. Сенчин «Нубук»);**

3) приятное неожиданное событие (4,5%): *Он бросился к столу и с уверенностью принялся сличать номер.* ***И – выигрыш!*** *Николай был счастлив* (А. Слаповский «День денег»), *Я ликовал.* ***Ведь я снова оказался на моем любимом Васильевском острове!*** (Р. Сенчин «Нубук»);

4) обнаружение красивого предмета, вещи (3,5%): *Это мой дом.* ***Видишь, какой красавец!*** (Г. Щербакова «Мальчик и девочка»), ***И вот оно – чудо, хрустальный храм, какого нигде больше нет! Восьмое чудо света! Придонское чудо!*** (В. Залотуха «Последний коммунист»);

5) приятная новость (2,6%): *Немца задержало охранение – он прямо шёл через поле.* ***Дивная новость!*** (А.И. Солженицын «Адлиг Швенкиттен»), *«Камеры есть на двоих, четверых. Мы жили двое. Туалет, умывальник, душевая, горячая вода…» «****Вот дают!****»* (Б. Екимов «Житейские истории») – ‘Вася сообщил новость о том, какая жизнь в тюрьме за границей’;

2. Обнаружение следующих положительных черт в личностях и их поведении (12%):

1) достижения человека (5,9%): ***Я написал гениальную поэму!*** (Ф. Искандер «День писателя»), ***Эх, как она в клубе танцевала – все сбегались на её коленки поглазеть!*** (Ю. Буйда «Через «ФЭ»);

2) красивая внешность (3,5%): *У вас глаза очень хорошо блестят.* ***Чудные глаза!..*** (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Даниил Хармс»), ***Не парень по деревне прошел – картинка!*** (А. Титов «Жизнь, которой не было»);

3) разные положительные черты характера, достойное поведение

(2,6%): *Этот мужик, Питер, миллионер из Австрии.* ***Мировой мужик!..*** (Р. Сенчин «Нубук»), ***Что за изумительная женщина! Где были мои глаза!*** *Я ругал себя за то, что был так невнимателен* (М. Клеч «Полной грудью»).

Таким образом, основной семантической особенностью русских восклицательных предложений является выражение эмоциональной оценки, которая может быть направлена на человека (46%), ситуацию в целом (30%) и предмет (22%).Важным является тот факт, что в русском, восклицательном предложении коннотативно нейтральные слова (существительные, прилагательные, наречия, глаголы) приобретают эмоционально-оценочный компонент значения.

В коммуникации восклицательное предложение приобретает статус высказывания. В рамках исследования были описаны ситуации выражения эмоций при помощи восклицательных высказываний в русском коммуникативном поведении. Русские используют восклицательные высказывания чаще всего для выражения отрицательных эмоций (65%) при обнаружении отрицательных черт в личности (28%).

Реже русские употребляют восклицательные высказывания в ситуации неприятной неожиданности (19%), а также в ситуации ущемления личности (18%).

Использование восклицательных высказываний для выражения положительных эмоций в русском коммуникативном поведении невелико (35%) и включает следующие ситуации: 1) ситуацию приятной неожиданности (23%); 2) обнаружение положительных черт в личностях (12%).

Литература

1. Филимонова О.В. Язык эмоций в английском тексте / О.В. Филимонова. - Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. - 259с.

2. Паничева П.Н. Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи (в свете антропоцентрической парадигмы) : автореф. дис. … канд. филол.наук / П.Н. Паничева. – Ставрополь, 2004. – 18с.

А.Б. Зотова

Способы выражения эмоций в русском коммуникативном поведении

Традиционно считается (Ю.Н. Караулов, 1987; С.Г. Тер-Минасова, 2000; О.Б. Сиротинина, 2001; И.А. Стернин, 2004), что национальное коммуникативное поведение представляет собой совокупность особенностей общения того или иного народа. Важным в коммуникативном поведении является выражение эмоций, поскольку они являются одной из форм отражения мира, составляют мотивационную основу деятельности человека и играют важную роль в его жизни (Филимонова 2001, с. 125).

На синтаксическом уровне основным средством выражения эмоций и чувств человека на окружающую действительность является восклицательное предложение, поэтому представляется интересным рассмотреть семантические характеристики этих синтаксических единиц, а также особенности их использования в русской коммуникации.

Материалом исследования явились 4000 русских восклицательных предложений, полученных методом сплошной выборки из художественных и публицистических произведений современных русских авторов. Выборка из литературы проводилась на основе таких критериев, как наличие восклицательного знака в конце предложения или реплики автора типа: он воскликнул, закричал, сказал взволнованно и др.

Как известно, восклицательное предложение содержит в себе эмоциональную оценку. В прагматических концепциях оценки, получивших в лингвистике в последнее время широкое распространение (Л.А. Шорыгина, 1991, Е.А. Болашенко, 1992; М.Н. Николаева, 1992; Г.А. Золотова, 2006), смысловая специфика оценочного значения объясняется через коммуникативные цели, с которыми используются оценочные высказывания, то есть можно вслед за П.Н. Паничевой говорить о наличии в восклицательном предложении субъективной и ситуативной оценки (Паничева 2004, с.13).

В рамках исследуемого материала основной семантической характеристикой большинства русских восклицательных предложений является то, что, какой бы ни была их структура, они носят эмоционально-оценочный характер. В плане лексического наполнения для восклицательных предложений характерно использование существительных, прилагательных, наречий, глаголов и фразеосочетаний качественно-оценочной семантики.

В русских восклицательных предложениях в рамках материала исследования чаще всего используются прилагательные и наречия (63% и 40%), которые выражают эмоциональную оценку разной интенсивности: а) эмоциональную положительную оценку (23%): *захватывающий, восхитительный, гениальный; замечательно* и др.; б) эмоциональную отрицательную оценку (17%): *ужасный, безвкусный; отвратительно, некрасиво* и др.

Что касается оценочных существительных, то они реже используются в восклицательных предложениях (35%). Например: а) *вахлак, мерзавец, предатель чепуха, вонища* и др. – выражают эмоциональную отрицательную оценку (25%); б) *красотка, умница, молодец; прелесть* и др. – выражают эмоциональную положительную оценку (10%).

В русских восклицательных предложениях могут также использоваться оценочные глаголы (15%), которые выражают: а) эмоциональную

отрицательную оценку (10%): *раскурочить, лебезить, подтырить, бездельничать,* и др.; б) эмоциональную положительную оценку (5%): *восхищаться, восторгаться* и др.

Для русского восклицательного предложения также характерно использование устойчивых выражений, передающих как отрицательную (8%)*: бред сивой кобылы, стоять как столб, вертеть задом, как лисица хвостом* и др., так и положительную оценку (2%): *баба как звон, человек - молоток* и др.

Как видно из выше изложенного, количество лексических единиц, выражающих эмоциональную отрицательную оценку, в русских восклицательных предложениях гораздо больше, чем единиц, передающих положительную оценку (60% и 40%).

Интересно отметить, что в восклицательном предложении даже коннотативно нейтральные слова могут приобретать оценочный компонент значения. Например, в восклицательном предложении ***Уж как глубоки!*** (А.И. Солженицын «Желябугские выселки») прилагательное *глубокий* становится коннотативно окрашенным и выражает положительную оценку глубины блиндажей. Однако прилагательное *глубокий*, употребляемое в другом контексте (например, в повествовательном, вопросительном предложении), может и не приобретать оценочных коннотаций.

При употреблении в восклицательном предложении оценочными становятся и другие языковые единицы (35%): прилагательные и наречия (типа *большой, длинный, худой, высокий, быстро, близко* и др.); существительные (типа *знание, рыба, жизнь, собеседник, песцы* и др.); глаголы типа *говорить, обещать, делать, говорить, измениться угадать, писать* и др. (20%, 9% и 6% соответственно). Например, в восклицательном предложении ***Вот гимн так гимн! И слова и музыка!*** (В. Залотуха «Последний коммунист») языковые единицы *гимн, слова* и *музыка* выражают эмоциональную положительную оценку, а предложение в целом – восторг, восхищение.

Таким образом, в русском языке в восклицательном предложении даже нейтральные слова могут приобретать эмотивно-оценочные коннотации.

Объектом оценки (преимущественно отрицательной) в подобных предложениях в русском языке чаще всего является:

1) *человек, его характеристики* (46%):

а) *поведение* (22%): 1) неречевое (13%): *Он вздохнул.* ***Как же ему с ней трудно!*** (Г. Щербакова «Мальчик и девочка»), ***Ах, как этот мерзавец Нобель посмел оставить столь двусмысленное завещание!*** (М. Беленький «Черные псалмы»); 2) речевое (9%): ***Хорошо говорит сестра***

Варя! (Н. Елисеев «Пятьдесят четыре»), ***Какие гадости вы обо мне говорите!*** (М. Беленький «Черные псалмы»);

б) *внешний вид* (7%): ***Он ужасно выглядит!*** (Г. Щербакова «Актриса и милиционер»), *Вышла с трудом. Пока очень немного людей.* ***Какой у всех вид!*** *Похожи на весенних мух* (А. Василевская «Книга о жизни»);

в) *состояние* (5%): *« Ты… Тебе нехорошо?» «****Очень нехорошо!*** *Если б вы только знали, как мне нехорошо…»* (А.А. Яковлев «Домашние люди»), ***Как страдал он!*** (А. Азольский «Диверсант»),

г) *личные качества* (4,5%): ***Дмитрий Николаевич был самым очаровательным человеком: живой, умный, изящный, точный, озорной – редкое сочетание качеств в одном человеке!*** (А.А. Реформатский «Из “дебрей” памяти»), ***Тщеславный Дон Жуан!*** (М. Кундера «Обмен мнениями»);

д) *ум, способности* (4%): ***А какая талантливая!*** (И. Стекол «Рассказы для Анны»), *«При-наря-дилась и выбралась». «Куда?» «К тебе!* ***Какие же вы, мужики, дураки бываете!»*** (А.А. Яковлев «Домашние люди»);

е) *деятельность, занятие* (3,5%): *Вы что… В буфете работаете целыми днями.* ***О, хорошая работа!»*** (Р. Сенчин «Нубук»);

2) ***ситуация в целом*** (30%):

а) *до момента речи* (15,5%): ***Отлично вы распорядились!*** (М. Бутов «Свобода»), *Люди вырывали куски друг у друга, чтоб что-то поесть.* ***Бог знает что было!*** (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Даниил Хармс»);

б) *в момент речи* (14,5%): *«Лисицы?» «Можно и так сказать». Я разозлился: «****Что за тупой театр?!*** *Почему не ответить нормально?»* (М. Бутов «Свобода»), *«Анна, пойдем гулять». «****Замечательно!****» (*Стекол, 2002: 16);

3) ***предмет, его характеристики*** (22%):

а) *внешний вид* (8%): ***И брусника какая крупная в этом году!..»*** (Р. Сенчин «Нубук»), *Дома ставил, сараи.* ***«Примитивные крестьянские украшения!»*** *- сплевывает Батрак.* (А. Титов «Жизнь, которой не было»);

б) *содержательные характеристики* (7%): ***Что за бред сивой кобылы?!*** (В. Тучков «Русская книга военных») – ‘мнение читателя о произведении одного из современных авторов’, *Это черт знает что.* ***Это записки сумасшедшего!*** (М. Беленький «Письма на святую землю»);

в) *состояние* (5%): ***Но что стало с урочищем Крутой Верх!*** (А.И. Солженицын «Желябугские выселки»), ***Тепло, хорошо в доме как!*** (И. Поволоцкая «После меня свет в доме стоит»).

В рамках материала исследования в русском языке объектом оценки может также являться:

1) *животное, его внешний вид* (1,5%): *Песцы!* *Натуральнейшие голубые песцы!* (М. Бутов

«Свобода»); 2) *явления природы* (0,5%): *Какая ночь!* (М. Кундера «Обмен мнениями»). Таким образом, оценка в русском восклицательном предложении чаще всего может быть направлена на человека, ситуацию в целом и предмет.

В коммуникации восклицательные предложения приобретают статус высказываний, специфика которых заключается в комплексном характере целеустановки, объединяющей коммуникативную и эмотивную интенции и реализующейся в определённых типах ситуаций.

В рамках материала исследования в коммуникации русские чаще используют восклицательные высказывания для выражения отрицательных эмоций (65%), таких как возмущение, негодование, гнев, ярость, раздражение и т.д.

Говорящих «провоцируют» на использование восклицательных высказываний для выражения отрицательных эмоций разные ситуации, которые целесообразнее представить в порядке убывания частотности по отношению к общему количеству:

1. Обнаружение следующих отрицательных черт в личностях, их поведении (28%):

1) совершение отрицательного поступка (6,5%): ***«Предательница!»*** *- злобно шепнул я* (С. Шаргунов «Ура!») – ‘няня рассказала отцу мальчика о том, что тот плохо говорил о Боге’, ***Народ холодает и голодает, а этот негодяй шмотками разбрасывается!*** (Ф. Искандер «День писателя»);

2) открыто нахальное, навязчивое поведение (5,5%): *«Сегодня меня Башалаев достал».* ***«Кого хочешь достанет!»*** (В.С. Маканин «За кого проголосует маленький человек»), ***Прекрати на неё пялиться!*** (А.А. Яковлев «Домашние люди»*)*;

3) жестокое обращение с людьми (4,4%): ***Потому, что зверюка он, не человек! Пиночетина! Всех готов загрызть!*** (Б. Екимов «Пиночет») – ‘жительница деревни говорит о жестоком отношении председателя колхоза к людям’, ***«Не бей меня, оппозиция глупая!*** *– верещит Батрак.* ***Ведь расстреляю, придет время, гадина!..»*** (А. Титов «Жизнь, которой не было»);

4) крик, шумное поведение (3,2%): ***Я вам сейчас уши оборву!.. Я родителям пожалуюсь! Чтоб я вас тут не видел!*** (М. Ардов «Книга о Шостаковиче») – ‘дети во дворе очень сильно кричали и мешали композитору работать’, ***«Тихо!*** *– прошипел Андрюха. –* ***Тихо!!!»*** (М. Бутов «Свобода»);

5) неприятная, отталкивающая внешность (3%): ***НЛО в натуре!*** *Пузо полуклином, осталось рога ей приставить…* (А. Титов «Жизнь, которой не было»), ***Какой ужасный у него вид!*** (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Данил Хармс») – ‘маникюрша испугалась, увидев Даниила после болезни’;

6) беспорядочный, неправильный образ жизни (2%): *«Лиля, что*

случилось? – спросил он. – Что с тобой? ***Ты пьёшь, куришь!»*** (А. Слаповский «День денег»), ***До нажатия красной кнопки дело ещё никогда не доходило, поскольку специфика срочной службы предполагает беспробудное пьянство младшего командного состава!*** (В. Тучков «Русская книга военных») – ‘автор говорит об образе жизни (постоянном пьянстве) сержантов’;

7) невежливое, пренебрежительное отношение к людям (1,5%): *«Через две недели я тебе оставлю свою музыку до конца лета». «Клёво, я согласен».* ***«Ты хам!»*** *- кричит мама* (Г. Щербакова «Мальчик и девочка») – ‘мама недовольна тем, что её сын не очень вежливо разговаривает с её коллегой’;

8) непостоянство во взглядах, мнении (1,2%): *«Какая разница, куда ехать?»* ***«А такая! Ехать так ехать, а не ехать так не ехать! Вылазьте, говорю, а то сейчас перехерачу вас тут всех!»*** (А. Слаповский «День денег») – ‘пассажиры такси никак не могут решить, куда им ехать’;

9) небрежность в отношении к вещам, собственности (0,7%): ***Сколько раз говорить, чтоб не мял документы!*** (Р. Сенчин «Нубук»).

2. Ситуация неприятной неожиданности (19%), которая включает следующие разновидности:

1) невыполнение действия (5,7%): *«****Так вот: Тарас Перхвилыч за мной не зашел!*** *– Дядя Игнат не может передохнуть от слез»* (А. Титов «Жизнь, которой не было»), ***Однако позор на весь мир – Менделеева не встретили!*** (М. Беленький «Обсерватория»);

2) отсутствие необходимого человека (4%): *«Его нет дома».* ***«Какая жалость!»*** *- воскликнул Парфен.* (А. Слаповский «День денег»), ***Но не находилось подходящего офицера!*** (А. Азольский «Глаша») – ‘рассказчик выражает недовольство по поводу отсутствия офицера для обучения в академии’;

3) отсутствие необходимого предмета, вещи, денег (4%): *«Обхохочешься, - сказал Змей. –* ***Рубля не хватает на бутылку!»*** (А. Слаповский «День денег»), ***«Но дай!..*** *Дай хоть мужа вызову»* (В.С. Маканин «Без политики») – ‘у Даши нет телефона, а ей нужно позвонить’;

4) отсутствие необходимой информации (2,9%): ***Ты просто не знаешь, что такое апельсиновый сок настоящий!*** (Р. Сенчин «Нубук»), *«Отчего из молока сыр не делаем, как французы?»* ***«А черт его знает отчего!»*** *- И Дмитрий Иванович снова взялся за еду* (М. Беленький «Черные псалмы»);

5) обнаружение чего-либо неприятного или вселяющего страх (0,7%): ***Топлев! Нас тут окружают! Готовь оборону!*** (А.И. Солженицын «Адлиг Швенкиттен») – ‘немцы начали внезапное наступление’;

6) неприятное сообщение (0,5%): *«Я невыездная. Теперь навсегда».* *«Бася.* ***Ты спятила!»*** (Г. Щербакова «Актриса и милиционер»);

7) неприятная встреча (0,5%): *Вдруг откуда-то раздался голос: «****Стой!***

Кто такие?» (А.Н. Варламов «Присяга») – ‘милиционер на вокзале увидел подозрительных граждан’;

8) непонимание (неверное понимание) происходящего или произошедшего (0,4%): *Почему-то я ведь родился таким … и башмаки… **Не понимаю!*** (Ю. Буйда «Одноногая жизнь одноногого мужчины»);

9) обнаружение негативного физического или психического состояния лица, в том числе самого говорящего (0,3%): ***Боже, я сейчас потеряю сознание!*** (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Даниил Хармс»).

3. Ущемление личности (18%), которое может проявляться в реакции на:

1) сообщение ложной информации (4,2%): ***«Брешет, гад!*** - *сипел Николай Мазаев. **Брешет!»*** (Б. Екимов «Житейские истории») – ‘рабочий Николай считает, что Вася врёт, когда рассказывает, что в тюрьме за границей платят зарплату’, *«Ворона, она такая грациозная, так гордо ступает, прямо умница». «Да бросьте вы. **От ворон зло!»*** (С. Шаргунов «Ура»);

2) принуждение к нежелательным действиям, насилие (3,3%): *«Кроме окопов много в городе другой работы – ты уж выбери полегче, по своему здоровью. А где твоя школа сейчас работает?» Оля раздраженно ответила: «**Знаешь, что, дружок! Не учи меня жить!»*** (А. Василевская «Книга о жизни»), ***А она – та самая мать, которая мальчика посылает деньги просить!*** (А. Слаповский «День денег»);

3) нелепое, опасное предложение что-либо сделать (2,5%): *«Мы будем осетинами, будем говорить по-осетински у себя дома, а на улице – по-грузински». «**Замолчи!»** – повысил голос отец* (И. Булкаты «Самтредиа»), ***Ты – больной! Тебя лечить надо! Я всем позвоню! В область! Во все газеты!! Членов политбюро – на пай! Раскладушки заместо трактора! До Москвы дойду!! На весь свет опозорю!*** (Б. Екимов «Пиночет») – ‘председатель колхоза предложил одной из колхозниц выдать ей в качестве пая кровати и портреты членов политбюро’;

4) лишение нужных вещей (2,2%): ***Сколько времени прошло, как пропала её кочерга, место которой было у дверного проёма!*** (Г. Щербакова «Актриса и милиционер»), ***Страшное подозрение вошло в меня: я ограблен!*** (А. Азольский «Диверсант») – ‘у солдата пропали документы’;

5) обвинение в чем-либо (2%): *«Мы первые придумали, а вы у нас украли идею!» **«Очень нужно у вас красть – у нас своя голова на плечах есть!»*** (В. Славецкий «Поздние “александрийцы”»);

6) посягательство на собственность (1,5%): ***Не имеете права! Я покупал сено! Лично!*** (Б. Екимов «Пиночет») – ‘по приказу нового председателя колхоза у людей забирают сено’;

7) невнимательное отношение (1,3%): *Ей хотелось только одного – получить крупицу вашей ревности.* *А вы говорите – джентельмен!* **(М. Кундера «Обмен мнениями») – ‘врач упрекает студента в невнимательном отношении к женщине, которая в него влюблена’;**

8) насмешку, издёвку (1%): *«Нелегала выкармливаешь? Бомбы, сходки?»* ***«Ты только не насмешничай!»*** (М. Беленький «Даровые свечи») – ‘врач шутит по поводу свободных взглядов работника обсерватории, директором которой является его брат’.

Таким образом, в коммуникации русские используют восклицательные высказывания для выражения отрицательных эмоций в трёх основных ситуациях: при обнаружении отрицательных черт в личностях и их поведении, в ситуации неприятной неожиданности и при ущемлении личности.

Что касается употребления восклицательных высказываний для выражения положительных эмоций (восторг, восхищение, радость и др.), то они употребляются довольно редко (35%). В рамках материала исследования можно выделить следующие ситуации их использования, представленные в порядке убывания частотности по отношению к общему количеству восклицательных высказываний:

1. Ситуация приятной неожиданности (23%), которая включает следующие разновидности:

1) совершение достойного поступка (7%): *«У вас другой появится жених, если Вася не пойдет во второй раз знакомиться».* ***Но Вася пришел!*** (Н. Горланова «Закажите молебен просительный»), ***А как мы лихо операцию в Брно провели!*** (Н. Елисеев «Пятьдесят четыре»);

2) приятная встреча (5,4%): *Как давно я тебя не видел!* **(Ф. Искандер «День писателя») – ‘встреча двух писателей’, «*Вот, мам, гляди, кого я привел. Узнаёшь?»* *«Да это же!..»* (Р. Сенчин «Нубук»);**

3) приятное неожиданное событие (4,5%): *Он бросился к столу и с уверенностью принялся сличать номер.* ***И – выигрыш!*** *Николай был счастлив* (А. Слаповский «День денег»), *Я ликовал.* ***Ведь я снова оказался на моем любимом Васильевском острове!*** (Р. Сенчин «Нубук»);

4) обнаружение красивого предмета, вещи (3,5%): *Это мой дом.* ***Видишь, какой красавец!*** (Г. Щербакова «Мальчик и девочка»), ***И вот оно – чудо, хрустальный храм, какого нигде больше нет! Восьмое чудо света! Придонское чудо!*** (В. Залотуха «Последний коммунист»);

5) приятная новость (2,6%): *Немца задержало охранение – он прямо шёл через поле.* ***Дивная новость!*** (А.И. Солженицын «Адлиг Швенкиттен»), *«Камеры есть на двоих, четверых. Мы жили двое. Туалет, умывальник, душевая, горячая вода…» «****Вот дают!»*** (Б. Екимов «Житейские истории») – ‘Вася сообщил новость о том, какая жизнь в тюрьме за границей’;

2. Обнаружение следующих положительных черт в личностях и их поведении (12%):

1) достижения человека (5,9%): ***Я написал гениальную поэму!*** (Ф. Искандер «День писателя»), ***Эх, как она в клубе танцевала – все сбегались на её коленки поглазеть!*** (Ю. Буйда «Через «ФЭ»);

2) красивая внешность (3,5%): *У вас глаза очень хорошо блестят.*

Чудные глаза!.. (В. Глоцер «М. Дурново. Мой муж Даниил Хармс»), ***Не парень по деревне прошел – картинка!*** (А. Титов «Жизнь, которой не было»);

3) разные положительные черты характера, достойное поведение (2,6%): *Этот мужик, Питер, миллионер из Австрии.* ***Мировой мужик!..*** (Р. Сенчин «Нубук»), ***Что за изумительная женщина! Где были мои глаза!*** *Я ругал себя за то, что был так невнимателен* (М. Клеч «Полной грудью»).

Таким образом, основной семантической особенностью русских восклицательных предложений является выражение эмоциональной оценки, которая может быть направлена на человека (46%), ситуацию в целом (30%) и предмет (22%).Важным является тот факт, что в русском, восклицательном предложении коннотативно нейтральные слова (существительные, прилагательные, наречия, глаголы) приобретают эмоционально-оценочный компонент значения.

В коммуникации восклицательное предложение приобретает статус высказывания. В рамках исследования были описаны ситуации выражения эмоций при помощи восклицательных высказываний в русском коммуникативном поведении. Русские используют восклицательные высказывания чаще всего для выражения отрицательных эмоций (65%) при обнаружении отрицательных черт в личности (28%).

Реже русские употребляют восклицательные высказывания в ситуации неприятной неожиданности (19%), а также в ситуации ущемления личности (18%).

Использование восклицательных высказываний для выражения положительных эмоций в русском коммуникативном поведении невелико (35%) и включает следующие ситуации: 1) ситуацию приятной неожиданности (23%); 2) обнаружение положительных черт в личностях (12%).

Литература

1. Филимонова О.В. Язык эмоций в английском тексте / О.В. Филимонова. - Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. - 259с.

2. Паничева П.Н. Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи (в свете антропоцентрической парадигмы) : автореф. дис. … канд. филол.наук / П.Н. Паничева. – Ставрополь, 2004. – 18с.

А.С. Трущинская

Коммуникативное поведение в русском концепте *семья*

Исследование коммуникативного поведения того или иного народа представляет большой интерес. Национальная специфика коммуникативного поведения позволяет интерпретировать ее описание как описание одного из аспектов – коммуникативного аспекта – национальной языковой личности (Стернин 2000).

Данная статья посвящена изучению коммуникативного поведения, отраженного в русском концепте *семья*. Источником материала послужили произведения современной русской литературы.

Нами были проанализированы следующие произведения: *Альтист Данилов* (В. Орлов), *Веселые похороны* (Л. Улицкая), *Второе лицо* (Л. Улицкая), *Закон обратного волшебства* (Т. Устинова), *Замыслил я побег…* (Ю. Поляков), *Зимой в Афганистане* (О. Ермаков), *Кавказский пленный* (С. Маканин), *Казенная сказка* (О. Павлов), *Козленок в молоке* (Ю. Поляков), *Конец века* (О. Павлов), *На верхней Масловке* (Д. Рубина) *Пикник* (А. Курчаткин), *Роковая ошибка* (М. Рощин), *Сквозная линия* (Л. Улицкая), повести и рассказы из сборников Д. Рубиной *Астральный полет души на уроке физики*, *Когда выпадет снег*, В. Токаревой *Маша и Феликс*, Г. Щербакова *Отчаянная осень*. Общее количество проанализированных словоупотреблений составляет около 1000000.

В русском художественном тексте были объективированы следующие коммуникативные признаки исследуемого концепта.

1. В семье бывают ссоры, конфликты (8 примеров).

Это как в нормальной семье, – любовь любовью, а грызня грызней *(Д. Рубина)*.

2. Родственники по-дружески общаются (6 примеров).

А если бы они были родственницами, пришлось бы добавить: “Моей доброй сестре и дорогой кузине...” *(В. Орлов)*

Гена почему-то сразу проникся к Башмакову совершенно родственными чувствами, всюду водил его с собой, все показывал и объяснял. *(Ю. Поляков)*.

3. В семье друг другу дают советы (6 примеров).

После работы Башмаков и Нина Андреевна зашли по дороге домой в магазин, и она по-семейному советовалась с ним, чего и сколько покупать, а после ужина попросила проверить у Ромы уроки *(Ю. Поляков)*.

4. Родители устанавливают нормы поведения детей (5 примеров).

Что она, не сталкивалась со своими родителями, когда они ей преподносили расфасованные по дозам стерильные истины-догмы? *(Г. Щербакова)*.

5. Дети не прислушиваются к советам родителей (3 примера).

И вот на тебе – она сама их глаголет, а дети… *(Д. Рубина)*.

6. В семье есть темы, которые обсуждаются, и темы, которых стараются не касаться (3 примера)

Она сама из строгой семьи, у них тоже о тряпках вслух говорить не принято *(Г. Щербакова)*.

7. В семье обсуждают происходящее (3 примера).

Вся семья поглядела на Витькину надпись “LOVE IS GOD” с таким откровенным равнодушием, что не оставалось никаких сомнений: дома вечером на семейном совете наше появление будет подвергнуто самому тщательному и всестороннему обсуждению *(Ю. Поляков)*.

8. Детям говорят не все. От детей есть секреты (3 примера).

Катя поняла, как осторожно нужно говорить при детях. Неизвестно, что от их взрослых слов у тех прорастает *(Г. Щербакова)*.

9. Каждая семья имеет свой стиль общения (2 примера).

Если бы в их семье употребляли слово “обожаю”, то оно бы сгодилось ей сейчас для выражения восхищения этой девчонкой *(Г. Щербакова)*.

10. Дети должны беспрекословно слушаться родителей (2 примера).

Есть ситуации, когда не обязана мать давать отчет детям, а они обязаны ее беспрекословно слушать *(Г. Щербакова)*.

11. Муж делает замечания жене невербально (2 примера).

Башмаков не упустил возможность и глянул на жену с привычным упреком: вот ведь какие хозяйки бывают! *(Ю. Поляков)*.

12. Отец словесно воспитывает детей (2 примера).

Надо сказать, что Дмитрий Федорович, пока росли дети и он, как отцу положено, воспитывал их словами, что хорошо и плохо, внутренне (Боже, об этом никто не знал) был – как бы это сказать? – скукожен *(Г. Щербакова)*.

13. О матери плохо нельзя говорить (2 примера).

– Цыц! О матери такие слова! – нахмурился Арнольд *(Ю. Поляков)*.

14. Жена отстаивает свои права (2 примера).

Другая жена, может, когда поскандалила бы, когда выгнала бы эту горластую компанию, она же терпела, мучилась и хотела только одного: остаться с сыном вдвоем любой ценой *(Г. Щербакова)*.

15. От отца скрывают проступки детей (2 примера).

– Отцу будем говорить? – спросила мама. С таким же успехом можно было спросить у преступника, сажать его на электрический стул или, может быть, не надо... *(Д. Рубина)*.

16. Мать и бабушка требуют от детей отчета в их действиях, хотят все о них знать (1 пример).

– Женя, я взрослый человек, ты мне не мама и не бабушка… Скажи, почему я должен тебе отчитываться? *(Л. Улицкая)*.

17. Бабушка хвалит внуков (1 пример).

И бабушке очень хотелось рассказать, и чтобы она непременно похвалила! *(Т. Устинова)*.

18. Дети не прекословят родителям (1 пример).

Дети, конечно, молчали, не выражали несогласия, а машинистка Варя, чужой человек, сказала ему прямо: “Вы, Дмитрий Федорович, человек заумный” *(Г. Щербакова)*.

19. С детьми не обо всем можно говорить откровенно (1 пример).

– Мы – дети. А нужен близкий человек, женщина, с которой можно пошептаться на подушке, голова к голове, и понервничать, что на работе неприятности, и встать к окну в трусах – покурить *(Д. Рубина)*.

20. Жена агрессивно реагирует на уход мужа (1 пример).

Ведь диспетчер фирмы мог предупредительно позвонить накануне для подтверждения заказа и нарваться на Катю, а уходить из дому с арьергардными боями, выслушивая проклятия и насмешки жены, он не желал *(Ю. Поляков)*.

21. Муж и жена вместе вспоминают прошлое (1 пример).

Но об этом Олег узнал лишь через несколько лет, когда в разговорах с женой впервые стал мелькать грустно-трогательный вопрос: “А помнишь?..” *(Ю. Поляков)*.

22. Жена ругается, когда муж выпивает (1 пример).

− Скоро узнаете... Он пил?

− Да. Четыре раза заказывал. Даже жена стала ругаться... *(Ю. Поляков)*.

23. Жена не разговаривает с мужем, когда обижена (1 пример).

Как уважающая себя молодая жена, Катя утром в презрительном молчании собиралась и уходила на работу в школу, а потом сердилась на мужа долго и самозабвенно *(Ю. Поляков)*.

24. Родственники рассказывают друг другу о своих проблемах (1 пример).

Вопрос-то простой, человеческий, ей, Леле, в сущности, и ответа на него не надо, она просто так с сестрой поделилась, по-родственному *(Г. Щербакова)*.

25. Родственники могут ругаться друг с другом (1 пример).

Чего это родственники тихо лаются? Наследство делят? *(Г. Щербакова)*.

26. Родственники могут грубо общаться между собой (1 пример).

Голосом тещи он овладел настолько, что Недвижимец начал на него даже по-родственному покрикивать, а потом и поколачивать *(Ю. Поляков)*.

27. Брат понимает все, что чувствует сестра (1 пример).

От брата не скроешься. Брат родной – он все видит. Ему улыбайся, не улыбайся *(Д. Рубина)*.

28. Сын успокаивает мать (1 пример).

Он гладил ее по спине, первый раз в жизни, как взрослый сын, как уже защитник, и в таком новом для себя состоянии ему уже окончательно и с полной ясностью пришло даже не понимание – ощущение, что мать абсолютно права, что красивую помещичью девочку он, конечно, любит, но… *(Г. Щербакова)*.

29. Внуки доверчивы (1 пример).

Всякий раз, наезжая из своего Егорьевска, она потихоньку и почему-то лишь малолетнему внуку наговаривала, будто никакого дедушки Константина никогда и не было:

– С начальником бабка Лиза твоя Людмилку прижила *(Ю Поляков)*.

30. У матери дети ищут утешения (1 пример).

Ну, например, что за любовь полагается бороться… Не плакаться мамочке в жилетку, а бороться… *(Г. Щербакова)*.

31. В разговоре с родителями нужно выбирать выражения (1 пример).

Женя радовалась, что отношения ее с детьми так мало походили на ее собственные отношения с родителями, при которых даже слово "проститутка" произнести было невозможно *(Л. Улицкая)*.

32. С матерью нельзя ругаться (1 пример).

– Вот. Словом, ты, Петь, поваландался, показал ей кузькину душу, и будет. Стыдно с матерью собачиться… *(Д. Рубина)*.

33. Отец не должен в разговоре с детьми говорить непристойности (1 пример).

Мика вдруг пятнами покраснела, словно отец сказал какую-то непристойность, схватила его за руку – как за галстук, – уволокла в кабинет, успев напоследок крикнуть Певцову, что она к нему зайдет, и Валентин остался в приемной с секретаршей *(Т. Устинова)*.

34. Дочь должна уважительно отзываться об отце (1 пример).

Башмакову стало до слез обидно, что фигурирует он в каком-то унизительном козлином контексте, что сравнивают его с этим мерзавцем Вадимом Семеновичем и что родная дочь говорит об отце в третьем лице – "он" *(Ю. Поляков)*.

35. Капризных детей не надо уговаривать (1 пример).

Оказывается, алкоголизм – это болезнь воли, и, значит, волю надо держать под кнутом, как скота, а не уговаривать ее, как капризного ребенка *(В. Токарева)*.

Всего в проанализированных русских художественных произведениях актуализируются 44 признака, характеризующих коммуникативное поведение в семье. Самым частотным актуализируемым признаком концепта *семья* является признак *в семье бывают ссоры, конфликты*. Признаки *родственники по-дружески общаются; в семье можно получить совет* – вторые по частотности. Третий по частотности признак – *родители устанавливают нормы поведения детей.*

Таким образом, концепт *семья*, объективируемый художественным текстом, содержит в своей структуре значительную коммуникативную составляющую. Для русского сознания семья выступает местом интенсивного общения всех ее членов друг с другом; в концепте *семья* отражены многочисленные русские коммуникативные традиции, среди которых выделяются многочисленные регулятивные правила, регламентирующие поведение членов семьи относительно друг друга.

Литература

1. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж, 2000. – С. 4-21. – (http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2000/Sternin1.htm).

Яыковое сознание

Дарья Д. Войводич

Русская и сербская языковые картины мира через призму количественных отношений в паремиях

1. Повышенный интерес к проблеме «человеческого фактора» в современном языкознании определяет методологический характер новых подходов и концепций в лингвистических исследованиях. В основе таких концепций лежит когнитивный аспект различных коммуникативных концептов, правил и установок, образующих коммуникативные категории, которые, «как и любые мыслительные категории, тем или иным образом упорядочивают ментальные представления нации о нормах и правилах коммуникации» [Стернин 2004: 14]. Изучению данных, антропоцентрически и этноцентрически детерминированных категорий, а также структуры человеческого сознания как фактора, формирующего национальную языковую картину мира, посвящен целый ряд работ (см., в частности, исследования русского, сербского и других славянских языков: [Роль человеческого фактора 1988; Попова, Стернин 2001; 2002; Корнилов 2003; Коммуникативное поведение 2004; Коськина 2004: Когнитивнолингвистичка проучавања 2006]).

Некоторые из таких категорий проявляются в паремиях, в том числе и пословицах, представляющих собой традиционные фольклорные высказывания, в которых находят отражение различные стереотипные ситуации, бытовые явления, нормы поведения, факты истории, следы древних верований и представлений, являющиеся неотъемлемым духовным и культурным наследием определенного этноса. В пословицах также отражаются мнения народа, народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Это – изречения-утверждения, согласованные с образом жизни и мыслями множества людей, за пословицами стоит авторитет поколений. Иными словами, в их основе лежат различные универсальные и культурно-национальные коннотации, возникающие в результате вторичной номинации, т.е. переосмысления имени определенных явлений и реалий мира [Телия 1996: 238-269; Войводич, Манчев, Маслова 2004: 54].

Следует отметить, что «в повседневном употреблении пословицы, как правило, используются для каких-то практических, прагматических целей: ими обосновывают свои положения, дают прогнозы, выражают сомнения, упрекают, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются или злорадствуют над кем-то, желают, обещают, разрешают, приказывают или запрещают и т.д.» [Крикман 1978: 94].

Пословицы, как и другие виды паремий, всегда связаны с актуальной ситуацией. «Их функционирование, использование носителями языка всегда обусловлено поводом, причиной. Именно в разных речевых ситуациях обнаруживается настоящая природа пословицы. Суждение, заключенное в них, интересно не столько само по себе, сколько тем, что может применяться ко множеству сходных жизненных случаев, ситуаций» [Войводич, Манчев, Маслова 2004: 54].

2. В предлагаемой вниманию читателей работе рассматривается особый тип русских и сербских пословиц, структурно-семантическую основу которых составляют, прежде всего, различные сочетания числительных и их количественные отношения, отражающие как универсальную, так и национальную специфику языковой картины мира, т.е. менталитет и мировосприятие близкородственных народов, принадлежащих к одному и тому же культурному и конфессиональному ареалу (*Pax Slavia Orthodoxa*).[13]

Можно предположить, что между двумя сопоставляемыми славянскими языками в данном аспекте – именно по причине их близкородственности – не должно быть значительных различий.[14]

В настоящем анализе пословиц мы попытаемся использовать, в первую очередь, модель (систему) бинарных оппозиций. Этот метод уже применялся в изучении паремий (см., в частности, [Дандис 1978; Кууси 1978]). В связи с этим следует отметить, что в создании и

---

[13] Ряд вопросов по данной тематике (русская и сербская языковые картины мира, стереотипные ситуации, нормы поведения и т.п.) был уже предметом подробного описания (см., в частности, [Коммуникативное поведение 2004]). Однако количественные отношения в когнитивном (лингвокультурологическом) аспекте в двух, здесь сопоставляемых языках до сих пор специально не затрагивались. Следует добавить, что после опубликования статьи (1927 г.) И.А. Бодуэна де Куртенэ о количественности в языковом мышлении и необходимости ее многоаспектного изучения (см. [Бодуен де Куртене 1988]) данная проблема постоянно привлекает внимание лингвистов (см., в частности, [Супрун 1969; Панфилов 1977; Пипер 1982; Дегтярев 1984; Теория функциональной грамматики 1996; Логический анализ языка 2005]).

[14] На это указывают и П. Пипер и И.А. Стернин, которые, рассматривая коммуникативное поведение русских и сербов, отмечают, что «контрастивное описание коммуникативного поведения русских и сербов позволяет говорить о том, что различия в коммуникативном поведении этих двух народов, несомненно, существуют, но эти различия характеризуются в большинстве случаев не наличием/отсутствием тех или иных коммуникативных фактов, а степенью их проявления в общении, частотностью встречаемости» [Пипер, Стернин 2004: 3].

функционировании пословиц важную роль играет синтаксическая симметрия. Именно она присуща количественным пословицам и очень часто может быть связана – в плане восприятия – как с достижением эффекта семантической симметрии и эвфонии, так и эффекта контраста (см. [Крикман 1978: 88]).

В ходе анализа паремий, в которых основными составными компонентами являются числительные, вступающие в специфические взаимоотношения, были выявлены следующие типы количественных отношений[15], которые чаще всего отражают как эмоционально-оценочный, так и нравственно-ценностный характер обыденного сознания, участвующего в концептуализации национального коммуникативного поведения и языковой картины мира:[16]

2.1. «Недостаточность одного». Настоящее количественное отношение проявляется в двух случаях.

2.1.1. Выражение «невозможности». Когда числительное *один* связано с модальным значением потенциальности (невозможности), на что указывает и частое употребление формы 2 л. ед. ч. настоящего-будущего СВ в русском языке, используются пословицы типа:

(1) *За **один** раз дерева не срубишь (На **један** пут се раст не посијече / Од **једног** удара дуб не пада);*

(2) ***Једна** ласта не чини пролећа (**Одна** ласточка весны не делает);*

(3) ***Један** дирек не може две куће одржати (На **одном** полозу далеко не уедешь).*

2.1.2. Выражение «одиночества». В качестве иллюстрации данного выражения (одиночества и его преодоления) приведем следующий пример:

(4) ***Одному** жить – сердцу холодно / **Одному** и у каши неспоро / **Один** и в каше загинет (утонет) (**Сам** чоек није добар ни на вагану).*

В данном типе отношений выражается относительно устойчивая социальная установка в поведении любого человека в значении «быть как

---

[15] В настоящем анализе мы используем классификацию, проведенную известным финским фольклористом и паремиологом М. Кууси [Кууси 1978], и, в частности, классификацию выдающегося русского паремиолога Г.Л. Пермякова [Пермяков 1978]. Сопоставление паремий проводится здесь, главным образом, на материале двуязычного сербско-русского сборника пословиц и поговорок Е.Ж. Гильотен [Гиљотен 1987]. В качестве источников примеров послужили и сборники пословиц В.И. Даля [Даль 1984], И.М. Панина [Панин 1990] и Г.Л. Пермякова [Пермяков 1986].

[16] Речь идет, прежде всего, о пословицах, представляющих собой либо оценочные суждения (включающие в себя «бинарный» концепт типа «хорошо — плохо» и т.п.) относительно социально значимых ситуаций, либо констатирующие или предписывающие суждения (включающие в себя концепты типа «честь», «мужество», «щедрость», «верность», «подлость», «измена» и т.п.), сами по себе представляющие ценность для членов языкового сообщества, как лексикализованные фрагменты коллективного жизненного опыта [Корнилов 2003: 274]; ср. также [Стернин 2004: 14-15].

все», «быть вместе со всеми» (ср. [Сергеева 2004: 148 и сл.]), что является характерным как для русских и сербов, так и для большинства других славян, особенно православных, у которых «принцип соборности» выполняет весьма значительную функцию в повседневной жизни – либо семейной, либо общественной. Такое качество русской ментальности некоторые исследователи относят к дохристианской эпохе – эпохе язычества, когда дух коллективизма играл важнейшую роль в личной жизни каждого члена сообщества (ср., в частности, [Сергеева 2004: 161-162]).

Ср. также следующие пословицы:

(5) ***Одной*** *рукой узла не завяжешь (****Једном*** *руком ни у мору се не мож' умит');*

(6) ***Один*** *раз не в счет (****Једном*** *ко ниједном);*

(7) ***Одна*** *пчела немного меду натаскает (На* ***једном*** *се волу не може орати);*

(8) *Два арбуза в* ***одной*** *руке не удержишь (Две лубенице се под* ***једну*** *мишку не носе);*

(9) *В* ***одиночку*** *не сдвинешь кочку (Јача су двојица него* ***сам*** *Радојица).*

(10) ***Один*** *в поле не воин;*

(11) ***Одна*** *рука и в ладоши не бьет;*

(12) ***Одна*** *речь не пословица.*

2.2. «Одного достаточно». Данное отношение связано, в первую очередь, с ситуациями, в которых подчеркивается отрицательный (неисправимый) признак поведения (поступка) кого-либо или указывается на носителей эффективных действий, приводящих к окончательным последствиям. Ср.:

(13) ***Одна*** *паршивая овца все стадо портит (****Једна*** *шугава овца цело стадо ошуга);*

(14) *Што* ***један*** *луд баци камен у бунар, десет паметних не може га извадити (Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат)*[17]*;*

(15) *Двух смертей не бывает, а* ***одной*** *не миновать / Двум смертям не бывать,* ***одной*** *не миновать (Двије смрти не чекају, а* ***једна*** *не мањка / Од двије смрти нико не гине /* ***Једанпут*** *се умире).*

Ср. также:

(16) ***Один*** *вор – всему миру разорение;*

---

[17] Отметим, что числительное *один* в русском языке не является обязательным в качестве определения (при существительном), так как такое употребление может иметь значение избыточности: ср., в частности, русские пословицы-примеры (14), (20), (24), (26), (68), в которых данное числительное лишь подразумевается; в сербском языке употребление данного числительного в такой (атрибутивной) функции является, как правило, регулярным; ср. все-таки сербские примеры-пословицы (19) и (25), как редкие случаи отступления от этого правила. Данное числительное в славянских языках может иметь и «скрытое» значение неопределенного артикля, что особенно ярко проявляется в сербском языке (ср. [Ивић 1971]).

(17) *Богатырская рука два раза не бьет, с* ***одного*** *все кончает* (из сказки).

Ср. пример с положительным признаком:

(18) *И* ***один*** *глаз, да зорок, не надобно сорок (Мудрој глави* ***једно*** *око доста).*

2.2.1. «Один лучше двух». В данной разновидности отношений, отражающих ситуации, в которых говорящий желает подчеркнуть приоритет качества (кого-/чего-либо) над количеством, используются следующие типы пословиц:

(19) ***Один*** *час до полуночи лучше, чем* ***два*** *часа после нее (Сат спавања пре поноћи боље* ***два*** *по поноћи);*

(20) *Бољи је* ***један*** *стари пријатељ него* ***два*** *(сто) нова (Старый друг лучше новых* ***двух).***

Ср. также (отношение «один равнозначен двум»):

(21) ***Одна*** *птица в руках, стоит* ***двух*** *в кустах.*

2.3. Отсутствие одного элемента не препятствие – «можно обойтись без кого-то». Когда кто-либо не приходит к назначенному времени, тогда его долго не ждут, а начинают заниматься запланированным делом. В таком случае говорят:

(22) *Семеро* ***одного*** *не ждут (Два* ***трећега*** *не чекају).*

Данное значение наглядно обнаруживается в следующем контексте:

(22а) – *Сколько сейчас времени?*

– *Уже пять часов.*

– *Нам нужно ехать, а то мы опоздаем. (...)*

– *Где же Лева, он вечно опаздывает!*

– *Давайте подождем немного.*

– *Хорошо, ждем еще пять минут. (...)*

– *Где же Лева?*

– *Я думаю, что его не нужно больше ждать.*

– *Семеро* ***одного*** *не ждут. Поехали!* [Панин: 56-57]

2.4. Два лучше/сильнее одного. В противоположность типу отношений в п. 2.2.1, в данном случае подчеркивается важность количества, например:

(23) ***Две*** *головы лучше* ***одной*** *(****Два*** *магарца знају више од* ***једног);***

(24) ***Два*** *лоша избише Милоша (****Двое – одному*** *рать);*

(25) ***Две*** *маленькие собачки большую едят (****Два*** *љешника ораху (су) војска);*

(26) *Ум хорошо, а* ***два*** *лучше (Четири ока боље виде, него два).*

2.5. «Два соперника не ладят на одном месте». Настоящее отношение является отражением ситуаций, в которых говорящий желает указать на несовместимость двух тождественных лиц или предметов. Для выражения такого значения используются пословицы типа:

(27) ***Два*** *медведя в* ***одной*** *берлоге не живут (****Два*** *ата на* ***једним*** *јаслама бити не могу);*

(28) ***Два*** *пеливана на* ***једном*** *конопу не могу играти (****Двум*** *головам на* ***одних*** *плечах тесно).*

2.6. О первом. Можно заметить, что действие, совершаемое впервые, часто требует особых усилий или приводит к неуспешному результату. Ср.:

(29) ***Первый*** *блин комом* / ***Первых*** *щенят за забор мечут* (***Први*** *се мачићи у воду (море) бацају* /***Први*** *се штенци у бару бацају);*

(30) *Кому* ***первая*** *чарка, тому и* ***первая*** *палка (Кому се више да од тогај се више и пита).*

Ср. также употребление данного порядкового числительного в противоположном – положительном – значении:

(31) *Лучше быть* ***первым*** *в деревне, чем вторым в городе (Боље бити* ***први*** *у селу него други у граду);*

(32) *Гость* ***первый*** *день – золото, на другой – олово (Сваког госта три дана доста).*

2.7. Три – «идеальная законченость» (= «поставитъ точку над и»). *Три* – часто встречается во всем народном творчестве. *Три* – символизирует надежность, положительное значение, законченость, целость того, что имеет начало, середину и конец. *Три* – это святая Троица: Отец – Сын – Святой Дух; отец – мать – ребенок; прошлое – настоящее – будущее; длина – ширина – высота. Для православных, в том числе и для русских и сербов, цифра *3* имеет особенное значение. Так, например, русские (а также сербы и другие православные) при встрече троекратно целуются (ср. у католиков, у которых двукратно целуются, или у мусульман, у которых четырехкратно целуются). Ср:

(33) *Бог любит* ***троицу*** *(До* ***три*** *пут Бог помаже / Без* ***треће*** *није среће);*

(34) *Гость до* ***трех*** *дней (Најмилијег госта* ***три*** *дана је доста).*

2.7.1. Отношение градации (о *пянстве*). Обычно встречаются (взаимосвязанные) числа *один (первый), два (второй*) и *три (третий),* указывающие на степени или интенсивность происходящего (здесь *пьянства*). Ср.:

(35) ***Первая*** *рюмка колом,* ***вторая*** *соколом,* ***третья*** *мелкими пташечками /* ***Первая*** *чарка крепит,* ***вторая*** *веселит, а* ***третья*** *морит* (***Прва*** *чаша чини човека јагњетом,* ***друга*** *лавом,* ***трећа*** *свињом);*

Ср. также в рус. (противоположные отношения градации «плохо/хуже всего → не совсем плохо/лучше → хорошо/лучше всего» VS. «хорошо/лучше всего → не очень хорошо/хуже → плохо/хуже всего»):

(36) *Один сын – не сын, два сына – полсына,* ***три*** *сына – сын;*

(37) *Один – тайна, два – полтайны,* ***три*** *– нет тайны.*

2.8. Четыре – «кажущаяся прочность / преимущество». *Четыре* – очень редко встречается не только в пословицах, но и в целом народном творчестве. Как правило, данные количественные отношения в русском и сербском языках не совпадают. Ср.:

(38) *Конь о* ***четырех*** *ногах, да (и тот) спотыкается (И коњ од* ***сто*** *дуката посрће);*

(39) ***Четири*** *ока боље виде, него два (Ум хорошо, а* ***два*** *лучше).*

Ср. также в рус. (отношение «за что купил, за то и продал» в значении «заниматься пустым делом»):

(40) *Покупала по **четыре** денежки, а продавала пару по два грошика.*

2.9. Семь – «магическое число». Число *семь* испокон веков считалось особенным,[18] даже священным. Оно было очень распространено (ср. семь дней в неделе, семь чудес на свете, семь планет (небесных светил) на небе (пока не открыли новые), семь мудрецов на свете было и т.д.). Источником возникновения большого количества пословиц с цифрой *7* является в первую очередь Библия, т.е. ветхозаветные мотивы: за семь дней Господь вселенную сотворил (6 дней создавал, а седьмой день отдыхал от дел своих); толкование Иосифом сна фараона о семи тучных и семи тощих коровах и т.д., а также новозаветные мотивы: семь хлебов, которыми Иисус Христос накормил людей; в откровении Апостола Иоанна (семь печатей, семь труб, семь персонажей, семь чаш, семь язв, семь новых явлений, семь церквей), семь Таинств и т.д.

Семь, как правило, имеет (переносное) значение «большое количество» («много», «чересчур»). Ср.: следующие русские пословицы и их сербские эквиваленты, являющиеся, по сути дела, семантической интерпретацией русских пословиц:

(41) *Из **семи** печей хлебы едал* (=«опытный») *(Из **много** фуруна јео хлеба);*

(42) *У **семи** нянек дитя без глазу (Ће је **много** бабица, килава су ђеца).*

Цифра *7* используется и в значении («достаточно»). Данное значение наглядно обнаруживается в употреблении следующей (уже приведенной) пословицы (см. примеры 22 и 22а):

(43) ***Семеро** одного не ждут (**Два** трећега не чекају).* [19]

Настоящая цифра используется в самых различных ситуациях. Так, если хотят сказать, что не стоит спешить, а все надо сделать обдуманно и обстоятельно, то используют следующую пословицу (в качестве прескрипции (совета) народной мудрости):

(44) ***Семь** раз примерь (отмерь), один раз отрежь (**Седам** крат одмјери, а једном острижи).*[20]

Эта цифра намного чаще употребляется в русских пословицах, чем в сербских. В сербском и других славянских языках в качестве аналога русской цифры *7* могут использоваться и другие цифры, как, например, цифра *9*. Ср. следующий пример:

(45) ***Семеро** капралов над одним рядовым (Два хајдука **девет** капетана).* [21]

---

[18] «Цифра 7 считалась особенной, и в древнерусском языке слово «седьмица» обозначало неделю» [Сергеева 2004: 137]; ср. также серб. *седмица* (=«неделя»).

[19] Ср. болг.: ***Трима** едного не чакат.*

[20] Ср. также вариант данной пословицы в сербском языке: ***Двапут** мјери, трећом крој.*

Ср. также следующие пословицы:

(46) *Жил* ***семь*** *лет, выжил* ***семь*** *реп, да и тех нет (Једна репа целог лета, и она шупља);*

(47) ***Семь*** *бед – один ответ (Куд пукло да пукло / Што буде да буде);*

(48) *Один с сошкой,* ***семеро*** *с ложкой;*

(49) ***Семь*** *тапоров вместе лежат, а две прялки врозь;*

(50)*У* ***семи*** *пастухов нет стада;*

(51) ***Семеры*** *яства, а все одна редька*.

Ср. также употребление данной цифры для выражения «преодоления чего-либо»:

(52) ***Семеро*** *верст до небес и все лесом* („преодоление трудностей“);

(53) *К милому дружку –* ***семь*** *верст не околица* (Сергеева 2004: 124) („преодоление трудностей для какой-нибудь цели“).

2.10. Сорок, сто, триста – значение «бесчисленности». *Сорок* и *сто* – обозначают «очень много», «бесчисленное количество».[22] Отметим, что в сербском языке, кроме *сто,* употребляется и *триста,* тоже в таком же значении. Следует добавить, что количественные отношения в данном типе пословиц в двух сопоставляемых языках, как правило, формально не совпадают. В нашем материале мы обнаружили всего лишь один пример (55) совпадения. Ср.:

(54) *И один глаз, да зорок, не надобно* ***сорок*** *(Мудрој глави једно око доста);*

(55) ***Сто*** *голов,* ***сто*** *умов (****Сто*** *људи* ***сто*** *ћуди);*

(56) *И коњ од* ***сто*** *дуката посрће (Конь о четырех ногах, да (и тот) спотыкается);*

(57) *Једна смрт,* ***триста*** *узрока (Смерть причину найдет);*

(58) *Не имей* ***сто*** *рублей, а имей* ***сто*** *друзей (Где су пријатељи, ту је и богатство).*

Ср. также следующие пословицы:

(59) *Лучше* ***сто*** *раз отказать, чем один раз не исполнить обещанного (Боље је обећи него ријеч не држати);*

(60) *Бољи је драм среће, него* ***сто*** *ока памети (Счастье дороже ума);*

(61) ***Стотину*** *малијех чини једно велико (Из* ***многих*** *малых выходит одно большое);*

---

[21] Ср. эквиваленты пословиц (42) и (44) в болгарском языке: ***Девет*** *баби – килаво дете;* ***Девет*** *премери, едно отрежи* (см. также сноску 8); ср. также сербские и болгарские эквиваленты примера-пословицы (43).

[22] Ср. использование для данного значения («очень много») других лексико-семантических показателей, имеющих в руском и сербском языках один и тот же денотат, а разные сигнификаты: (рус.) *сорок сороков (В Москве сорок сороков церквей)* – (серб.) *на стотине (Москва има на стотине цркава*). Добавим, что в семантической основе приведенной русской поговорки лежит конкретный исторический факт, связанный с административным устройством московских храмов (церкви в Москве были когда-то разделены на благочиннические округи (благочиния) по сорокам). Ср. также: (рус.) *сороконожка* – (серб.) *стонога.*

(62) *Пријети човеку* ***сто*** *смрти, а једна га прођ' не може (Двум смертям не бывать, одной не миновать);*

(63) ***Триста*** *бата по туђијем леђима не боли ништа (Чужая шкура не болит);*

(64) *Сидела (или: Служила)* ***сорок*** *лет, высидела* ***сорок*** *реп, да и тех нет* (ср. *Долго сидели, да ничего не высидели);*

(65) *Хорошая работа* ***сто*** *лет живет*.

2.11. Половина – значение «достаточности». В ситуациях, когда хочется подчеркнуть положительный признак или качество, присущее кому-/чему-либо, используются, в частности, пословицы, выражающие значение/отношение «достаточности» (достаточности *половины*), как в следующих примерах (ср. «достаточность» *одного,* связанную с отрицательным признаком в п. 2.2):

(66) *Доброе начало –* ***половина*** *дела / Доброе начало –* ***полдела*** *откачало (Ко добро почне, он је* ***на пола*** *радње).*

(67) *Мудрый слышит в* ***полслова*** *(Мудрој глави једно око доста).*

2.12. «Суммарные» отношения (отношения «отождествления» – «уподобления»). Данные отношения чаще всего связаны с числительным *два.* Ср.:

(68) *Гусь да баба – торг;* ***два*** *гуся,* ***две*** *бабы – ярмарка / Где баба, там и рынок; где* ***две,*** *там базар (****Три*** *жене и* ***једна*** *гуска чине вашар);*

(69) ***Два*** *брата с Арбата, и* ***оба*** *горбаты (****Два*** *дедака* ***обадва*** *једнака);*

(70) ***Два*** *пут је чоек у своме вијеку весео:* ***првом*** *кад се ожени, а* ***другом*** *кад жену укопа (****Дважды*** *жена мила бывает: как в избу введут да как вон понесут).*

3. В заключение добавим, что настоящий список количественных отношений не полон, но все же можно сделать некоторые предварительные выводы.

3.1. Для количественных пословиц характерным является логическое ударение на числительных, выражающих в большинстве случаев бинарные противопоставления [Кууси 1978]. На основе сопоставительного анализа пословиц двух близкородственных языков данные противопоставления можно представить следующим образом (классификация по первому дескриптивному члену – числительному пословицы):

3.1.1. Соотношения числительных, выявляемых в обоих языках:

1-й дескриптивный член	Бинарные оппозции
1	*один : ноль, один : один, один : два, один : три, один : десят, один : «немного», один : «много», один + один = «много» («множество»)*
2	*два : один, два : два, два + два = «много» («множество»)*
3	*три : один*

7	*семь : один*
100	*сто : один, сто : сто*
«минимум»	*«минимум» (начало) : половина*
1-й	*первый : второй, первый : второй : третий*

3.1.2. Соотношения числительных, выявляемых только в рус. яз.:

1-й дескриптивный член	Бинарные оппозции
1	*один : четыре; один : сорок*
7	*семь : семь*
40	*сорок : сорок*
1-й	*первый : первый*

3.1.3. Соотношения числительных, выявляемых только в серб. яз.:

1-й дескриптивный член	Бинарные оппозции
1	*један : сто, један : триста*
2	*два : девят*
3	*три + један = «много» («множество»)*
300	*триста : један*

3.2. Следует также отметить, что построение пословиц всегда связано с характером ее дескриптивных элементов. Данные элементы состоят из двух частей – интерпретируемой и интерпретирующей.[23] По характеру дескриптивных элементов пословицы можно разделить на неоппозитивные и оппозитивные.

Пословицы, состоящие из одного дескриптивного элемента, являются неоппозитивными, например: ***Первых*** *щенят за забор мечут* / ***Первый*** *блин комом* (***Први*** *се штенци у бару бацају* / ***Први*** *се мачићи у воду (море) бацају)*.

Пословицы, имеющие в своем составе два дескриптивных элемемента и более, могут быть как неоппозитивными (*Кому* ***первая*** *чарка, тому и* ***первая*** *палка <Кому се више да од тогај се више и пита>*)[24], так и оппозитивными (***Один*** *час до полуночи лучше, чем* ***два*** *часа после нее <****Сат*** *спавања пре поноћи боље* ***два*** *по поноћи>).*

[23] В связи с этим ср. определение пословицы у А. Дандиса: «Пословицы – это традиционные фольклорные высказывания, состоящие по крайней мере из одного дескриптивного элемента, который, в свою очередь, состоит из темы и толкования» [Дандис 1978: 32].

[24] Здесь повторение (повтор) первого члена дескриптивной группы указывает на равенство элементов (А = Б), т.е. тема и толкование обоих членов параллельны друг другу и не находятся в оппозиции (ср. [Дандис 1978: 22-25]).

У оппозитивных пословиц наличие первого элемента часто подразумевает отсутствие последнего *(У **семи** нянек дитя без **глазу** <Ђе је **много** бабица, килава су ђеца>).*

Неоппозитивные пословицы могут быть как буквальными, так и метафорическими. **Буквальные** (определяющие) напоминают (вернее представляют собой) афоризмы или т.наз. максимы типа: *Гусь да баба – торг; **два** гуся, **две** бабы – ярмарка (**Три** жене и **једна** гуска чине вашар).* **Метафорические** могут быть представлены пословицами типа ***Два** брата с Арбата, и **оба** горбаты / **Два** сапога **пара** (**Два** дедака **обадва** једнака),* где повторение дескриптивных элементов в виде метафорической перифразы представляет собой параллельные отношения интерпретируемой и интерпретирующей частей и где оба элемента, взятые только вместе, являются описательной передачей смысла другого выражения или слова – в нашем примере слова, значение которого можно выразить словосочетанием *глупые люди*).

3.3. Числительные, как правило, не используются в качестве метафорических и подобных переосмыслений; лишь в сочетаниях (выражениях) с субстантивными словами и в стилистически окрашенных оборотах они могут участвовать в проявлении метафорического, метонимического и подобных отношений в пословицах (о метафоре, сравнении, метонимии и перифразе в фразелогических единствах, в том числе и пословицах, см., в частности, [Мршевић-Радовић 1987: 35-46]). В качестве иллюстрации приведем следующие примеры – типы переосмыслений:

(1) *Гость **первый день – золото**, на **другой – олово** (Сваког госта три дана доста)* (**метафора**);

(2) ***Једанпут као ниједанпут** (**Один** раз не в счет); **Один** час до полуночи **лучше, чем два** часа после нее (Сат спавања пре поноћи **боље два** по поноћи)* (**сравнение**);

(3) ***Первая рюмка** колом, **вторая** соколом, **третья** мелкими пташечками / **Первая** чарка крепит, **вторая** веселит, а **третья** морит (**Прва чаша** чини човека јагњетом, **друга** лавом, **трећа** свињом)* (соотношение **метонимии** (здесь смежности содержащего и содержимого) и **сравнения**);

(4) ***Два брата с Арбата**, и оба горбаты (**Два дедака** обадва једнака)* (**перифраза**).

3.4. Отметим, что в анализируемых пословицах наблюдается прагматическо-аксиологический характер их употребления. Иными словами, «пословица не может что-нибудь приказать, запретить, разрешить, посоветовать, не признав предварительно хорошим или плохим (или аксиологически безразличным) либо само действие, о котором идет речь, либо нечто, связанное с этим действием, например, его цель, средство, интенсивность, темп, место, время и т.п. Эти оценки должны в свою очередь исходить из каких-нибудь познанных закономерностей, эмпирических истин или, по крайней мере, обиходных мнений или

религиозных представлений» [Крикман 1978: 95]. Таким образом, они способны выражать ряд различных функций, связанных с прагматическими целями, возникающими в общении между говорящим и собеседником.

В связи с этим добавим, что в рассмотрении семантики пословиц и их контекстуального назначения принято, в частности, использовать шкалу их функций, состоящую из утверждения, оценки и предписания (подробнее об этом см. [Крикман 1978: 94 и сл.]).

В качестве иллюстрации приведем следующие примеры-пословицы:

(1а) *Из **одного** дерева икона и лопата (Из **једнога** дрвета икона и лопата); **Једна** кожа не може **два** меса дати (С **одного** вола **двух** шкур не дерут); **Један** дирек не може **две** куће одржати (На **одном** полозу далеко не уедешь)* (**утверждение**);

(1б) ***Одной** ногой в могиле стоит (**Једном** је ногом (већ) у гробу); **Две** головы лучше **одной** (**Два** магарца знају више од **једног**)* (**утверждение-оценка** – как переходный тип между утверждением и оценкой);

(2а) *Лучше быть **первым** в деревне, чем **вторым** в городе (Боље бити **први** у селу него **други** у граду)* (**оценка «хорошо»**);

(2б) ***Одной** рукой дает, **другою** отнимает (**Једном** руком даје а **двјема** узима);* (**оценка «плохо»** – «скупость», «жадность»);

(3) ***Семь** раз отмерь, **один** раз отрежь (**Седам** крат одмјери, а **једном** острижи / **Двапут** мјери, **трећом** крој)* (**предписание** или прескрипция, совет народной мудрости).

3.5. Отметим также, что чаще всего встречаются цифры *один* и *два,* и обычно они находятся в парах (***Один** час до полуночи лучше, чем **два** часа после нее.*). Иногда предпочетается *первый* член / *один* (*Лучше быть **первым** в деревне, чем **вторым** в городе*), иногда *второй / два* (***Две** головы лучше **одной***), а иногда попадаются пословицы, когда *один* > / = *двум* (ср. [Дандис 1978: 30]), например: ***Одна** птица в руках, стоит **двух** в кустах;* ср. также отношение уподобления: ***Два** брата с Арбата, и **оба** горбаты.*

Числительные *один, два* и *три* чаще всего одинаково употребляются в пословицах двух сопоставляемых языков. В пословицах, где упоминается числительное *два,* чаще всего упоминается и числительное *один.* Числительные *семь* и *сто* очень редко совпадают в сопоставляемых языках (причем *семь*, характерное для русского языка, в сербском встречается очень редко, а *сто,* которое часто употребляется в сербских пословицах, весьма редко используется в русских). Числительное *четыре* в данных примерах не совпадает вообще, так как в каждом из сопоставляемых языков используется в разных типах количественных отношений. На основе анализируемого материала можно сделать вывод, что числительные *девять* и *триста* вообще не употребляются в русских пословицах.

3.6. Необходимо добавить, что в русских и сербских пословицах наблюдается больше совпадений, чем несовпадений. Из представленного материала 58% пословиц совпадает в употреблении числительных, 42% –

не совпадает. Кроме того, из 58% совпадающих пословиц 33% имеют отличия в употреблении субстантивных лексем (существительных), сочетающихся с числительными, в то время как в остальных (67%) употребляются лексемы с относительно одинаковым значением. Подобное отношение наблюдается и в группе несовпадающих пословиц, где из 42% несовпадений 32% из них отличается употреблением различных субстантивных лексем, в остальных (68%) используются в принципе лексемы с одним и тем же значением. Следовательно, количество пословиц, различающихся или совпадающих в употреблении субстантивных лексем, сочтающихся с числительными, почти совпадает в двух группах пословиц.

Проведенный анализ семантического наполнения «квантификативных» концептов («недостаточность одного» («невозможность», «одиночество»), «одного достаточно», «один лучше двух», «можно обойтись без кого-то», «два соперника не ладят на одном месте», «идеальная законченость», «кажущаяся прочность / преимущество», «магическое число» / «большое количество», «бесчисленность», «достаточность», «отождествление»), отражаемых в паремиях двух сопоставляемых славянских языков, показал, что данные концепты обладают определенной степенью как универсальности, так и специфичности в каждом отдельно взятом языке. Однако нюансы специфики национальных концептов (представляющих собой, как правило, национальные ценностные категории) не всегда очевидны.

В рассмотренных пословицах наблюдается частичное совпадение языковой картины мира русского и сербского народов, что говорит о их общем паремиологическом наследии. Но вместе с тем следует отметить, что несмотря на сходство сопоставляемых языков в данном плане, между ними наблюдаются и различия, которые можно объяснить разными, прежде всего исторически обусловленными обстоятельствами в жизни двух близкородственных славянских народов. Сопоставительные исследования данного типа могут быть использованы как лингвокультурологический материал при изучении соответствующих языков в иноязычной аудитории.

Источники и литература

1. Бодуен де Куртене Јан. Појам количине у језичком мишљењу // Ј. Бодуен де Куртене. Лингвистички списи / Превео и приредио П. Пипер. Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1988. С. 207-224 [= J. Baudouin de Courtenay. Ilościowość w myśleniu językowym // Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski. T. I. Kraków. S. 3-18].

2. Войводич Д[ойчил], Манчев В., Маслова А.Ю. Русские, болгарские и сербские императивные паремии-высказывания и их лексико-семантическое наполнение // Проекты по сопоставительному изучению

русского и других языков / Отв. ред. Б. Станкович. Београд: Славистичко друштво Србије / Филолошки факултет, 2004. С. 54-61.

3. Гиљотен Јелизавета Ж. Српскохрватско-руски паремиолошки речник // Славистички зборник. Књ. II: Вук и словенске културе. Београд: Савез славистичких друштава Србије, 1987. С. 55-122.

4. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сб. в 2-х тт. М.: Художественная литература, 1984.

5. Дандис Алан. О структуре пословицы (пер. с англ. Г. Пермякова) // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Ред. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1978. С. 13-34.

6. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1984. – 25 с.

7. Ивић Милка. Лексема *један* и проблем неодређеног члана // Зборник за филологију и лингвистику. № XIV/1. Нови Сад, 1971. С. 103-120.

8. Когнитивнолингвистичка проучавања српског језика. Зборник радова / Уред. П. Пипер. Београд: САНУ, 2006. – 400 с.

9. Коммуникативное поведение. Вып 19: Коммуникативное поведение славянских народов (русские, сербы, чехи, словаки, поляки) / Науч. ред. П. Пипер, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2004. – 228 с.

10. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книжный дом «ЧеРо», 2003. – 349 с.

11. Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: Образно-ассоциативный и прагмастилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент». Дис. ... канд. филол. наук. Омск: Омский гос. ун-т, 2004. – 202 с. (см. также: http://refu.ru/refs/105/1860/1.html или http:// referat.onru.ru/ref/op/9617/)

12. Крикман А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Ред. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1978. С. 82-104.

13. Кууси Матти. К вопросу о международной системе пословичных типов (Опыт классификации количественных пословиц) (пер. с англ. Г. Погибенко) // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Ред. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1978. С. 53-81.

14. Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. – 672 с.

15. Мршевић-Радовић Драгана. Фразеолошке глаголско-именичке синтагме у савременом српскохрватском језику. Београд: Филолошки факултет, 1987. – 163 с.

16. Панин И.М. Алеша собирает пословицы и поговорки. М.: Русский язык, 1990. – 110 с.

17. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М.: Наука, 1977. – 287 с.

18. Пермяков Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Ред. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1978. С. 105-135.

19. Пермяков Г.Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок. Москва – София: 1986.– 87 с.

20. Пипер Предраг. О типовима квантификатора у српскохрватском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. № 11/2. Београд, 1982. С. 93-103.

21. Пипер П., Стернин И.А. О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов (русская и сербская коммуникативные культуры) // Коммуникативное поведение. Вып 19: Коммуникативное поведение славянских народов (русские, сербы, чехи, словаки, поляки). Воронеж: Истоки, 2004. С. 3-10.

22. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

23. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. – 59 с.

24. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. – 213 с.

25. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта / Наука. 2004. – 328 с.

26. Стернин И.А. Национальное коммуникативное сознание и его исследование // Зборник Матице српске за славистику. № 65-66. Нови Сад, 2004. С. 7-29.

27. Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск: Вышейшая школа, 1969. – 232 с.

28. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультуролгический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

29. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. – 264 с.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

(Таблицы совпадения и несовпадения числительных в русских и сербских пословицах)

4.1. Совпадения

Русские пословицы	Сербские пословицы
*За **один** раз дерева не срубишь.*	*На **један** пут се раст не посијече /*

	*Од **једног** удара дуб не пада.*
***Одна** ласточка весны не делает.*	***Једна** ласта не чини пролећа.*
*На **одном** полозу далеко не уедешь.*	***Један** дирек не може две куће одржати.*
*С **одного** вола **двух** шкур не дерут.*	***Једна** кожа не може **два** меса дати.*
***Одному** жить – сердцу холодно / **Одному** и у каши неспоро / **Один** и в каше загинет (утонет).*	***Сам** чоек није добар ни на вагану.*
***Одной** рукой узла не завяжешъ.*	***Једном** руком ни у мору се не мож' умит'.*
***Один** раз не в счет.*	***Једном** ко **ниједном**.*
***Одна** пчела немного меду натаскает.*	*На **једном** се волу не може орати.*
***Одна** паршивая овца все стадо портит.*	***Једна** шугава овца цело стадо ошуга.*
*И **один** глаз, да зорок, не надобно сорок**.***	*Мудрој глави **једно** око доста.*
***Один** час до полуночи лучше, чем **два** часа после нее.*	*Сат спавања пре поноћи боље **два** по поноћи.*
*Старый друг лучше новых **двух.***	*Бољи је **један** стари пријатељ него **два** (сто) нова.*
*Дурак в воду камень закинет, **десятеро** умных не вытащат.*	*Што **један** луд баци камен у бунар, **десет** паметних не може га извадити.*
***Два** арбуза в **одной** руке не удержишь.*	***Две** лубенице се под **једну** мишку не носе.*
***Два** брата с Арбата, и **оба** горбаты.*	***Два** дедака **обадва** једнака.*
***Двух** смертей не бывает, а **одной** не миновать / **Двум** смертям не бывать, **одной** не миновать.*	***Двије** смрти не чекају, а **једна** не мањка / Од **двије** смрти нико не гине .*
Две** головы лучше **одной.	***Два** магарца знају више од **једног.***
***Двое – одному** рать.*	***Два** лоша избише Милоша.*
***Две** маленькие собачки большую едят.*	***Два** љешника ораху (су) војска.*
***Два** медведя в **одной** берлоге не живут.*	***Два** ата на **једним** јаслама бити не могу.*
***Два** пеливана на **једном** конопу не могу играти.*	***Двум** головам на **одних** плечах тесно.*
***Первых** щенят за забор мечут / **Первый** блин комом.*	***Први** се штенци у бару бацају / **Први** се мачићи у воду (море) бацају.*

*Лучше быть **первым** в деревне, чем **вторым** в городе.*	*Боље бити **први** у селу него **други** у граду.*
*Бог любит **троицу.***	*До **три** пут Бог помаже / Без **треће** није среће.*
*Гость до **трех** дней.*	*Најмилијег госта **три** дана је доста.*
***Первая** рюмка колом, **вторая** соколом, **третья** мелкими пташечками / **Первая** чарка крепит, **вторая** веселит, а **третья** морит.*	***Прва** чаша чини човека јагњетом, **друга** лавом, **трећа** свињом.*
***Семь** раз примерь (отмерь), **один** раз отрежь.*	***Седам** крат одмјери, а **једном** острижи.*
***Сто** голов, **сто** умов.*	***Сто** људи **сто** ћуди.*
*Доброе начало – **половина** дела / Доброе начало – **полдела** откачало.*	*Ко добро почне, он је **на пола** радње.*

Несовпадения

Русские пословицы	Сербские пословицы
*Гусь да баба – торг; **два** гуся, **две** бабы – ярмарка.*	***Три** жене и **једна** гуска чине вашар.*
Дурак завяжет – и умный не развяжет.	*Што **један** луд замрси, **сто** мудријех не могу размрсити.*
*Гость **первый** день – золото, на **другой** – олово.*	*Сваког госта **три** дана доста.*
*В **одиночку** не сдвинешь кочку.*	*Јача су **двојица** него **сам** Радојица.*
***Семеро одного** не ждут.*	***Два трећега** не чекају.*
*Ум хорошо, а **два** лучше.*	***Четири** ока боље виде, него **два.***
*Кому **первая** чарка, тому и **первая** палка.*	*Кому се више да од тогај се више и пита.*
*Конь о **четырех** ногах, да (и тот) спотыкается.*	*И коњ од **сто** дуката посрће.*
*Из **семи** печей хлебы едал.*	*Из **много** фуруна јео хлеба.*
*У **семи** нянек дитя без глазу.*	*Ће је **много** бабица, килава су ћеца.*
***Семеро** капралов над **одним** рядовым.*	***Два** хајдука **девет** капетана.*
***Семь** раз примерь (отмерь), **один** раз отрежь.*	***Двапут** мјери, **трећом** крој.*
***Семь** бед – **один** ответ.*	*Куд пукло да пукло / Што буде да буде.*
*Жил **семь** лет, выжил **семь** реп, да*	***Једна** репа целог лета, и она шупља.*

и тех нет.	
Смерть причину найдет.	***Једна** смрт, **триста** узрока.*
*Не имей **сто** рублей, а имей **сто** друзей.*	*Где су пријатељи, ту је и богатство.*
*Лучше **сто** раз отказать, чем **один** раз не исполнить обещанного.*	*Боље је обрећи него ријеч не држати.*
Счастье дороже ума.	*Бољи је драм среће, него **сто** ока памети.*
*Из **многих** малых выходит **одно** большое.*	***Стотину** малијех чини **једно** велико.*
***Двум** смертям не бывать, **одной** не миновать.*	*Пријети човеку **сто** смрти, а **једна** га прођ' не може.*
Чужая шкура не болит.	***Триста** бата по туђијем леђима не боли ништа.*
*Мудрый слышит в **полслова.***	*Мудрој глави **једно** око доста.*

Н.В. Прощенкова

Контрастивный анализ национальной специфики украинской лексики

Характерной чертой современного мира является расширяющаяся я практика межкультурной коммуникации, увеличение объема социально и научно значимой информации, потребности в переводах, словарях и справочниках. В связи см этим возникает потребность в новом типе словаря, которым может стать лингвокультурологический или контрастивный толково-переводной словарь, где будет зафиксирована национально-культурная специфика семантики. Целью контрастивного исследования, по мнению И.А. Стернина, является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с её возможными соответствиями в другом языке. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются «автоматически» [3:17].

Теоретические и прикладные исследования в области контрастивистики (Зленко И.П., З.Д. Попова, И.А Стернин, М.А. Стернина, Б. Харитонова и др.) позволяют осмыслить различные языковые картины мира, языковые культуры, национальные особенности восприятия людьми мира, собственно говоря, они выявили наличие таких аспектов как «язык и национальная картина мира», «язык и национальная специфика лексики».

Национальная специфика семантики выявляется только при сопоставлении единицы одного языка с конкретным другим языком и

является таковой только по отношению к данному конкретному языку. Она проявляется в трех основных аспектах:

1) безэквивалентность (эндемичность) единиц;
2) лакунарность;
3) национальная специфика значения единицы – ее отличие по компонентам значения [3:78]. Она обнаруживается в денотативном, коннотативном и функциональном компонентах значения, а также в нескольких компонентах одновременно в разных сочетаниях [2: 46].

По мнению Стернина И.А., лакунарность и безэквивалентность единиц являются наиболее ярким проявлением национальной специфики семантики слова в языке [3:21]. Кроме того, эти единицы соотносительны, они обнаруживают себя в паре. Первые выделяются на фоне последних и взаимно предполагают друг друга [2:27].

Носители одного языка в ситуации общения, как правило, лакуны не обнаруживают, однако, как только в коммуникацию вступает носитель другого языка, они сразу осознаются, создавая неудобства в общении. Таким образом, лакуны в родном языке могут быть обнаружены непосредственным наблюдением над языковым употреблением носителей иноязычной культуры, хотя выделить их в рамках одной языковой семьи и культуры значительно сложнее.

«О безэквивалентной лексике какого-либо языка, – справедливо утверждает Гудавичюс А., – можно говорить только по отношению этого языка к какому-нибудь другому или другим языкам. То, что в языке X является безэквивалентным по отношению к языку Y, может не быть безэквивалентным по отношению к языку Z» [1:65]. Проиллюстрируем это утверждение следующим примером: русское *сутки* безэквивалентно по отношению к английскому и немецкому языкам, однако, не по отношению к украинскому языку, где есть эквивалент – *доба*.

Специальных работ, посвященных исследованию безэквивалентной лексики в близкородственных языках, пока очень мало, хотя, безусловно, это очень интересная и перспективная область, которая может открыть богатейшие особенности национальных культур близких народов, особенности менталитета, мировоззрения народа, национального характера, обнаружить неизвестные, скрытые этнические факты в условиях тесного контакта языков и культур.

Цель данной статьи – показать, что и близкородственные языки обладают заметной долей национальной специфики семантики.

Проведенное нами исследование на материале русского и украинского языков показывает, что исследуемые языки, несмотря на близость культур, а также принадлежность к одной языковой семье, общность территории и социально-экономических процессов, исторической судьбы двух народов при контрастивном исследовании обнаруживает заметную национальную специфику семантики.

Методом сплошной выборки были просмотрены следующие словари: Большой толковый словарь русского языка, Украинско-русский словарь в

6-ти томах, Русско-украинский словарь в 3-х томах, Словарь украинского языка в 11 томах, Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка.

Приведем примеры выявленной национальной специфики в названных выше аспектах.

Аспект 1. Русские безэквивлентные единицы

Барыня (ср. укр. російська плясова народна пісня); **врем*я*нка** (ср. укр. тимчасова споруда: хата, драбина, дорога тощо); **голь** (ср. укр. гола місцевість, голе місце); **з*и*мник** (ср. укр. дорога по снігу, зимова дорога); **копн*е*ние** (ср. укр. складання в копи); **лош*а*дник** (ср. укр. ам*а*тор к*о*ней); **маловес** (ср. укр. малої ваги); **мед*я*шка** (ср. укр. мідна бляха); **мор*я*на** (ср. укр. вітер з моря, низовий вітер); **мостовьё** (ср. укр. недов*и*ченена шкура) и т.д.

Аспект 2. Лакуны в русском языке

Большая часть выявленных лакун – имена существительные, обозначающие конкретные предметы материальной и духовной культуры украинского социума. К ним относятся мотивированные межъязыковые лакуны – это лакуны, которые объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в русской национальной культуре и немотивированные межъязыковые лакуны – предметы и явления, имеющие место в русской национальной культуре, но невербализованные русским языковым сознанием.

Выявленные в русском языке лакуны мы сгруппировали в следующие тематические группы слов:

I. Названия исторических реалий, связанных с культурой, народными промыслами, бытом, религией:

быстрый украинский народный танец, одиночный, парный или групповой (ср. укр. **гоп*а*к**); воин, вооруженный дубиной (ср. укр. **дейнека,** ист.); гравюра на дереве (ср. укр. **деревор*и*т**); слуга и оруженосец казака (ср. укр. **дж*у*ра**); цветные нитки для вышивания (ср. укр. **з*а*полоч**); день 1(14) августа (ср. укр. **маков*і*й,** устар.); запорожский казак с низовьев Днепра (ср. укр. **низов*и*к**); запорожский народный танец, полностью исполняемый вприсядку (ср. укр. **повзун*е*ць**); девушка, совершающая обряд держания меча и свечи на свадьбе (ср. укр. **світ*и*лка**); брат невесты, распускающий невесте косу (ср. укр. **розм*а*й-коса**, устар.**)** традиционная обрядовая песня в канун Нового года (ср. укр. **щедр*і*вка**) и т.д.

II. Названия одежды:

откидные рукава (ср. укр. **в*и*льоти**, устар.); парчовая лента (ср. укр. **гальонка**, устар.); отворот в одежде на груди, незастёгнутая часть одежды на груди (ср. укр. **р*о*зхрист**, редк.**);** мужской короткий кожаный полушубок (ср. укр. **кожан*о*к**); женская верхняя зимняя одежда на меху,

по типу тулупа (ср. укр. **кожуш*а*нка**); мужская короткая верхняя одежда без рукавов (ср. укр. **л*е*йбик**); часть мужского костюма, схожая с жилетом, надеваемая под пиджак (ср. укр. **л*е*йбик**); женская меховая короткая шубка (ср. укр. **фут*е*рко**); мужской полукафтан в талию (ср. укр. ***ю*пка,** устар.) и т. д.

III. Наименование предметов домашнего обихода:

верхний обрез сосуда (ср. укр. **в*і*нця**); ремень, соединяющий две части цепа (ср. укр. **к*а*пиця**); кухонный очаг (ср. укр. **каб*и*ця**); летняя плита (ср. укр. **каб*и*ця**); круглая или четырехугольная яма, в которой помещается гончарная печь (ср. укр. **каб*и*ця**, спец.); синяя краска, сходная с индиго (ср. укр. **кал*і*я,** устар.); специальный большой пест для растирания мака (ср. укр. **маког*і*н**); большой глиняный горшок для кулинарных целей (ср. укр. **мак*і*тра**) и т.д.

IV. Наименование лиц по роду деятельности:

судебный пристав при старых судах на Украине (ср. укр. **в*о*зний**); козий пастух (ср. укр. **коз*а*р**); мясник, режущий коз (ср. укр. **козор*і*з**); разбойник с низовьев Днепра, прятавшийся в камышах (ср. укр. **ком*и*шник,** устар.); надсмотрщик за полевыми работами (ср. укр. **лановий,** дорев.); полевой сторож (ср. укр. **лановий,** дорев.); подмастерье столяра (ср. укр. **столярч*у*к,** разг.); подмастерье кузнеца (ср. укр. **ковальчук,** разг.); подмастерье ткача (ср. укр. **ткачук,** разг.); сын ткача (ср. укр. **ткачук,** разг.);

V. Названия кулинарных изделий, напитков:

лепёшка, жаренная в масле (ср. укр. **б*у*цик**); лепёшка для вареника (ср. укр. **варен*и*ця, варян*и*ця**); мякиш недопечённого хлеба (ср. укр. **глевт*я*к**); недопечённый хлеб (ср. укр. **глевт*я*к**); настойка на калине, калиновая настойка (ср. укр. **кал*и*нівка**); вкусная пища, кондитерское изделие из теста (лакомство, печенье) (ср. укр. **п*у*ндик**); яблочный мусс (ср. укр. **ябч*а*нка**); (собирательно) разнообразные кушанья из черешни (ср. укр. **черешн*я*нка**) и т.д.

Лакуны выделяются также в таких тематических группах, как наименования жилых построек, строений, их частей (37 примеров); явлений природы, животных, растений (20); участков земной поверхности, обрабатываемых территорий (34); лиц по родству, семейной принадлежности (42 примера) и др. Всего выявлено более 400 примеров лакун в русском языке относительно украинского языка.

Значительную группу лакун в русском литературном языке выявляют украинские *областные* слова, например: похлёбка из муки (ср. укр. **б*е*вка**, обл.); красная шерстяная нитка (ср. укр. **ж*и*чка,** обл.); верхняя меховая одежда без рукавов у гуцулов (ср. укр. **кепт*а*р**, обл.); зимнее жилище дроворубов-гуцулов (ср. укр. **кол*и*ба**, обл.); нижний этаж (ср. укр. **н*и*жниця**, обл.); венок из цветов мака (ср. укр. **мачк*и***, обл.); место, где когда-то был сад (ср. укр. **сад*о*вище**, обл.); скотобойня с салотопней (ср. укр. **салаг*а*н**, обл.); жилище пастухов-гуцулов на горных пастбищах (ср. укр. **стая**, обл.); верёвка, свитая из лозы (ср. укр. **ужв*а***, обл.).

Аспект 3. Русские единицы с семной национальной спецификой

Данный тип проявления национальной специфики семантики выявляется в исследованном нами материале как в макрокомпонентах – денотативном, коннотативном и функциональном, так и в микрокомпонентах – семах, а также в во всех типах сем – архисемах, дифференциальных семах, постоянных и вероятностных семах и т.д.

Приведем примеры межъязыковых контрастивных пар с национальной семной спецификой, где различия будут выделены курсивом.

восприемник – хресний

лицо	лицо
мужского пола	мужского пола
принимающее на руки ребенка	принимающее на руки ребенка
из купели	из купели
при обряде крещения	при обряде крещения
книжное	*разговорное*
церковное	*общенародное*
устаревшее	*современное*
общераспространенное	общераспространенное
малоупотребительное	*употребительное*

дядя – вуй, вуйко

брат матери	*брат матери*
брат отца	0
муж тетки	0
межстилевое	*разговорное*
общенародное	общенародное
общераспространенное	*областное*
современное	современное
употребительное	употребительное

день-деньской – цілий день

период времени	период времени
в течение целого дня	в течение целого дня
разговорное	*межстилевое*
общенародное	общенародное
общераспространенное	общераспространенное
современное	современное
употребительное	употребительное

жилет – камізелька

одежда	одежда
короткая	короткая

мужская или женская	мужская или женская
без воротника и рукавов	без воротника и рукавов
надеваемая поверх рубашки	надеваемая поверх рубашки
надеваемая под пиджак	надеваемая под пиджак
0	*иногда отороченная овчиной*
разговорное	разговорное
общенародное	общенародное
общераспространенное	*областное*
современное	*устаревшее*
употребительное	*малоупотребительное*

отец – неньо

мужчина	мужчина
по отношению к своим детям	по отношению к своим детям
межстилевое	*разговорное*
общенародное	общенародное
общераспространенное	*областное*
неэмоциональное	*ласкательное*
современное	*устаревшее*
употребительное	*малоупотребительное*

невестка – ятрівка

жена *сына или брата*	жена *брата мужа*
межстилевое	*разговорное*
общенародное	общенародное
общенародное	*областное*
современное	*устаревшее*
употребительное	*малоупотребительное*

Таким образом, национальная специфика лексики близкородственных языков выявляется в межъязыковых соответствиях (линейных и векторных, в последнем случае они для описания разбиваются на контрастивные пары) на уровне мегакомпонентов значения – лексического и грамматического, макрокомпонентов – денотативного, коннотативного и структурно-языкового, а также микрокомпонентов – сем, их статуса в структуре семемы.

Соотношение мотивированных лакун к немотивированным составляет 1:9. Большая часть немотивированных лакун в русском языке представлена наименованиями: лиц по роду деятельности; по родству, семейной принадлежности; кулинарных изделий, напитков; жилых построек, строений, их частей; участков земной поверхности, обрабатываемых территорий и т.п. Четко прослеживается тенденция наличия предмета, явления при отсутствии его наименования. Например, русским языковым сознанием не обсуждаются подробно типы пастухов (укр. **коз*а*р, вол*а*р**), участки обрабатываемых территорий (укр. **сад*о*вище, башт*а*нище**), лица

по родству (наименование сыновей, дочерей, жен – **козач*е*нко, сотнич*е*нко, мельник*і*вна, сотник*і*вна, скляр*и*ха/скл*я*рка**) и т. п. Это коммуникативно нерелевантно для русского народа.

Как показало проведенное исследование, единое генетическое, историческое и культурное родство русского и украинского языков не исключают национальной специфики лексики и даже ее крайней формы – лакун и безэквивалентной лексики. Поскольку язык вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение, факт недостаточности того или языкового арсенала при контрастивном исследовании русского и украинского языков налицо. Все виды проявления национальной специфики семантики обнаруживаются в русско-украинском материале.

Украинская и русская национальные языковые культуры формировались, хотя и в тесной взаимосвязи (многое в развитии обоих языков и культур было, разумеется, в значительной степени общим для братских народов), но все-таки развитие языков и культур осуществлялось и самостоятельно, что и привело к формированию достаточно большого пласта национально-специфической лексики в обоих языках.

Литература

1. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. – Вильнюс: Мокслас, 1985. – 175с.
2. Контрастивная лексикология и лексикография. Монография/Под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж: «Истоки», 2006. – 341с.
3. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – Воронеж: «Истоки», 2004. – 189с.
4. Тер-Минасова Г.С. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, доработанное. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
5. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: «Наука», 1981. – 109с.

Л.И. Зубкова

Прецедентное имя в национально- культурном сознании русских

Все личные имена собственные того или иного языка входят в когнитивную базу определенного национально-культурного сообщества, границы которой подвижны. Когнитивная база – это «определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которой обладает любой представитель конкретного национально-культурного сообщества» [4, 106].

Жизнеспособность антропонима в языке определяется, в первую очередь, его семантическим потенциалом с устойчиво закреплённым ассоциативным содержанием, обусловленным экстралингвистическими

причинами. Личное имя вызывает у носителей языка широкий круг ассоциаций, в основе которых лежат, с одной стороны, прецедентные феномены, обусловленные факторами культуры, выработанной в социуме системой оценок, а с другой стороны, - результаты индивидуального, субъективного опыта носителя языка. Литературные и исторические коннотации, которые возникают у нас при совпадении реального имени с именем какого-либо литературного героя, исторического деятеля и т.п., подтверждают, что многие имена имеют своеобразные ассоциативные поля, причины существования которых иногда очень смутно осознаются даже самими носителями языка. Например, ассоциация с такими прецедентными именами, как Миклухо-Маклай, Пугачёв, Мордасова, актуализирует яркие индивидуальные свойства их носителей – прецедентных личностей, образ которых хранится в памяти народа, и поэтому возможны сравнения «прямо Миклухо-Маклай», «под Пугачёва», «под Мордасову», например: *Пришёл врач: молодой, с бородкой, тоскует в деревне, невнимательный, остроумный сверх всякой меры, заметил Психопат еще в тот раз, когда врач принимал его. – Что тут у вас? – Да с такой снисходительной усмешечкой в глазах – прямо Миклухо-Маклай, а не лекарь заштатный* (В.Шукшин. Психопат); *... и борода его, под Пугачёва выстреженная, раза два прошла вверх-вниз, чего бабушка, к несчастью, не заметила…* (В.Астафьев. Бабушкин праздник); *... пела она в самодеятельности железнодорожного ДК под Мордасову* (В.Астафьев. Печальный детектив).

Прецедентные имена, считает Д.Б.Гудков, являются одним из основных компонентов когнитивной базы, они принадлежат языковому сознанию, стоящие за ними представления – когнитивному [3, 121]. Под прецедентными именами в работе понимаются личные имена собственные, получившие известность в определенной лингвокультурной общности с устойчиво закрепленными ассоциациями, связанными с известными носителями этих имен. Их можно подразделить на национально-прецедентные, семантика которых включает весьма устойчивый объём национально-культурных коннотаций, и универсально-прецедентные, которые переросли границы своей национальной известности, стали понятными представителям многих культур.

Национально-прецедентные имена входят в национально-когнитивное пространство, будучи соотносимыми, с одной стороны, с конкретным образом, с другой, выступая в качестве определённой схематизации культурно-исторического опыта членов языкового коллектива. Прецедентное имя находится на грани индивидуального и социального в системе языка и его использования. Обобщённый образ, выбранный для презентации признака, опирается на национальные ориентиры восприятия действительности и предопределяется сложившейся в сознании носителей языка оценкой. Приведем следующий пример из рассказа Фёдора Абрамова «О чем плачут лошади»: *В каждом из нас, должно быть, живет пушкинский вещий Олег, и года три назад, когда мне довелось*

быть в Росохах, где когда-то в войну шла заготовка леса, я попытался разыскать останки своего коня. При оперировании именем *Олег* с атрибутом *вещий* в коммуникации актуализируется совокупность стоящих за этим именем представлений (князь Олег, его «боевой товарищ» конь, наказание за предательство), которые известны среднему носителю русского языка, т.е. являются национально обусловленными.

Источником прецедентных имен могут быть: 1) широкий корпус прецедентных текстов; 2) известные фильмы; 3) реальные исторические личности, деятельность которых связана с важными историческими событиями (ситуацией). Например, имя Евгений Онегин известно каждому русскому, т.к. одноимённый роман А.С.Пушкина включён в список «облигаторной» литературы средней общеобразовательной школы. Это прецедентное имя, в отличие от просто личного имени собственного, имеет определенный референт – героя прецедентного текста. Сочетание «Александр Сергеевич» неразрывно ассоциируется с русским поэтом Пушкиным, хотя референтами могут быть также другие реальные люди.

Ассоциативность русских имен связана не с внутренней формой имени, а с прецедентными личностями их носителей. Например, фамилия Суворов, которую носит обыкновенный человек в рассказе Василия Шукшина, ассоциируется с великим русским полководцем Александром Васильевичем Суворовым, информация о подвигах которого известна практически каждому члену национально-культурного сообщества: *Да, ещё про Носатого… Его фамилия – Суворов. Он крупно написал её на полоске плотной бумаги и прикнопил к своей клеточке в умывальнике. Мне это показалось неуместным, и я подписал скраешку карандашом: «Не Александр Васильевич»* (В.Шукшин. Как мужик переправлял через реку волка, козу и капусту). В национальном сознании актуализируется не только имя, образ, но и стоящая за прецедентным именем ситуация.

В следующем примере имя талантливого военачальника периода Гражданской войны В.И. Чапаева ассоциируется не только с его подвигами, но и с тем, как он ходил в атаку: *Лукашин ему доказывал: выше брод, у черемушника, там, где две колеи сползают в речку, а Подрезов – нет и нет, везде под Лысой горой брод. Коня вздыбил, на стремена привстал – Чапай да и только, - а через минуту пошел пускать пузыри, в самую яму втяпался* (Ф.Абрамов. Пряслины). Инвариантом восприятия имени Чапаев, служат такие дифференциальные признаки, как «смелость», «внезапность появления», «впереди, на лихом коне», «развевающаяся черная бурка». Во многом созданию такого образа послужила повесть Д.А.Фурманова «Чапаев» и кинофильм одноименного названия. Следует различать в этой связи само прецедентное имя и инвариант восприятия прецедентного имени, представление о нем, сложившееся в национально-культурном сознании, вошедшем в фоновые

знания[25] носителя языка как представителя культурного сообщества, которое содержит меньше дифференциальных признаков, чем само прецедентное имя.

Ассоциативная связь имени с прецедентной личностью, - отмечает Г.Г.Слышкин, - может быть недолговечной и существовать лишь при жизни этой личности. Например, «ассоциация «Леонид → Брежнев» была актуальна для носителей русского языка 1970-1980-х гг., но полностью утратила свой актуальный смысл к настоящему моменту» [13, 128]. Для понимания прецедентного имени, таким образом, важным оказывается рассмотрение экстралингвистических, когнитивных факторов, стоящих за данной единицей.

Поскольку фоновые знания носителя языка включают спектр коннотаций прецедентных имен, информацию об их прототипах и прецедентных текстах или прецедентных ситуациях, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров и Н.Д. Бурвикова, отнесят их к логоэпистемам: они принадлежат и языку, и культуре. Логоэпистемы, как считают Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, «отсылают к какому-либо прецедентному тексту (дискурсу, знанию, событию, факту), являясь его «сверткой» или просто символом» [2, 7-8]. «Обращаясь к культурной памяти, носителями которой они являются, логоэпистемы, помимо всего прочего, обеспечивают ощущение принадлежности к определённой социально-культурной группе, к нации» [9, 255].

Мы выделяем следующие четыре группы прецедентных имен, источником которых послужили прецедентные тесты.

1. Прецедентные имена художественной литературы. Литературные персонажи хорошо известных произведений становятся символами этих произведений [7, 55], они известны среднему носителю языка. Использование прецедентных имен способствует более эффективной передаче мыслей, ибо они сообщают «унифицированную» информацию в плане её понимания коммуникантами, актуализируя уже сложившиеся образы.

Известно, что образность – результат смысловой двуплановости слова, результат взаимодействия в его глубинной семантике двух значений – вторичного переносного (образно мотивируемого) и первичного прямого (образно мотивирующего) [14, 62]. Образность – субкомпонент коннотативности. Образ-символ ассоциируется с признаком, выступающим в качестве эталона для выражения соответствующей характеристики. В прецедентном имени могут фиксироваться типичные свойства или качества обозначаемого ими референта, иными словами, прецедентные имена ассоциируются с образом, ставшим выразителем каких-либо качеств или признаков, опирающимся на национальные

[25] Под «фоновым знанием» мы, вслед за О.С.Ахмановой, понимаем «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языка общения» (Ахманова, 1969: 498).

ориентиры восприятия действительности и предопределяемый сложившейся в сознании носителей языка оценкой.

Кроме того, для нашего рассмотрения важным является понимание символа как носителя культурной информации. Национально-детерминированные минимизированные представления отвечают за связь имени с тем его признаком, который положен в основу ассоциации. Однако оценка, закреплённая за именем в той или иной лингвокультуре, оказывается в большинстве случаев неизвестной или малопонятной представителям другой культуры в связи с различиями в фоновых знаниях. Следовательно, объем и эмоционально-экспрессивное значение имени будут различными у представителей разных культур. Неподготовленному иностранному читателю непонятно, например, сравнение с известным для каждого русского персонажем Антона Павловича Чехова унтером Пришибеевым: - ... *Нет, это ужасно! Опять отказ! И до чего же противный этот предрика! Наорал, как унтер Пришибеев* (Ф.Абрамов. Пряслины).

Актуализация дифференциальных признаков (или признака) имени-символа происходит в речи, когда имя приложимо не к прототипу, своему первоначальному референту, а носителю аналогичных качеств (или качества), которому нужно дать аналогичную оценку, которая сложилась у носителей языка. Происходит вторичная номинация с яркой экспрессией. Имена-символы, таким образом, актуализируются в речи в двойном значении: как имя, относящееся к определенному носителю, так и как инвариант восприятия имени, характеризующий определённое качество на эмоционально-оценочном уровне. Так, герой романа М.В.Гоголя «Мёртвые души» Плюшкин ассоциируется с чрезмерной скупостью. Его имя стало олицетворением жадности, собирания ненужных вещей. Имя Плюшкин становится именем-символом, обращение к которому возобновляется каждый раз, когда необходимо образное сравнение с тем качеством или признаком, который несёт референт. Имя Обломов, героя одноименного романа И.А.Гончарова, является символом умственной лени и бездеятельности. Помимо того, что прецедентные имена включают дифференцированные признаки референта, они содержат и его оценку. Если назвать человека «Плюшкин», то имя Плюшкин в этой ситуации приобретает признаки прозвища. Прецедентные имена многократно возобновляются в процессе коммуникации через связанные с этими именами дифференциальные признаки, обусловившие известность их носителям. Следовательно, воспроизводимость является одним из свойств прецедентного имени.

2. Прецедентные имена фольклора. К сфере субъективной, а не объективной реальности относятся денотаты сказочных персонажей, например, Иванушки-дурачка, бабы Яги, Кащея Бессмертного, Василисы Прекрасной, Ивана-царевича и многих других, живущих в народной памяти. У них нет физического соответствия в объективном мире, их денотаты – плод фантазии человека, т.е. «идеальные предметы», однако, -

отмечают М.М.Копыленко и З.Д.Попова, - они материализованы в картинах и скульптурах, в текстах художественных произведений. По отношению к знакам языка эти образы являются экстралингвистическими, они комбинируют реальные черты материального мира и подаются их создателями как описания реальных существ и событий. Проблема их истинности или ложности относится к сфере искусствоведения, истории, географии и других наук о природе, но не касается языка. Язык дает знак для художественного или мифического образа так же, как для любого другого денотата [8, 7].

Мифологические образы связаны с обыденной национальной картиной мира, отражающей текущий опыт людей и знания, накопленные и сохраненные в прошлые исторические эпохи. Так, при произнесении имени Емеля, например, возникает образ Емели из русской народной сказки, который ассоциируется с прецедентным высказыванием *«По щучьему веленью, по моему хотенью».*

Для русского человека с детства знакомы имена богатырей русских былин Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алёши Поповича, они входят в фоновые знания носителя русского языка, о чём свидетельствуют следующие примеры из рассказов Фёдора Абрамова и Виктора Астафьева: - *А что, пожалуй, что и так. Не сама же Россия распахивалась. Кто-то её расчищал от лесов, от дебрей. В старину, сказывают, не то что у нас на Севере, под Киевом леса непроходимые были. Илья-то Муромец там Соловья-разбойника словил. Так ведь, Евлампий Егорович?* (Ф.Абрамов. Дела российские..). *Передо мной появился человек, на Кащея Бессмертного похожий, ведет он на поводу хромую лошадь и сам хромает* (В.Астафьев. Запах леса). Инвариант восприятия многих фольклорных имен положен в основу сравнения, например, имя фольклорного богатыря Микулы Селяниновича стало основанием для сравнения: - *Рассказывали мне как-то, крестьянин один у них был, ещё до революции, сорок лет болото осушал. – Сорок? Сорок лет болото осушал? – Сорок. Прямо какой-то Микула Селянинович!* (Ф.Абрамов. Сказание о великом коммунаре).

3. Библейские имена. Например, имя Ева у героя рассказа Василия Шукшина «Чередниченко и цирк» ассоциируется с именем Адам: *Чередниченко выпил ещё стакан вина и пошёл к Еве на квартиру. – Адам пошёл к Еве, - пошутил с собой Чередниченко.* Имена Ева и Адам входят в фоновые знания носителей языка, т.е. имеют сверхличностный характер. Однако и в случае с литературным и библейским именем, и с именами известных исторических деятелей мы имеем дело с ассоциацией, т.е. инвариантом восприятия прецедентного имени. В Новом завете Иуда – один из апостолов, предавший Христа за тридцать серебряников. Имя Иуда стало символом предательства. Инвариант восприятия имени с отрицательной коннотацией «предатель» отмечается в следующем отрывке из повести Фёдора Абрамова «Мамониха*»:* - *Ну дак что – ударили? А то ведь я могу и передумать. – Чего передумать? – переспросил Клавдий*

Иванович. – Да насчет твоих дров. – Папа, папа, не продавай! – Выкрик сына словно вздыбил Клавдия Ивановича, и он с неожиданной для себя решимостью сказал: - И не продам. Об этих дровах, может, у отца последняя дума была, когда умирал на фронте, а я Иуда?

Во многом закреплению прецедентных имен в языке способствует паремиологический фонд. Личные имена собственные входят в состав пословиц, поговорок, крылатых выражений, фразеологизмов. Наиболее часто встречающиеся имена – Иван (например, *валять ваньку*), Лазарь (например, *наобум Лазаря, петь Лазаря*), Сидор (например, *как Сидорову козу*), Фома (например, *Фома неверующий*), Сенька (например, *по Сеньке и шапка*), Макар (например, *куда Макар телят не гонял*), Кузька (например, *показать Кузькину мать*) и др.

4. К прецедентным именам мы относим и имена, часто встречающиеся в анекдотах, например, Вовочка - персонаж многих анекдотов 80-90-х годов XX в., в которых он выступает как не по годам «продвинутый», дотошный, вездесущий, находчивый и упрямый мальчик, обо всем имеющий свое мнение [12, 105]. Оппонентом и «антогонистом» анекдотного Вовочки часто выступает его учительница Марь Иванна [12, 106]. Прецедентные имена этой группы ассоциируются с определённым контекстом, они являются символами определённой ситуации, их роли четко дифференцированы.

Имена могут становиться символом национальной культуры. В семиотических исследованиях преобладает точка зрения, что культура выражается не просто в знаках, а в знаках особого рода, символах. Через символы сознанию человека открываются глубинные смыслы, живущие в бессознательном человека, которые передаются от поколения к поколению [1, 28].

В языковом сознании носителей определенной культуры эталонные качества находят свое выражении в наиболее распространённом имени, функционирующем отвлечённо от его денотата, которое стало инвариантом обозначения типизированных качеств представителя данной лингвокультурной общности. Так, имена Иван, Марья стали символом нации, символом русского человека, выразителями русского национального характера. Под национальным характером мы понимаем своеобразие национальных психологических черт, менталитета (концептуального видения картины мира, ценностных ориентаций), национальных традиций и обычаев, сформировавшихся и формирующихся под воздействием климатических и географических факторов, особенностей исторического развития, религиозных верований данной нации и проявляющихся в специфике её национальной культуры, в языке и коммуникативном поведении народа.

Большинство национально-культурных коннотаций отличается высокой степенью устойчивости и сохраняются в нескольких поколениях. Например, при упоминании имени Иванушка в сознании носителя русского языка актуализируется образ Иванушки из сказки об Алёнушке и

её братце Иванушке, вызывающий сочувствие. Сказочный Иван – всегда определенный тип героя, обладающий рядом обязательных черт. Это и Иван-царевич, и Иван-крестьянский сын, и Иван-купеческий сын. Если герой именуется, например, Иваном-царевичем, то этот герой – носитель высоких нравственных качеств, борец за торжество добра и справедливости. Иван-крестьянский сын и Иван-купеческий сын как представители своих социальных слоев способны замещать Ивана-царевича. Они совершают подвиги, молоды, умны. Инвариант имени Иван содержит положительную коннотацию и актуализируется в речи носителей языка, что подтверждается следующими примерами: – *Говорят, если найдешь цветок папоротника – невидимкой станешь, можешь забрать все богатства у богатых и отдать их бедным, выкрасть у Кащея Бессмертного Василису Прекрасную и вернуть ее Иванушке, можешь даже пробраться на кладбище и оживить свою родную мать* (В.Астафьев. Далекая и близкая сказка); *Это я, упрямый, чалдон, фэзэошник-уркаган, рванул к тётке в гости. Наперекор стихиям. Молодецкой грудью на преграды. Непобедимый! Герой! Иван-царевич! Дерьмо собачье* (В.Астафьев. Где-то гремит война).

В процессах вторичной номинации под воздействием различных экстралингвистических и собственно языковых факторов единицы языка могут приобретать референтные коннотации, имеющие эмоционально-образные и эмоционально-оценочные компоненты. Так, имя Ванька, производное от Иван, может иметь коннотацию «человек из народа»: – *Ну какая только тварь не командует и не распоряжается в тылу, - заговорил пожилой солдат с завязанным ухом. – А на передовой один главнокомандующий – Ванька взводный* (В.Астафьев. Весёлый солдат). В следующем примере коннотация имени иная – «трудолюбивый колхозник с хорошим заработком»: – *Ты думаешь, приобрела себе в мужья Ваньку с трудоднями? Эта голова, - приподняв пилотку, я звонко постучал по ней, - способна только военный убор носить?* (В. Астафьев. Весёлый солдат).

Имя Иван ассоциируется также со сказочным образом Иванушки-дурачка, молодого деревенского парня, сына какого-нибудь патриархального крестьянина, всегда третьего, младшего, не желающего работать, но который, в конце концов, получает богатство. Образ Иванушки-дурачка на Руси особый. Л.В.Доровских отмечает, что «ещё в XIX в. в условиях сельской общины, имевшей свои неписаные юридические установления, младший сын был единственным наследником отцовского имущества» [6, 94], он был также обязан заботиться о старухе-матери и сестрах. И, конечно, он вовсе не дурак в прямом смысле этого слова. Приведем в этой связи размышления Д.С.Лихачева: «Место дураков было в Древней Руси по соседству с царями, сидели они на ступеньках трона, хотя это царям и не особенно нравилось… Того и гляди Иванушка-дурачок Иваном-царевичем станет». «Что же касается дурашливости, то недаром в русском языке «ах ты мой глупенький», «ах ты мой дурачок» -

самые ласкательные из ласкательств. И дурак в сказках оказывается умнее самого умного и счастливее самых удачливых» [10, 13-14].

Образ Иванушки-дурачка накладывает отпечаток на инвариант восприятия этого имени, который может иметь и отрицательную коннотацию, даже несмотря на широкое распространение этого имени в народе, т.е. на большое количество обозначаемых им референтов. Указанная оценка имени в литературном произведении порождает соответствующую эмоциональную реакцию людей на бытовом уровне. Показателен в этом отношении отрывок из киноповести Василия Шукшина «Брат мой», в котором описывается ситуация подбора имени новорожденному: *– Ванька! – кричала жена Настя. – Где это ты их видел нынче, Ванек-то? Они только в сказках остались – Вани-дурачки.* Однако, когда Иван, придя в дом Девятовых, посоветовал супругам дать имя в честь деда, он услышал: *– Да они оба Иваны! – воскликнул Василий. – В том-то и дело.* Аналогичная реакция, связанная с именем Иван, прослеживается и в следующих отрывках: *У Ивана Соломина жена Настя родила сына. Иван заспорил с Настей – как назвать новорождённого. Иван хотел Иваном – Иван Иванович Соломин. Настя хотела, чтоб был – Валерик. Супруги серьезно заспорили. (...) – Иван!...Иванов-то нынче осталось – ты да Ваня-дурачок в сказке. Умру – не дам Ванькой назвать! Сам как Ваня-дурачок…* (В.Шукшин. Непротивленец Макар Жеребцов); *– Это что, его в лагеря-то закатали из-за своей дуросты? Да уж знаю… – Егорша поплескал в лицо водой из ушата и убеждённо сказал: - Нет, это не поп. Такой же Ванёк пекашинский, как все протчие. Только мозга ещё больше набекрень* (Ф.Абрамов. Пряслины).

Имя Иван стало инвариантом такого признака, как «недалёкий человек», что отмечается в следующем примере: *Макар посмеялся кротко, снисходительно, ласково. Он знал драчливый характер Ивана. – Ах пошуметь бы?… Ах бы да сейчас развоеваться бы? … Это ты Ваня и есть* (В.Шукшин. Непротивленец Макар Жеребцов). В приведенном отрывке имеет место ономастический каламбур: человек с именем Ваня характеризуется омонимичным коннотативным антропонимом, имеющим созначение «доверчивый простак». В следующем примере отмечается игра прямого и переносного значений имени Ванька: *– Это Иван вон: ни с кем не спорил, а взял и рассчитал, как свинья будет ходить с одним глазом. И как точно рассчитал! – Электрику очень нравился расчёт тракториста. – Это же надо так рассчитать. Вот же и Ванька…* (В.Шукшин. А поутру они проснулись…).

Однако, помимо влияния прецедентных текстов, популярность имени Иван и его производных форм во многом обусловлена тем, что в полных святцах имя Иван встречается 170 раз, т.е. почти через день. В.А.Никонов отмечает, что в старой русской деревне имя Иван носили 16-25% всех крестьян – каждый пятый был Иваном [11, 12]. В.Даль в своем Толковом словаре об этом имени писал, что оно «…по всей азиатской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура, означает русского»

[5, 5]. В России в конце XIX – начале XX вв. на каждую тысячу мужчин приходилось по 246 Иванов [15, 82]. Благодаря повсеместной распространённости этого имени на территории России, оно со временем стало восприниматься носителями языка как нарицательное, как знак национальной принадлежности. Совокупность ассоциаций на имя Иван образовало ассоциативное поле, которое воплощает взаимодействие языковых и экстралингвистических факторов и преломляет их через призму выработанной в обществе системы оценок во взаимодействии с индивидуальным опытом. Таким образом, имя Иван прошло путь от первичного референтного значения к моменту, когда в его смысловой структуре возникают коннотативные компоненты, референтные (понятийные) созначения.

Ассоциативная связь имени Иван с носителем русского языка и культуры иллюстрируется следующими примерами: *Поскольку многие из контуженных были взяты с передовой в беспамятстве и оставили там, на поле боя, все, в том числе и свое имя, мы их всех подряд звали Иванами* (В.Астафьев. Звездопад). Имя Иван стало восприниматься как типично национальное, специфически русское: *Я весело и беспечно травил про войну: - И вот кричат фрицы нам: «Еван! А Еван! Переходи к нам! У нас шестьсот грамм хлеба дают!» - «А пошёл ты», - отвечают ему наши. Ну, ты знаешь, куда пошёл?..* (В.Астафьев. Звездопад). Еван - просторечная форма имени Иван, по-видимому, заимствованная немецкими солдатами из народной речи. О наличии национально-маркированных коннотаций может сигнализировать графическая форма имени. Наиболее маркированы в этом отношении формы множественного числа, которые появляются у имени, когда оно начинает обозначать какой-нибудь типичный признак или качество. Форма множественного числа личного имени собственного обычно противоречит его основной функции – индивидуализировать, выделять лицо. Однако индивидуализация здесь происходит на национальном уровне. Форма множественного числа помогает подчеркнуть, что имя является средством типизации определенных качеств, в данном случае – принадлежности к русской языковой общности. Типично русские мужские или женские имена во множественном числе в большинстве случаев имеют значение «русские мужчины/женщины», «русский человек».

Таким образом, национально-культурная специфика именования и универсальность инвариантных представлений представителя данной лингвокультурной общности обусловливают коннотативное содержание антропонимической лексической единицы.

Культурная память народа, поддерживаемая, в том числе, и прецедентными именами, отражает ценностные установки, определяет ментальность народа, соединяя интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Культурные стереотипы усваиваются носителями определенной

лингвокультурной общности в процессе социализации и носят временной исторический характер.

Поскольку семантика прецедентного имени включает весьма устойчивый объем национально-культурных коннотаций, прецедентные имена оказывают влияние на развитие коннотативных возможностей всего фонда личных имен собственных русского языка, изучение которых способствует раскрытию стоящих за ними ассоциаций и представлений русского народа.

Использование ассоциативно-образных восприятий, смысловых интерпретаций прецедентных имен, типичных для всей этнокультурной общности, в литературных произведениях приводит к большей стилистической экспрессии и эмоциональной образности. Изучение прецедентных имен как феномена национальной культуры чрезвычайно важно, поскольку дает возможность проникнуть в глубины русского языка и лучше понять духовную жизнь русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка): Автореф.дис. д-ра филол.наук / Быкова Ольга Ивановна. – Воронеж, 2005. – 39 с.
2. Верещагин Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1999. – 84 с.
3. Гудков Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе / Д.Б.Гудков // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава. Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – С.120-125.
4. Гудков Д.Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б.Гудков, В.В.Красных, И.В.Захаренко, Д.В.Багаева // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9: «Филология». – 1997. - №4. – С.106-117.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И.Даль, т.2. – М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс»,1994. – 912 с.
6. Доровских Л.В. Из наблюдений над наименованием героев в русской народной сказке / Л.В.Доровских // Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка. Вып.14. – Свердловск, Уральский ун-т , 1980. – С. 86-98.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
8. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) / М.М.Копыленко, З.Д.Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж.гос.ун-та, 1989. – 223 с.

9. Костомаров В.Г. Единицы семиотической системы русского язы ка как предмет описания и усвоения / В.Г.Костомаров, Н.Д.Бурвикова // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – С.252-260.
10. Лихачев Д. Заметки о русском / Д.Лихачев. – 2-е изд., доп. – М.: Сов.Россия, 1984. – 64 с.
11. Никонов В.А. Имя и общество / В.А.Никонов. –М.: Наука, 1974. – 278с.
12. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С.Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
13. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография / Г.Г.Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
14. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения / Ю.П.Солодуб. – Филолог. науки, 1997. – №2. – С.54-66.
15. Суперанская А.В. Имя и культура / А.В.Суперанская. – Наука и жизнь, 1991. - № 11. – С.79-85.

Е.О. Атланова

Концепт НОВОЕ СЛОВО в русском языковом и когнитивном сознании

Под термином *концепт* нами понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (Попова, Стернин 2006, 24).

Концепты, реализуясь в речи или психолингвистическом эксперименте, получают языковое обозначение, анализ содержания которого позволяет как судить о конкретном значении соответствующих номинаций в языке, так и моделировать концепт как ментальную полевую структуру, совокупность когнитивных признаков разной степени яркости.

Цель нашего исследования – выявить содержание словосочетания НОВОЕ СЛОВО в русском языковом сознании, а также установить содержание соответствующего концепта в русском когнитивном сознании путем моделирования его как структуры с использованием экспериментальных процедур.

Нами были использованы следующие методики: метод субъективной дефиниции, направленный ассоциативный и свободный ассоциативный эксперименты.

Метод субъективной дефиниции

Информантам была предложена следующая инструкция: «Примите, пожалуйста, участие в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем, как люди осваивают новые слова. Закончите, пожалуйста фразу: «Новое слово – это …». Было опрошено 193 человека, в возрасте от 16 до 89 лет.

Получено было всего 372 ассоциативные реакции и 2 отказа. Не интерпретируются как когнитивные признаки синонимические реакции 8: неологизм 5; новшество в лексиконе; новинка; новообразование 1.

Свободный ассоциативный эксперимент

В ходе свободного ассоциативного эксперимента было опрошено 120 человек, в возрасте от 16 до 89 лет. Участникам эксперимента предлагалось дать любую первую реакцию на слово-стимул. Получено 270 ассоциативных реакций и 13 отказов. Не интерпретируются как когнитивные признаки синонимические реакции 13: неологизм 7; новинка 2; новизна; новое слово; новшество; «новое понятие»1.

Направленный ассоциативный эксперимент

Испытуемым предлагалось ответить на вопрос: «Новое слово – какое?». Испытуемым предлагалось предложить первые три реакции на слово стимул. Было опрошено 105 человек, в возрасте от 16 до 89 лет. Получено 299 ассоциативных реакций и 16 отказов. Не интерпретируются как когнитивные признаки синонимические реакции 2: новое 2.

Важно было обобщить признаки, выявленные по результатам всех трёх экспериментов, а также установить индекс яркости каждого признака, который вычислялся как количество ассоциатов, объективирующих когнитивный признак, деленное на общее число ассоциатов, полученных в ходе каждого из экспериментов.

Когнитивные признаки	Метод субъективной дефиниции	Свободный ассоциативный эксперимент	Направленный ассоциативный эксперимент
1) имеет неизвестное мне значение;	0,397	0,081	0,327
2) неупотребительно в моей речи;	0,065	-	-
3) заставляет задуматься о значении;	0,056	0,1	0,084

4) заимствовано из другого языка;	0,043	0,014	0,087
5) обозначает новый предмет;	0,038	0,019	0,017
6) появилось в языке недавно;	0,038	0,007	0,067
7) идентифицируется конкретными примерами;	0,019	0,048	0,007
8) приобрело новое значение;	0,013	-	0,01
9) принадлежит к терминологии;	0,013	0,007	0,013
10) имеет непривычное звучание;	0,01	-	0,023
11) малоупотребительное;	0,01	-	0,013
12) принадлежит к сленгу;	0,008	0,004	0,003
13) возникает с прогрессом жизни, науки, техники, промышленности;	0,008	0,015	-
14) не зафиксировано в словарях;	0,008	-	-
15) требующее специальных знаний для понимания значения;	0,005	-	-
16) ни с чем не ассоциируется;	0,005	-	0,003
17) образовано из старого;	0,002	0,007	-
18) принадлежит к жаргону;	0,002	-	0,006
19) является варваризмом;	0,002	-	-
20) вызывает сложность в сочетаемости с другими словами;	0,002	-	-
21) является диалектизмом;	0,002	-	-
22) оценивается положительно;	-	0,015	0,023
23) не слышал ни	-	0,007	0,023
	-	0,004	-
	-	0,019	-
	-	-	0,067
	-	-	0,003

разу; 24) впервые произнёс ребёнок; 25) пополнение словарного запаса; 26) возникают трудности в произношении, написании и запоминании; 27) русское; 28) связано с наукой; 29) модное; 30) не возникает трудностей в произношении; 31) состоит из нескольких составных частей; 32) имеет известное мне значение; 33) необходимое; 34) употребляется новым поколением; 35) характеризует уровень развития; 36) красивое; 37) сложное; 38) необычное; 39) длинное; 40) короткое; 41) оценивается отрицательно.	- -	- -	0,01 0,003 0,01 0,01 0,01 0,003 0,003 0,003 0,017 0,01 0,057 0,007 0,003 0,02

Многие когнитивные признаки, как следует из таблицы, совпадают по результатам всех трёх экспериментов, хотя и различаются по яркости. Совпадающие признаки образуют ядро когнитивного содержания концепта.

Отметим также, что до проведения направленного ассоциативного эксперимента концепт НОВОЕ СЛОВО воспринимался нами как неоценочный, но эксперименты продемонстрировали его оценочность, причем выявляется как положительная, так и отрицательная оценка.

Так, по данным направленного ассоциативного НОВОЕ СЛОВО оценивается **положительно 7**: будоражащее 1, волшебное 1,

восхищающее, 1, необыкновенное 1, эффектное 1, яркое 1, удивительное 1; а также и **отрицательно 6:** слово-паразит 1; пафосное (мерчендайзер) 1; отрицательное 1; неприятное 1; напрягающее 1; бессмысленное 1; двуоценочность концепта свидетельствует о зависимости оценки от субъективных факторов – возраста, отношения к заимствованиям и под.

Таким образом, экспериментальное исследование коммуникативного концепта НОВОЕ СЛОВО в русском языковом и когнитивном сознании свидетельствует, что данный концепт обладает богатым субъективным содержанием в русском когнитивном сознании, а также широко осмысливается и оценивается в русском общении, о чем свидетельствуют многочисленные оценочные ассоциации.

Литература

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

Библиографический раздел

Исследования по коммуникативному поведению, опубликованные Центром коммуникативных исследований Воронежского университета

(по 2006 г. включительно)

Данный материал представляет собой библиографический список изданий, выпущенных Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета (Россия) за период по 2006 г. включительно. Центр коммуникативных исследований под рук. проф.И.А.Стернина ведет исследования в области коммуникации с начала 90-ых гг. прошлого века и выпускает несколько серий продолжающихся изданий. Полагаем, что читателю будет интересно познакомиться с разрабатываемой Центром проблематикой и защищаемыми в Воронежском университете по коммуникативной проблематике диссертациями.

Монографические издания

1. Стернин И.А. Очерк русского коммуникативного поведения. Галле, 1989.
2. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.
3. Коммуникативное поведение. Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.

4. Коммуникативное поведение. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.
5. Коммуникативное поведение. Очерк американского коммуникативного поведения. /Ред. И.А.Стернин, М.А.Стернина. Воронеж, 2001.
6. Коммуникативное поведение. Американское коммуникативное поведение. /Ред. И.А.Стернин, М.А.Стернина. Воронеж, 2001.
7. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М., 2002. 277 с.
8. Коммуникативное поведение. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж. 2003.
9. Коммуникативное поведение. Sternina M., Sternin I. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh, 2003.
10. Коммуникативное поведение. Вып. 21. Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника. / Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2004.
11. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. Изд.2. испр. и доп. Флинта-Наука. М., 2006.
12. Стернина М.А. Английское и американское коммуникативное поведение. Учебное пособие. Воронеж, 2006.

Тематические сборники

1. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. /Ред.И.А.Стернин. Воронеж, 2000.
2. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.2. /Ред.И.П.Лысакова, И.А.Стернин. С-Пб., 2001.
3. Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Вып.3. /Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2002.
4. Коммуникативное поведение. Русское и французское коммуникативное поведение. Вып.1. /Ред. И.А.Стернин, Р.А.Ермакова. Воронеж, 2002.
5. Коммуникативное поведение. Русское и китайское коммуникативное поведение. Вып.1. /Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2002.
6. Коммуникативное поведение. Русское и немецкое коммуникативное поведение. Вып. 1. /Ред.И.А.Стернин, Х.Эккерт. Воронеж, 2002.
7. Коммуникативное поведение. Возрастное коммуникативное поведение. Вып.1./ Ред. И.А.Стернин, К.Ф.Седов. Воронеж, 2003.
8. Коммуникативное поведение. Вып.17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж, 2003.
9. Коммуникативное поведение. Вып. 18. Песня как коммуникативный жанр /Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2004.
10. Коммуникативное поведение. Вып.19. Коммуникативное поведение славянских народов./ Ред. И.А.Стернин. Воронеж, 2004.
11. Коммуникативное поведение. Вып. 20. Русское и финское коммуникативное поведение. /Ред. И.А.Стернин. Воронеж. 2004.
12. Коммуникативное поведение. Вып.22. Коммуникативное поведение славянских народов. Воронеж, 2006.
13. Коммуникативное поведение. Вып.23. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2006.

Работы, опубликованные в периодических изданиях Межрегионального центра коммуникативных исследований

Ниже приводятся библиографические списки публикаций, опубликованных в периодических тематических сборниках и других изданиях кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета и мМежрегионального центра коммуникативных исследований, начиная с 1997 г.

Используемые сокращения наименований периодических и разовых изданий:

КОиФ – Культура общения и ее формирование / Науч. ред. И.А. Стернин. Вып. 6-17. – Воронеж: Истоки, 1998-2006.

РВ – Речевое воздействие / Науч. ред. И.А. Стернин.

Текст в фокусе… – Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. Ярославль, 2002.

КП – Коммуникативное поведение (разные выпуски). Воронеж, 2000 -2006.

ЯНС – Язык и национальное сознание / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж, 1998-2006.

ЯНК – Изучение и преподавание языка как национально-культурной ценности. – Воронеж, 1997.

ЧИП-3 – Человек в информационном пространстве. Воронеж, 2003.

ЧИП-2004 – Человек в информационном пространстве. – Воронеж, 2004.

ЧИП-2005 – Человек в информационном пространстве. – Воронеж, 2005.

ЧИП-2006 – Человек в информационном пространстве. – Воронеж, 2006.

КИС – Коммуникативные исследования (выпуски 2003, 2004, 2005)

МПКЛ – Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж, 2001.

Гендерное коммуникативное поведение

Авдевнина О.Ю., Джураев Р.И. Выражение признака «пол» в русском и узбекском языках // ЯНС, 1998, вып.1. С. 99.

Адонина Л.В. Асоциативное поле женщина в русском языковом сознании: гендерный аспект // ЯНС, 2006, Вып. 8. С. 105-115.

Адонина Л.В. Ассоциативные поля в русском языковом сознании: гендерный аспект // КО, 2006, вып. 16. С. 82-86.

Анисимова Л.Г. Гендерный аспект PR-коммуникаций: проблема симметричности и асимметричности текста // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 110-112.

Бахметьева И.А. Русское «женщина» и английское «woman» // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 160.

Беляев Н.А., Хренова Н.Ф. Сохранение в коммуникации гендерных различий // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 82.

Боровкова Н.А. Женская речь в «женской» и «мужской» прозе // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 66-67.

Боровкова Н.А. Особенности женского коммуникативного поведения // КОиФ, 2005, вып. 15. С. 69-71.

Бумагин Р.Е. Гендерные детерминанты речевого общения // РВ, 2000. С.122-123.

Бурцева В. Гендерные особенности ассоциативной структуры слова // КО, 2006, вып. 17. С. 76-77.

Воротникова А.Э. Общение женщины с миром в романе Б. Фришмут «Лунные женщины» // КО, 2006, вып. 17. С. 30-33.

Гетте Е.Ю. Вопрос в мужском и женском коммуникативном поведении // ЯНС, вып. 5, 2004. С. 167-172.

Гетте Е.Ю. Гендерная специфика общения (экспериментальное исследование) // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 57-64.

Гетте Е.Ю. Мужчина и женщина как потребители информации // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 26-31.

Гетте Е.Ю. Проблемы изучения гендерного коммуникативного поведении // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 66-72.

Гетте Е.Ю. Проблемы описания гендерного коммуникативного поведения: гендер и профессия // ЯНС, 2002, вып. 3. С. 80-83.

Гетте Е.Ю. Тематическая направленность общения: гендерный аспект // ЧИП-2004. С. 157-159.

Демченко Ю. Акустическая характеристика голоса персонажей как отражение гендерных стереотипов в художественном тексте // КОиФ, 2004, вып. 13. С. 201-202.

Дмитриева Л.В. Языковая игра в малой женской прозе // КИС, 2005. С. 172-176.

Добрынина Л.А. Коммуникативное поведение американцев в общении с противоположным полом // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 84-89.

Добрынина Л.А. О национальной специфике американского гендерного коммуникативного поведения // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 32-34.

Досимова М.С. Концепт женщина в русских паремиях // КО, 2006, вып. 16. С. 86-90.

Дуссалиева Э.А. Номинация концепта мужчина в русских паремиях // КО, 2006, вып. 16. С. 90-95.

Евдокимова О.А. Этнокультурные стереотипы и гендерные отличия в тексте журнальной рекламы // КИС, 2005. С. 130-135.

Ермаков А.М. Застольные разговоры в «Волчьем логове»: женщина в мировоззрении Гитлера // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 66-70.

Зацепина Е.А. Наблюдения над гендерной спецификой концептов вежливость, грубость в русском сознании // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 99-102.

Кирилина А.В. Мужественность и женственность как культурные концепты // МПКЛ, 2001. С. 141-148.

Кирьянов М. Гендерный образ мужчины в рекламе // КИС, 2005. С. 123-126.

Киселева Н. Особенности мужской речи (по материалам художественной прозы) // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 100.

Киселева Н.А. Особенности синтаксиса мужской речи (по материалам художественной литературы) // КОиФ, 2005, вып. 15. С. 73.

Конева Т., Логвина Ю., Шипилова М. Гендерные особенности восприятия концептов семья, быт, детство // КОиФ, 2003, вып. 11. С. 36.

Крюкова С., Тращеева М. Общение с юношами в восприятии девушек // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 73.

Кузнецова Е.Е. Особенности мужского общения // КОиФ, 2005, вып. 15. С. 72.

Кузнецова Е.Е. Особенности мужского общения в «женской» и «мужской» прозе // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 64-66.

Малахова А., Турьева Е. Гендерные особенности восприятия концептов любовь и ревность // КОиФ, 2003, вып. 11. С. 40.

Малахова А., Шипилова М. Общение с девушками в восприятии юношей // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 74.

Малюкова О. Гендерные особенности восприятия концепта СЕМЬЯ // КОиФ, 2005, вып. 15. С. 74.

Морозова И.А. Гендерная лингвистика и описание языковой личности // ЯНС, 2002, вып. 3. С. 74-79.

Морозова И.А. Особенности художественной манеры И.А. Бунина в описании гендерного коммуникативного поведения // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 25-26.

Морозова И.А. Улыбка как гендерная характеристика персонажа в прозе И.А. Бунина // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 45-46.

Московченко Е.Н. Восприятие внешности оратора в мужской и женской аудитории // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 33-34.

Мусаутова Е.А. Личность в пространстве гендерного диалога: Абеляр и Элоиза // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 152-156.

Полякова Е.К. Экспериментальное изучение гендерного риторического идеала // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 76.

Серебрякова Р.В. Восприятие комплиментов мужчинами и женщинами // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 31-32.

Услугина Е.Н. Гендерно-ориентированные коммуникации в практике PR // РВ, 2000. С. 124.

Федина И. Эмоциональность мужчин и женщин в конфликтной ситуации // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 101.

Фридман Ж.И. Гендерные и возрастные особенности психологически реального значения слов «помощь» и «труд» // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 38-44.

Фролова А. Комплименты в речи мужчин // КОиФ, 2003, вып. 11. С. 35.

Шаманова М.В. Гендерная специфика категории общение (по данным свободного ассоциативного эксперимента) // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 163-168.

Шевченко М.В. Женщина в текстах правового характера Древнего Ближнего Востока // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 206-209.

Профессиональное коммуникативное поведение

Амитина М., Ухова Л.В. Сравнительный анализ коммуникативных стратегий и тактик в телевизионном публичном дискурсе (на примере программ А. Максимова «Ночной полет» и Т. Толстой и А. Смирновой «Школа злословия») // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 108-110.

Антонова Л.Г. Культура речи менеджера: теоретические и прикладные аспекты программы обучения // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 117-120.

Ашкова А.Е., Горбунова А.В., Косинова Н.Е. Речевое поведение В.В. Путина // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 73.

Бавыкина Е. Общение продавца и покупателя в процессе торговли // КОиФ, 2003, вып. 11. С. 51.

Багрянская Н.В. Возрастные особенности общения военнослужащих // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 39.

Багрянская Н.В. Лакуны в коммуникативном поведении военнослужащих // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 69.

Багрянская Н.В. Особенности коммуникативного поведения военнослужащих // ЯНС, вып. 5, 2004. С. 173-180.

Багрянская Н.В. Речевая деятельность военнослужащих в сфере официальных отношений // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 65.

Багрянская Н.В. Тематика речевого общения военнослужащих // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 76-77.

Белильцева Ю.В. Термины лидерства и их место в национальной культуре // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 122-124.

Белоусов Н.И. Доминанты спортрепортажа // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 90.

Белоусов Н.И. Формы обращения в политической коммуникации // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 102-103.

Блудова А.Г. Изучение PR-текста с помощью адресант-идентифицирующих и адресат-идентифицирующих категорий дискурс-анализа // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 59-63.

Ватутина М.В. Формирование готовности к коммуникативному взаимодействию в процессе обучения иноязычной коммуникации // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 153-158.

Водянникова И.Ф. Проблемы агрессивного общения в спорте // КОиФ, 1999, вып. 6.

Волынкина С.В. Временное пространство оскорбления в сфере телевизионного ток-шоу // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 115-117.

Горобец Л.Н. Жанр как ведущая единица обучения студентов-нефилологов на занятиях по риторике // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 171-176.

Громыко С.А. Диалогичность как конституирующий признак полемики в I Государственной Думе 1906 г. // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 63-66.

Дедова О.М. Речевое воздействие в коммуникативной ситуации «врач-больной» // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 77-79.

Дедова О.М. Языковое поведение врача вне профессиональной коммуникативной ситуации // РВ, 2000. С. 79-80.

Демина А. Выразительность речи политиков // КОиФ, 2004, вып.13. С. 225.

Джамил Мохаммед Садун. Номинация лиц по профессиональному использованию речи в русском языке // КИС, 2004. С. 80-82.

Драчук Е.В. Культура делового общения и коммуникативные навыки руководителя // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 68-70.

Егоршина Е.В. Диалог как основа современного литературного образования // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 176-180.

Ерохина Е.Л. Оценочные жанры в речи учителя // КИС, 2004. С. 61.

Земцова В. Лексема студент в языковом сознании студентов // КО, 2006, вып. 17. С. 103-106.

Иванчикова Т.В. Речевая компетентность педагога в коммуникативном пространстве вуза // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 180-189.

Изотова И.В. PRоблема PRименения PRинципа коммуникативной PRактики в PRоцессе PRоектирования PR-специалиста // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 115-117.

Инютин Вл. В. Педагогическое общение в концепции Г.П. Федотова // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 85-89.

Ипполитов О.О. Об обучении вопросительным конструкциям иностранных учащихся нефилологических специальностей // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 142-143.

Казакова Е. Особенности диалога в телепередачах «Школа злословия» и «Апокриф» // КИС, 2005. С. 98-102.

Казакова Л.Н. Повышение общекультурной компетентности студентов в процессе обучения основам этикета // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 189-192.

Капустян Е., Антонова Л.Г. Коммуникативный портрет современного политика // КИС, 2004. С. 68-73.

Капылова О.И., Шустина И.В. Языковая игра в речи ведущих музыкальных каналов // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 117-120.

Киуру К.В. Дискурс власти: методология анализа медиатекстов // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 120-123.

Кожевникова И.Г. Профессиональные и общекультурные требования к речевому поведению студентов спортивных вузов // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 37-38.

Колышкина Т.Б. Адресант и адресат в журнальной рекламе // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 123-126.

Корсакова Л.Е. Комплексный анализ текста как средство формирования языковой личности специалиста (на примере дискурса юридической специальности) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 192-197.

Косинова Л.И. Культура общения в школе // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 4-6.

Костромина Е.А. К вопросу об этической корректности рекламного дискурса // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 126-130.

Кузьмичева Л.О. Отношения между Европейским союзом и Россией: особенности коммуникации на уровне политических элит и экспертного сообщества // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 77-80.

Куксова М.Ю., Шустина И.В. Особенности речевого воздействия на целевую аудиторию в текстах, рекламирующих медицинские препараты // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 138-140.

Лазуренко Е.Ю. Коммуникативное поведение руководителя в оценке подчиненных и самооценки // КИС, 2004. С. 46-50.

Лазуренко Е.Ю. Коммуникативные особенности поведения руководителя // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 67-69.

Лазуренко Е.Ю. Культура речи учителей Воронежской области // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 3-4.

Лазуренко Е.Ю. Образ начальника в языковом сознании носителя русского языка // ЯНС, вып. 7, 2005. С. 123-126.

Лазуренко Е.Ю. Положительные стороны речевого поведения руководителей // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 31-36.

Лазуренко Е.Ю. Речевое поведение руководителей // ЧИП, 2004. С. 44.

Лапинская И.П., Виноходова Т.Н., Пономарева Т.Н. Общение «продавец-покупатель» в условиях городского рынка // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 72.

Лапотько А.Г., Нурмаматова А.В. Профессиональная деятельность как фактор формирования группового коммуникативного поведения // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 87-89.

Лудильщикова Н.А. Прикладные аспекты изучения реальной речевой коммуникации студентов техникума // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 203-207.

Лунева Л.П. Культура общения учителя на уроке // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 33-34.

Максимова Е.С. Адресат в условиях языковой агрессии СМИ // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 140-143.

Мальцева В.А. Коммуникативный компонент в гуманитарной подготовке студентов нефилологических специальностей // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 211-215.

Мандрукевич А.В., Ухова Л.В. Гендерные различия коммуникативного поведения телевизионных ведущих // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 140-143.

Маслов Ю.В. Понятие «экология» и концепции экологической журналистики // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 143-145.

Мелехова Н. Телеинтервью как фреймовая структура // КИС, 2005. С. 102-108.

Мокичева М.В. Особенности коммуникативного поведения радиоведущих регионального и столичного эфира // КИС, 2005. С. 108-111.

Мокичева М.В. Особенности коммуникативного поведения радиоведущих регионального и столичного эфиров (на примере радиоведущих М. Ильинской и А. Кутузовой) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 145-147.

Мруць Н.А. Образ учителя в восприятии учителей и работников дошкольных учреждений // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 35.

Мруць Н.А. Особенности коммуникативного поведения российского учителя // ЯНК, 1997.

Мруць Н.А. Профессиональный менталитет и профессиональное коммуникативное поведение // ЯНС, 1998, вып.1. С. 27-28.

Мухаметов Д.Б. Жанр журналистского расследования в современных СМИ // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 147-151.

Олешков М.Ю. Коммуникативный процесс и групповое сознание (на примере дидактического общения) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 218-222.

Пескова Е.Н. Способы реализации намерений в политических текстах // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 85-88.

Подстрахова А.В. Обучение эффективному профессиональному общению: социокультурный аспект // РВ, 2000. С. 70-71.

Попова М.К. Речевое поведение начальника (по роману А. Марининой «Мужские игры») // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 84.

Попова М.К., Савченко А.Л. Особенности общения на зарубежных научных конференциях // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 39-41.

Попова О.К. Педагогическая толерантность и общение с незрячими и слабовидящими детьми // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 34-35.

Пятницына Н.Л. Культурологический аспект учебного диалога на уроках русского языка // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 10-12.

Саломатина М.С. К трактовке понятии коммуникативная личность // КОиФ, 2005, вып. 4. С. 85-86.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога // ЯНС, 2004, вып. 5. С. 152 –156.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога // ЯНС, 2004, вып. 5. С. 152-154.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога как объект изучения // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 44-47.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога как предмет экспериментального изучения // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 12-16.

Саломатина М.С. Коммуникативное поведение студента-филолога (содержательно-тематический фактор) // Возрастное КП, 2003. С. 87 – 89.

Саломатина М.С. Невербальное поведение учителя-филолога // ЧИП, 2004, С. 162-163.

Саломатина М.С. Особенности коммуникативного поведения филолога // ЧИП, 2005. С. 74-76.

Саломатина М.С. Формирование языковой личности филолога как лингводидактическая проблема // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 15-16.

Саломатина М.С. Экспериментальное исследование коммуникативного поведения филолога // КИС, 2004. С. 41-45.

Саломатина М.С. Языковая и коммуникативная личность: проблема соотношения // ЯНС, 2003, вып.4. С. 103-107.

Саломатина М.С. Языковая личность современного студента-филолога // ЯНС, 2002, вып. 3. С. 84-88.

Саломатина М.С. Языковая личность студента-филолога // КОиФ, 2002, вып.9. С. 20-21.

Сапожкова А.Ю. «Язык» школьной географии // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 172-175.

Селезнева Г.Я. Политическая фразеология как средство манипуляции общественным сознанием // КИС, 2005. С. 91-94.

Синицына А. Особенности профессионального жаргона пользователей персонального компьютера и работников рекламного бизнеса // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 154-158.

Ситева С.С., Батищева Е.В. Коммуникативная подготовка студентов в неязыковом ВУЗе по специальностям «Реклама», «Менеджмент организации» // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 17-20.

Смирнова А.А. Диалогизация учебной культурологической информации в школе // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 20-22.

Соколова О.И. Авторское «я» в журналистском произведении (на материале публикаций Василия Пескова) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 158-160.

Стеблецова А.О. Особенности английского коммуникативного поведения в сфере трудоустройства // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 104-107.

Степанов В.Н. Провокативные жанры в предвыборных выступлениях кандидатов в депутаты // КИС, 2005. С. 77-82.

Степанова М.М. Коммуникативные игры и задания на уроках культуры общения // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 179-182.

Строкова В.К. Изучение педагогического коллектива как основа эффективного общения руководителя с педагогами // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 112.

Строкова В.К. Основные трудности делового общения руководителя с педагогическим коллективом // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 35-37.

Строкова В.К. Особенности общения в системе «педагог-учащийся» в профессиональном училище // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 71-73.

Строкова В.К. Реализация способов речевого воздействия в общении руководителя профтехучилища с подчиненными // КО, 2006, вып. 17. С. 171-172.

Сумина В.Е. Прагматические аспекты лингвистических исследований текста // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 178-181.

Сустретова Н.В. Роль психологической службы в развитии культуры общения // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 172-173.

Терентьева В.И. Информационная культура будущего специалиста в области туриндустрии как составляющая лингвориторической подготовки // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 38.

Тихонова А. Речевые средства выражения оценки в речи учителя и учащегося (на материале наблюдений за речью педагогов и подростков г. Салехарда) // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 149.

Тоцкая С. Лексема профессор в языковом сознании студентов // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 106-108.

Туркина Е.Н. Анонс в современном телевизионном дискурсе // КИС, 2005. С. 111-114.

Фатеева Н.В. Социокультурное многообразие и его влияние на профессиональную коммуникацию // ЧИП, 2005, вып. С. 83-86.

Фатеева Н.В. Специфика профессиональной коммуникации в многоязыковом обществе // ЧИП, 2004, вып. С. 54-55.

Федотова Н.В. Вопросительные конструкции, используемые в провокационной речи телеведущих // КИС, 2005. С. 82-85.

Хмаро Н.В. Основы академического красноречия в системе профессиональной подготовки преподавателей высшей медицинской школы // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 34-38.

Царевская Н.М. Проблемы преподавания культуры общения в районе // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 6-7.

Черненко Н.М. Система работы с научным текстом на занятиях по курсу «Русский язык и культура речи» // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 38-39.

Черникова С. Идеальный учитель глазами учеников // КОиФ, 2003, вып. 11. С. 76.

Черногрудова Е.П. Обучение эффективному общению в курсе «Основы речевой коммуникации» // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 141-142.

Чистякова О.А. К вопросу преподавания коммуникативного практикума по русскому языку как иностранному в курсовом обучении // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 39-45.

Шабунин А.С. Социально-политические аспекты коммуникации в процессе формирования положительного имиджа региона // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 105-108.

Шамарин В. Учитель глазами учеников // КОиФ, 2003, вып. 11. С. 75.

Шустова Л.А. Особенности педагогической коммуникации в начальных классах // КИС, 2003. С. 95-98.

Яркина В. Невербальное поведение как коммуникативная система хормейстера // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 42-43.

Яровая Т.Ю. Обучение студентов-иностранцев русскому языку в условиях диалектного окружения // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 151-153.

Ясинский Н.Е. Образ учителя в восприятии родителей и учеников // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 80.

Исследования по деловому общению

Kostiuk Sophie V. Rhetoric of interpersonal and small group communication in business // РВ, 2000. С. 41-42.

Валентей Т.В. Эффективность делового общения: лингводидактический аспект (на примере беседы по телефону) // РВ, 2000. С. 43.

Венчугова М.Е., Стернин И.А. Из наблюдений над финским деловым коммуникативным сознанием // ЯНС, вып. 4, 2003. С.111-119.

Голубева Т.С. Понятие и типы русского делового письма // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 40-44.

Дедова О.М. Спецкурс «Деловое общение» в медицинском вузе // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 130.

Ерема А.В. О некоторых особенностях делового английского общения // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 45.

Кашапов М.М. Теория и практика исследования иформирования оптимальной стратегии разрешения конфликтной ситуации // ЧИП 2003. С. 170-178.

Колышкина Т.Б. Проблемы маркетинговых коммуникаций // ЧИП, 2005, вып. С. 41-44.

Куранда Л.В. Национальная обусловленность делового общения // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 103.

Медведева Н.Ф. Психология и культура делового общения // РВ, 2000. С. 69.

Мруць Н.А. Особенности оформления делового письма в немецком и русском делопроизводстве // Русское и немецкое КП, 2002, вып. .С. 33-39.

Николаева И.П. Учение Конфуция и принципы современного делового общения // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 17-18.

Рудакова А.В. Понятие «деловое общение» и практика коммуникации // ЧИП, 2004, вып. .С. 60-61.

Стеблецова А.О. Влияние англоязычного делового стиля на русское деловое общение // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 43-45.

Стеблецова А.О. Деловое письмо внутри предприятия: национально-культурные особенности, сходства и различия // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 95-99.

Стеблецова А.О. Деловой текст и национальный деловой менталитет // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 95-100.

Стеблецова А.О. Эффективность речевого воздействия в сфере деловой корреспонденции // РВ, 2000. С. 39-40.

Стеблецова А.О. Деловой текст как объект лингвокультурологического анализа // Текст в фокусе …, 2002. С. 178-181.

Строкова В.К. Основные трудности делового общения руководителя с педагогическим коллективом // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 35-37.

Туманова О.А. Исследовательская работа студентов как способ развития культуры делового общения // РВ, 2000. С. 73-74.

Шереметьева А.М., Гостева Г.В. Спецкурс «Язык делового общения» в ВГТА // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 131.

Национальное коммуникативное поведение

Русское коммуникативное поведение

Адонина Л.В. Асоциативное поле женщина в русском языковом сознании: гендерный аспект // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 105-115.

Аленькова Н.В. «Горестное чувство» в русских паремиях // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 136-139.

Алтунина Н. Речевое воздействие в коммуникативной ситуации ревности // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 87.

Антонова Л.Г. «Благоприятная речевая среда» региона: практические поиски и решения // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 168-171.

Атланова Е.О. Концепт новое слово в русском языковом сознании // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 179-182.

Атланова Е.О. Слово «мачо» в русском языковом сознании // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 125-133.

Атланова Е.О. Экспериментальное изучение понятия «новое слово» в русском языковом сознании // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 22-24.

Балашова Е.А. Особенности восприятия мира русскими и словенцами // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 166-170.

Басовская Е.Н. Отрицание в структуре строчного газетного объявления // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 110-112.

Беляева Н.Л. Пространственная метафора в сфере репрезентации товарно-денежных отношений // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 84-87.

Беляева Н.Л. Ценностная составляющая русского концепта деньги // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 171-173.

Бернгардт О.В. Влияние социокультурной среды на развитие немецко-русского двуязычия // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 11-15.

Будаев Э.В. Метафорическая модель со сферой-источником «Спорт» в российской и британской прессе // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 15-17.

Вахтель Н.М. Высказывания с глаголом в форме императива с отрицанием в позиции газетного заголовка // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 112-115.

Вахтель Н.М. Модели чисто русских речевых актов // Финское и русское КП. Сб. 1. 2000. С. 47.

Вахтель Н.М. О некоторых чисто русских моделях речевых актов // ЯНС, 1998, вып.1. С. 71-73.

Вахтель Н.М. Специфика директивных речевых актов в публицистическом дискурсе // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 173-178.

Власенко И.С. От заголовка к слогану // КИС, 2005. С. 120-123.

Водоватова Т.Е. Тавтологические высказывания: причины употребления в речи // КО, 2006, вып. 16. С. 36-39.

Войводич Дойчил. О лингвокультурном статусе обращений в русском языке в прошлом и настоящем // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 101-129.

Восковых О.Н. Речевое воздействие в ситуации супружеского конфликта // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 87-93.

Гайворонская Л.В. Агрессивный диалог в русском общении // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 82-84.

Голуб В.Я. О коммуникативной значимости пунктуации в пушкинском тексте // КИС, 2005. С. 149-151.

Горбачева Е.Н. Коммуникативное действие «спор» в русской лингвокультуре // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 29-35.

Деева Н.В., Куданкина О.А. Когнитивные стереотипы восприятия феномена жизнь русским сознанием // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 168-173.

Дементьев В.В. О структуре фатического поля языка // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 120-128.

Джамил М. Номинация лиц по коммуникативным признакам в русском языке // КИС, 2003. С. 59-64.

Дорофеева И.В. Обращение в разговорном дискурсе // КИС, 2005. С. 39-50.

Дубаков Л.В. Столкновение оккультного и «новорусского» дискурсов в книге В.О. Пелевина «ДПП (НН)» // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 87-91.

Дудкина Н.Н. Культура общения и Интернет // КО, 2006, вып. 17. С. 160.

Дурандина С.Л. Образы мира и земной жизни в русской и английской языковых культурах // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 17-21.

Дьякова Л.Н. Тема застолья в авторской песне // КИС, 2005. С. 161-166.

Егорова О.С., Косогорова Х.Г. Структурно-семантические типы инициирующих реплик в сказочном тексте // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 95-98.

Жогова М.А. Баннерная реклама в Интернете // КИС, 2005. С. 142-144.

Жуленева Е. Блог («Живой Журнал») как форма интернет-дискурса // КИС, 2005. С. 94-98.

Жуленева Е.С. Общие жанровые особенности электронного эпистолярия // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 233-237.

Заславская М. Праздник как часть групповой культуры // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 113-117.

Зацепина Е.А. Вежливость и обычай по данным русской паремиологии // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 155-158.

Зацепина Е.А. Концепты «вежливость» и «грубость» в русском коммуникативном сознании // ЯНС, 2002, вып. 3. С. 49-55.

Зацепина Е.А. Определение психологически реального значения слова (на примере лексем вежливость и грубость) // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 44-48.

Зачесова И.А. Особенности речи в непринужденном семейном общении // КИС, 2003. С. 31-34.

Зимина Л.И. Национальная специфика немецких фразеологизмов с компонентом «Mund» на фоне русского языка в контексте межкультурной коммуникации // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 87-93.

Зленко И.П. Номинация «французский язык» в русском языковом сознании // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 48-50.

Зленко И.П. Стереотип английского языка в русском сознании // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 148-151.

Зотова А.Б. Особенности ассертивных речевых актов, выражающихся восклицательными предложениями, в русском и американском художественном дискурсе // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 34-40.

Зотова А.Б. Виды этикетных речевых актов, выражаемых восклицательными предложениями в русской и американской коммуникации // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 39-45.

Зотова А.Б. Восклицательные предложения как средство выражения эмоций в русском и американском коммуникативном поведении // КИС, 2005. С. 34-39.

Иванова М.М. Значение слова «олигарх» в языковом сознании носителей русского языка // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 139-146.

Иванова М.М. Контекстуальные синонимы слов «предприниматель», «бизнесмен» // КИС, 2005. С. 68-70.

Иванова М.М. Синонимы ли слова бизнесмен и предприниматель в современном русском языке? // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 173-179.

Иванова М.М. Слова «предприниматель», «бизнесмен» в коммуникативном процессе // КИС, 2005. С. 64-68.

Калабушкина О.О. Конфликтное речевое поведение в аспекте лингводидактических задач // КИС, 2005. С. 178-186.

Калугина В.А. Лексемы жар, жара, heat в аспекте межкультурной коммуникации // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 27-31.

Калугина В.А. Национальная специфика объективизации концепта «температура» в русской и английской национальных картинах мира // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 45-50.

Каменская В.М. Концепт труд в русской зооморфной пословице // ЯНС, 2006, Вып. 8. С. 160-163.

Карлик Н.А. Светское общение и его жанровые разновидности // ЧИП, 2005.С. 35-37.

Катуков С.С. Номинативное поле концепта брань и моделирование содержания концепта // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 159-160.

Кеэрберг Лийс. Что меня удивляет в коммуникативном поведении русских // Финское и русское КП, вып. 1. 2002. С. 26-29.

Кирияк О.А. Национальная специфика отношения к воровству в английском и русском фольклоре // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 31-36.

Киселева Г.В. Культурный концепт Москва по экспериментальным данным // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 143-149.

Ковалева Т.Г. Прилагательное в рекламном дискурсе (на примере агитационных материалов) // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 184-189.

Козельская Н.А. Метафора в рекламе // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 180-184.

Козельская Н.А. Русские в зеркале анекдота // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 122-125.

Колпакова А.С. Концепты хорошее слово, плохое слово в русском языковом сознании // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 158-160.

Колтакова С.В. Национальная специфика лексико-семантической группы «Труд» в русском и английском языках // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 56-61.

Кононова Е.А. Языки в межкультурной коммуникации // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 36-39.

Коняхина О. В. Номинации-оценки в контексте речевой культуры говорящего // КИС, 2005. С. 70-71.

Коняхина О.В. Номинации-оценки в контексте речевой культуры говорящего// КОиФ, 2006, вып. 17. С. 58-60.

Костина И.В. К вопросу о специфике светской беседы в русском коммуникативном пространстве // ЧИП, 2004. С. 58-61.

Крайнова А.С., Лысакова И.П. Особенности презентации в иностранной аудитории высказываний со значением согласия и несогласия/отказа (социолингвистический аспект) // КИС, 2005. С. 186-193.

Кузина Е.А. ДОМ как средство межкультурной коммуникации // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 39-43.

Куликова Л.В. Коммуникативная и социокультурная экспликация отношения к пространству в русской и немецкой лингвокультурах // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 195-200.

Куликова Л.В. Коммуникативная и социокультурная экспликация отношения к пространству в русской и немецкой лингвокультурах // КИС, 2005. С. 144-149.

Куликова Л.В. Коммуникативный стиль и lingua franca в межкультурной коммуникации // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 206-212.

Кулько О.И. К проблеме коммуникативного фона: тексты маршрутного такси // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 140-144.

Куранова Т.П. Языковая игра в современной российской тележурналистике // Русское и финское КП, 2006, вып. 23 .С. 35-40.

Куркина А.С. Общительность как ключевой параметр языковой личности А.П. Чехова // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 245-250.

Латыпова Е. Эффективность визуальной рекламы // КИС, 2005. С. 126-130.

Линдстрем Е.Н. Директивные вопросы в русском языке // КП славянских народов, 2006, вып. 22.С. 12-28.

Литвинова Л.А. Проблема ключевого слова-репрезентанта концепта деревня в современном русском языке // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 140-143.

Литвинова Ю.А. Лексическая объективация концепта город в русском языке // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 138-140.

Лихачева А. Национальные особенности медийной коммуникативной культуры: новостные программы литовского и российского телевидения // КИС, 2005. С. 85-91.

Мазаева А.Ю. Типологические черты фразеологических единиц семантического поля «лицемерие» (на материале английского и русского языков) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 43-45.

Маклакова Е.А. Национальная специфика наименований лиц (русское мать и английское mother) // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 121-124.

Маняхин А.В. Концепт разум в сознании школьников и студентов-филологов // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 173-180.

Медведева А.В. Национальные ритуалы и формирование символического значения наименований бытовых реалий в русском и английском языковом сознании // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 66-70.

Меликян С.В. Молчание в русском общении // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 55-56.

Меликян С.В. Молчание в русском общении // Финское и русское КП, 2000,вып. 1. С. 53.

Меликян С.В. Речевой акт молчания в русском общении // ЯНС, 1998, вып.1. С. 73

Меликян С.В. Функции молчания в коммуникативном поведении человека // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 91-94.

Меликян С.В. Является ли молчание знаком согласия в русском общении? // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 49.

Мельников-Давыдов П.И. Функциональные стили в русском языковом сознании (синхронический и диахронический взгляд) // ЯНС, 2006, Вып. 8. С. 16-22.

Милованова О.В. Особенности актуализации жаргонной лексики // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 64-67.

Митрофанова Е.В. Интерьер ресторанных заведений как пространство визуальных кодов и значений // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 146-150.

Моисеенко А.В. Некоторые особенности синонимических рядов в лексике СМИ английского и русского языков (контрастивный аспект) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 45-47.

Мохаммед Садун Джамил. Наименования лиц по особенностям речевой деятельности в современном русском художественном тексте // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 10-20.

Мруць Н.А. Тематика общения педагога (по материалам художественной литературы) // КИС, 2005. С. 15-23.

Мурзо Г.В. Образ автора и адресата в письмах П.П. Муратова К.Ф. Некрасову // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 150-152.

Назарова И.В. Национально-культурные представления в зеркале языка (некоторые итоги специального курса «Язык и культура») // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 146-151.

Никитин Д.С. Социальная оценочность как признак демократизации языка современной газеты // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 151-154.

Никитина О.Е. Языковая игра как средство адресации в песенном дискурсе (на примере творчества Александра Розенбаума) // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 158-162.

Никонова Е. Особенности общения в системе образов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 94-95.

Новгородцева А.Н. Социологический аспект изучения речевой коммуникации // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 80-85.

Новичихина М.Е. Абстрактная лексика в коммерческой номинации: восприятие в коммуникативном сознании // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 154-158.

Новичихина М.Е. Ассоциативное соответствие и информативность в языковом сознании: соотношение понятий (на примере слов-коммерческих названий) // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 80-81.

Новичихина М.Е. Национальная специфика русской коммерческой номинации // ЯНС, 1998, вып.1. С. 74.

Онищенко М. Контрастивный анализ интерпретационных полей концепта свободная страна в русском, английском, немецком языках // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 93-94.

Паничкина О.В. Из опыта контрастивного анализа лексических группировок «учитель» и «ученик» в русском и английском языках // ЯНС, 2006, Вып. 8. С. 56-60.

Паничкина О.В. Лексема «учитель» в современном русском публицистическом дискурсе // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 178-180.

Паничкина О.В. Лексико-семантическое поле «учитель» в современном английском языке // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 109-118.

Панкова Т.Н. Метафоры зерно (grain) и семя (seed) в русском и английском языковом сознании // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 75-78.

Пасечник О.В. Метафорическая репрезентация агрессора, врага и жертвы в медиа-картине мира // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 230-233.

Петрикова-Климчукова А. Диалог культур русского и словацкого народов // КП славянских народов, 2006, вып.22. С. 54-61.

Петряков Л.Д. Перестановки как способ выражения маргинальных смыслов // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 88-91.

Пинчук О. Фантастическое в повести В.Ф. Одоевского «Сильфида» как одно из средств создания ситуации общения героев // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 80-81.

Пипер П. Как дела? О контактоустанавливающих диалогах в русском и сербском языках// КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 3-12.

Попова Е.А. Упреки и попреки в русском коммуникативном поведении // Русское и немецкое КП, 2002. С. 40-45.

Попова Е.А. Авось в русском сознании // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 47-53.

Попович Л. Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 61-84.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М., 2002. 275 с.

Пугач В.Н. За что мстит Сильвио? (анализ коммуникативного поведения героев повести А.С. Пушкина «Выстрел») // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 22-25.

Редькина А.А. Русское коммуникативное поведение по данным современной русской прозы // Русское и финское КП, 2006, вып.23. С. 48-91.

Розенфельд М.Я. Национальные образы в структуре значения русского слова // КП славянских народов, 2006, вып.22. С. 197-203.

Рудакова А.В. Коммуникативный тренинг «Реакция на извинение» // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 12-17.

Савицкайте Е.Р. Принципы кооперации и вежливости в прогностических текстах (на примерах русских и немецких гороскопов) // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 221-227.

Савицкайте Е.Р. Формальные и функциональные особенности креолизированных прогностических текстов (на примере российских и немецких гороскопов) // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 207-210.

Свеженцева П. Экспериментальный анализ концептов город, деревня // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 94.

Серебрякова Р.В. Особенности восприятия комплиментов в русском общении // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 94-95.

Смолина Л.В. Пространственная лексика как средство указания на наблюдателя // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 68-74.

Соколова С.В. Национальные особенности общения // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 170-171.

Соколова Т.С. Ритуализация поведения в русском фольклорном тексте // Русское и финское КП, 2006, вып.23 . С. 44-48.

Стадульская Н.А. Восприятие товарных знаков потребителями и их эффективное использование в СМИ // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 160-163.

Стернин И.А Об особенностях русского коммуникативного сознания // ЧИП, 2003. С. 98-106.

Стернин И.А. К проблеме лакунарности концептов // КО, 2006, вып. 16. С. 142-143.

Стернин И.А. Концепт финский язык в русском сознании // Русское и финское КП, 2006, вып.23 . С. 147-154.

Стернин И.А. Основные особенности русской коммуникативной культуры // КП. Вып.19. КП славянских народов, 2004. С. 10-24.

Стернин И.А. Русское коммуникативное сознание // Финское и русское КП, 2002, вып. 3. С. 5-13.

Стернин И.А. Сопоставительное описание русского, американского и финского коммуникативного поведения // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 91-100.

Стернин И.А. Стилистическая характеристика и ситуация употребления слова // КИС, 2005. С. 55-64.

Стернин И.А. Улыбка в русском коммуникативном поведении // Финское и русское КП, 2000, вып. 1. С. 62.

Стернин И.А. Контрастивное исследование физического контакта и дистанции в русском коммуникативном поведении // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 39-43.

Стернин И.А. Модель русского невербального коммуникативного поведения // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 14-25.

Стернин И.А. Русский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование) // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 9-13.

Сувалкова И. Хорошая речь в русском языковом сознании // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 81-82.

Судаков Г.В. Русское речевое общение в 1812 году // ЧИП, 2004. С. 4-8.

Сычева О.Н. Коммуникативные стратегии билингвов // КИС, 2005. С. 50-55.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт «английский язык» в русском коммуникативном сознании // ЯНС, вып. 4, 2003. С. 130-133.

Тавдгиридзе Л.А. Опыт комплексного описания концепта русский язык // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 144-148.

Тавдгиридзе Л.А., Стернин И.А. Концепт русский язык в русском когнитивном сознании // Русское и финское КП, 2006, вып. 23 . С. 154-167.

Тазетдинова Р.Р. Типизированные концептуальные модели жилища в американской и русской концептосферах // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 183-186.

Тарабрина В.А. Паралингвистические средства в русской разговорной речи // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 106-108.

Таранцей Ю.В. О национальных особенностях установления контакта в общении // ЯНС, 1998, вып.1. С. 58.

Таранцей Ю.В. О некоторых особенностях русского коммуникативного поведения // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 78-82.

Тимофеева Т.В. Перевод в аспекте теории речевого воздействия // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 12-16.

Трубина О.Б. О некоторых особенностях информационного поля жаргонного дискурса // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 96-100.

Трущинская А.С. Репрезентация концепта семья в русских пословицах и поговорках // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 142-147.

Трущинская А.С. Фразеологическая объективация концепта семья в русском языке // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 153-159.

Тюрина О.Б. Межкультурная коммуникация и национально-культурная база родного языка // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 137-138.

Фадеева Е.С. Литературное произведение как способ коммуникации // КИС, 2005. С. 166-170.

Федорова А. Роль языковой шутки в межличностном общении // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 126-127.

Фридман Ж.И. К вопросу о видах значения слова (на примере анализа значений слова «труд») // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 81-82.

Фридман Ж.И. Независимость и самостоятельность: в чем разница для языкового сознания носителя русского языка? // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 30-34.

Хади Нахла М., Чарыкова О.Н. Обращение в русском коммуникативном поведении конца XIX – начала XX века (на материале прозы А.П.Чехова) // Русское и финское КП, 2006, вып 23 . С. 103-108.

Харченко В.К. Спонтанная русская коммуникация: в поисках языкового позитива // КП славянских народов, 2006, вып. 22 . С. 92-97.

Хаустова Э.Д. Образы обуви в языковом фразеологическом сознании русского и английского народов // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 62-66.

Чедыгова А.В. Концепт провинция в русском языке // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 133-138.

Черкасова О.В. Субъективное восприятие частотности слова носителями языка // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 84-86.

Чернышова Е.Б., Чернышова М. Экспериментальное исследование концепта дети // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 160-163.

Чубур Т.А. Контрастивный семный словарь: назначение и принципы создания // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 12-16.

Чубур Т.А. Концепт «незанятость трудовой деятельностью» в русской художественной коммуникации // КИС, 2005. С. 151-161.

Чубур Т.А. Концепт «незанятость трудовой деятельностью» в русском языковом сознании // Русское и финское КП, 2006, вып.23 . С. 167-171.

Шаманова М.В. Коммуникативная лексика в русском языке // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 50.

Шаманова М.В. Афоризмы как средство объективации концепта общение // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 151-153.

Шаманова М.В. К изучению категории «общение» в русском сознании // ЯНС, 2002, вып. 3. С. 56-61.

Шаманова М.В. Категория ОБЩЕНИЕ в русском коммуникативном сознании // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 74.

Шаманова М.В. Коммуникативная категория «общение» в русском коммуникативном сознании // КИС, 2003.С. 180-187.

Шаманова М.В. Экспериментальное изучение категории «общение» в русском коммуникативном сознании // ЯНС, вып. 4, 2003.

Шаманова М.В. Экспериментальные методы изучения категории общение в русском языке // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 100-103.

Шаталова С. Жанровые особенности видеопоздравления // КИС, 2005. С. 114-120.

Швец Е.В. Интервью как один из типов устного публичного диалога // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 237-240.

Шевченко М.Ю. Интерпретационное поле русского концепта культурный в афоризмах и крылатых выражениях // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 189-193.

Шевченко М.Ю. Концепт культурный по данным направленного ассоциативного эксперимента // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 129-133.

Шевченко М.Ю. Концепт культурный по данным экспериментального исследования // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 163-168.

Шилихина К.М. Модификация эмоционального состояния собеседника в процессе общения // ЯНК, 1997. С.44-45.

Шилихина К.М. Национальная специфика модификации поведения собеседника в русском общении // ЯНС, 1998, вып.1. С. 59.

Шилихина К.М. О некоторых имплицитных способах выражения интолерантности // Финское и русское КП, 2004, вып. 4. С. 31-35.

Шилихина К.М. Общение пожилых людей с незнакомыми молодыми людьми в русской коммуникативной культуре // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 44-46.

Щербакова И.А. Извинение в коммуникативном сознании носителя языка // КИС, 2005. С. 71-77.

Щербакова И.А. Экспериментальное исследование концепта извинение // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 169-171.

Юрченко А.К. О содержании понятия «народ» как социологической категории // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 171-173.

Яковчик Е.П. Реклама медицинских товаров // КИС, 2005. С. 135-142.

Коммуникативное поведение славянских народов

Kostić Jelena Novinski oglasi kao deo rituala vezanih za smrt – Istorijat i tipovi // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 134-177.

Балашова Е.А. Особенности восприятия мира русскими и словенцами // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 166-170.

Вичентич Б. Речевой этикет у сербов и русских // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 95-100.

Драгичевич Р. Сербский коммуникативный идеал в сопоставлении с русским (экспериментальное исследование коммуникативного поведения) // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 90-94.

Иванович-Баришич М. Общение живых с мертвыми в посмертном ритуале // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 128-136.

Киклевич А. К. Языковая картина мира vs. текстовая картина мира (на материале польской рекламы бытовой техники) // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 146-156.

Кончаревић Ксенија, Бајић Ружица. О комуникативним функцијама литургијског дискурса у српском језику // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 146-177.

Кончаревич К. Коммуникативное поведение монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде (ситуативная модель анализа)// КП славянских народов, 2006, вып 22 . С. 28-54.

Кончаревич К. О некоторых аспектах коммуникативной культуры старообрядцев // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 97-120.

Маслова А.Ю. Коммуникема как компонент процесса общения (на материале эмотивных высказываний в русском и сербском языках) // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 53-69.

Петрикова-Климчукова А. Диалог культур русского и словацкого народов // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 54-61.

Пипер П. Прилагательное «руски» в вербальных ассоциациях сербов // КП. Вып. 19. КП славянских народов. 2004. С. 183-187.

Пипер П. Как дела? О контактоустанавливающих диалогах в русском и сербском языках // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 3-12.

Пипер П. О некоторых особенностях сербского коммуникативного поведения (в сопоставлении с русским) // ЯНС, 2003, вып. 4. С. 107-111.

Пипер П., Стернин И.А. О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов (русская и сербская коммуникативные культуры) // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 3-9.

Пляскова Е.А. Из наблюдений над обращением в славянских языках // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 130-133.

Попович Л. Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 61-84.

Попович Л.В. Жесты как невербальные и фразеологизированные диалогемы русских и сербов // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 39-52.

Правда Е.А. Некоторые особенности коммуникативного поведения представителей сербскоязычной культуры // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 70-89.

Правда Е.А. Некоторые особенности коммуникативного поведения словаков // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 25-38.

Правда Е.А., Кошова И. Русские в восприятии словаков (экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 188-193.

Правда Е.А., Яурова Т.В. Русские в восприятии сербов (экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 194-198.

Стернин И.А. Национальные представления поляков о русском и польском коммуникативном поведении // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 84-87.

Федоров В.А. Некоторые особенности польского менталитета и коммуникативного поведения (из опыта повседневного общения) // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 87-92.

Шипелевич Л. Изучение восприятия разных культур - один из способов повышения мотивации к изучению иностранных языков // КП славянских народов, 2006, вып. 22. С. 193-197.

Шипелевич Л. Понятие «межкультурная коммуникация» в восприятии польских студентов-русистов // КП. Вып. 19. КП славянских народов, 2004. С. 199-202.

Юменская И.В. Модальные конструкции в функции вежливого обращения в русском и польском языках // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 74-76.

Английское и американское коммуникативное поведение

Sternina M., Sternin I. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh, 2003. 96 p.

Адяева Н.Л. Социолингвистические особенности отклонений от нормы в англоязычной коммуникации // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 4-7.

Антонова Л.А. Некоторые семантические особенности лексической номинации в социолекте маргинальных субкультур США // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 7-11.

Афанасьева А.Э. Медицинский дискурс в британской имперской идеологии // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 54-57.

Базарская Н.И. О некоторых особенностях коммуникативного поведения американцев // ЯНС, 1998, вып. 1. С.63.

Барлова Ю.Е. Антикатолические стереотипы в политическом дискурсе Англии XVIII века: к истории «ирландского вопроса» // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 59-63.

Беляев Н.Н., Хренова Н.Ф. Коммуникативные проблемы современного британского общества // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 69.

Болхоева А.Б. Национальная специфика концепта «гостеприимство» в русской и англоязычной культурах // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 69-71.

Ботникова А.Б. Общение по-английски // КОиФ, 1999, вып. 6. С.82.

Будаев Э.В. Метафорическая модель со сферой-источником «Спорт» в российской и британской прессе // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 15-17.

Варушкина А.В. Риторический дискурс в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 25-28.

Голубева Т.С. Формальная и неформальная деловая переписка в английской коммуникативной культуре // КИС, 2005. С. 200-204.

Гребенчук Я.С. Постмодернистский дискурс в романе Джулиана Барнса «Попугай Флобера» // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 28-32.

Добрынина Л.А. Коммуникативное поведение американцев в общении с противоположным полом // КОиФ, 1999, вып. 6. С.84-89.

Добрынина Л.А. О национальной специфике американского гендерного коммуникативного поведения // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 32-34.

Дурандина С.Л. Образ мира и земной жизни в русской и английской языковых культурах // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 17-21.

Дуров Б.Ю. Проблема общения в романе Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом» // КИС, 2005. С. 170-172.

Егорова М.А., Иванова И.И. Формулы-реакции в английском общении // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 112-113.

Емельянова З.Д. Человек в вихре гражданской войны: проблемы общения (Испанские страницы в публицистике Джорджа Оруэлла) // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 33-40.

Ерема А.В. О некоторых особенностях американского коммуникативного поведения // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 47.

Ерема А.В. О некоторых особенностях делового английского общения // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 45.

Зотова А.Б. Виды этикетных речевых актов, выражаемых восклицательными предложениями в русской и американской коммуникации // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 39-45.

Зотова А.Б. Восклицательные предложения как средство выражения эмоций в русском и американском коммуникативном поведении // КИС, 2005. С. 34-39.

Зотова А.Б. Особенности ассертивных речевых актов, выражающихся восклицательными предложениями, в русском и американском художественном дискурсе // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 34-40.

Иванов М.Н. Дискурсивные аспекты афганских событий в англоязычных источниках // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 21-25.

Калугина В.А. Лексемы жар, жара, heat в аспекте межкультурной коммуникации // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 25-27.

Калугина В.А. Национальная специфика объективизации концепта «температура» в русской и английской национальных картинах мира // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 45-50.

Кирияк О.А. Национальная специфика английской и немецкой сказки на примере сюжета о магическом свойстве имени // ЧИП, 2005. С. 101-105.

Кирияк О.А. Национальная специфика отношения к воровству в английском и русском фольклоре // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 31-36.

Козельская Н.А. Особенности русского и английского коммуникативного поведения по данным фразеологии // ЧИП, 2004. С.72-73.

Колтакова С.В. Национальная специфика лексико-семантической группы «Труд» в русском и английском языках // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 56-61.

Кононова Е.А. Языки в межкультурной коммуникации // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 36-39.

Коренева Е. Ю. Проблема автокоммуникации в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 53-63.

Кузина Е.А. ДОМ как средство межкультурной коммуникации // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 39-43.

Кучеренко С.Н. Особенности русского и американского диалогического коммуникативного поведения // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 61-62.

Кучеренко С.Н. Асимметрия вопросно-ответных диалогических единств в русской и английской коммуникативных культурах // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 38-43.

Кучеренко С.Н. Прямой и девиантный ответы в англоязычной коммуникативной традиции // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 46-48.

Лежнева И.И. Этикет просьбы в русском и английском коммуникативном поведении // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 113-116.

Мазаева А.Ю. Типологические черты фразеологических единиц семантического поля «лицемерие» (на материале английского и русского языков) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 43-45.

Маклакова Е.А. Национальная специфика наименований лиц (русское мать и английское mother) // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 121-124.

Марченко Н.И., Марченко О.И. Коммуникативное поведение американцев в период празднования Halloween // ЯНС, 1998, вып. 1. С.64.

Марчук М.И. Перевод рассказа Э. Хэмингуэя «Кошка под дождем» в аспекте лингвистического и межкультурного взаимодействия // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 144-146.

Медведева А.В. Национальные ритуалы и формирование символического значения наименований бытовых реалий в русском и английском языковом сознании // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 66-70.

Моисеенко А.В. Некоторые особенности синонимических рядов в лексике СМИ английского и русского языков (контрастивный аспект) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 45-47.

Онищенко М. Контрастивный анализ интерпретационных полей концепта свободная страна в русском, английском, немецком языках // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 93-94.

Очерк американского коммуникативного поведения. Науч. ред. И.А. Стернин, М.А. Стернина. Воронеж, 2001. 206 с.

Паничкина О.В. Из опыта контрастивного анализа лексических группировок «учитель» и «ученик» в русском и английском языках // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 56-60

Паничкина О.В. Лексико-семантическое поле «учитель» в современном английском языке // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 109-118.

Панкова Т.Н. Метафоры зерно (grain) и семя (seed) в русском и английском языковом сознании// ЯНС, 2006, вып. 8. С. 75-78.

Правшина И.М. Особенности общения американцев в условиях школы // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 90-92.

Серебрякова Р.В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативной культурах // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 22.

Серебрякова Р.В. О некоторых особенностях английского этикета // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 93.

Серебрякова Р.В. Положительно-оценочные речевые акты в русском и английском коммуникативном поведении // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 36-38.

Сизова Н.В. Аргументативные стратегии английской политической коммуникации (на материале текстов политической сатиры) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 93-96.

Синельникова М.А. Стереотипное представление об американцах и обучение американскому коммуникативному поведению // ЯНС, 1998, вып.1. С. 40-42.

Смирнова А.А. Фатическая коммуникация в англоязычных художественных произведениях // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 47-50.

Соловьева А.А. Способы выражения речевого действия «совет» в современном английском языке // КИС, 2005. С. 30-34.

Стеблецова А.О. Влияние англоязычного делового стиля на русское деловое общение // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 43-45.

Стеблецова А.О. Письмо в британской коммуникативной культуре // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 16-19.

Стернин И.А. Американские коммуникативные табу // ЯНС, 1998, вып.1. С. 65-67.

Стернин И.А. Сопоставительное описание русского, американского и финского коммуникативного поведения // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 91-100.

Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003. 183 с.

Стернин И.А., Стернина М.А. (ред.) Американское коммуникативное поведение. Воронеж, 2001. 224 с.

Стернин И.А., Стернина М.А. (ред.) Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001. 206 с.

Стернина М.А. Коммуникативно-релевантные черты английского национального характера и менталитета // ЧИП, 2003. С. 129-133.

Стрельникова М.А. Коммуникативное поведение интервьюера и интервьюируемого в русской и американской коммуникативных культурах // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 100-102.

Тазетдинова Р.Р. Типизированные концептуальные модели жилища в американской и русской концептосферах // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 186-189.

Таранцей Ю.В. Национально-культурная специфика средств установления контакта в русском коммуникативном поведении в сопоставлении с английским // ЯНК, 1997. С.46-47.

Таранцей Ю.В. Национально-культурная специфика средств установления контакта в русском, английском и американском общении // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 45.

Таранцей Ю.В. Национально-культурная специфика средств установления контакта в русском, английском и американском коммуникативном поведении // ЯНС, 2002, вып. 3. С. 62-68.

Тимофеева Т.В. Вербальная оценка владения языком в английской коммуникативной культуре // ЯНС, вып. 5, 2004. С. 124-128.

Фадеева Е. С. Язык как средство национальной идентификации в новеллах Уильяма Сарояна // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 94-99.

Фадеева Е.С. Форма «письма» как послание миру в новелле У. Сарояна «Холодным днем» // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 42-45.

Фомина И.В. Алкоголь и общение в американской культуре // ЯНС, 1998, вып.1. С.76.

Хаустова Э.Д. Образы обуви в языковом фразеологическом сознании русского и английского народов // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 62-66.

Ходнев А.С. Роль имиджей и идеологии в системе взглядов американской политической элиты // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 100-103.

Хренова Н.Ф. Коммуникативное поведение американцев в ресторане // КОиФ, 1999, вып. 6. С.89.

Цурикова Л.В. Культурно-обусловленные нормы речевого поведения в английском и русском языках // ЯНС, 1998, вып. 1. С. 57.

Чедыгова А.В. Концепт провинция в современном английском языке // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 153-155.

Чернявская Е.С. Английские прозвища и сферы общения // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 145-147.

Чубур Т.А. Методика контрастивного анализа национальной специфики семантики слова // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 50-53.

Шилихина К.М. Коммуникативное давление в российской и американской коммуникативных культурах // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 48.

Немецкое коммуникативное поведение

Anatoly Frenkin. Die Deutschen aus der russischenSicht. Mischka Verlag, 1995 // Русское и немецкое КП. 2002. С. 157-160.

Astrid Ertelt-Vieth. Kulturvergleichende Analyse von Verhalten, Sprache und Bedeutungen im Moskauer Alltag. Verlag Peter Lang, 1990 // Русское и немецкое КП. 2002. С. 149-156.

Baumqart A., Jänecke B. «Rußlandkniqqe». Sprachen und Kulturen. Oldenbourg Verlag, München/Wien, 1997 // Русское и немецкое КП. 2002. С. 164-171.

Verhandeln mit Russen. Gesprächs –und Verhaltensstrategien für die interrulturellem Geschpäftspraxis. Guido Koppel, Renate Rathmayr, Nina Dieht-Želonkina. Wien, Service Fachverlag. 1992 // Русское и немецкое КП. 2002. С. 161.

Бернгардт О.В. Влияние социокультурной среды на развитие немецко-русского двуязычия // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 11-15.

Бойкова И.Б. Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики // Русское и немецкое КП, 2002. С. 100-110.

Борисова Л.М. Проблемы общения в художественном дискурсе (на примере новеллы В. Хайдучека «Прегрешение» (Verfehlung) // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 17-25.

Газизов Р.А. Коммуникативное поведение немцев в этикетных ситуациях общения // Русское и немецкое КП, 2002. С.7-22.

Донат Т. Изменения в отношении русскоязычных переселенцев к изучению немецкого языка в Германии // Русское и немецкое КП, 2002. С. 128-130.

Журавлева Н.В. Образ немца в русской литературе XIX века // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 26-30.

Заметки о русском и немецком общении // Русское и немецкое КП, 2002. С. 172.

Зимина Л.И. Национальная специфика немецких фразеологизмов с компонентом «Mund» на фоне русского языка в контексте межкультурной коммуникации // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 87-93.

Куликова Л.В. Коммуникативная и социокультурная экспликация отношения к пространству в русской и немецкой лингвокультурах // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 195-200.

Куликова Л.В. Коммуникативная и социокультурная экспликация отношения к пространству в русской и немецкой лингвокультурах // КИС, 2005. С. 144-149.

Куликова Л.В. Проявление национального коммуникативного стиля в немецком академическом дискурсе // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 240-245.

Кунце Й. Коммуникативное поведение как важная составляющая процесса обучения иностранному языку // Русское и немецкое КП, 2002. С. 135-137.

Мруць Н.А. Особенности оформления делового письма в немецком и русском делопроизводстве // Русское и немецкое КП, 2002. С. 33-39.

Нетесова Т.Н. Социально-психологическая и лингвистическая роль молодежного жаргона (на примере немецкого языка) // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 62-65.

Онищенко М. Контрастивный анализ интерпретационных полей концепта свободная страна в русском, английском, немецком языках // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 93-94.

Попова Е.А. Доброе утро, Guten Morgen и Good morning // Русское и немецкое КП, 2002. С. 23.

Поталуй В.В. «Недружелюбность к детям» – черта немецкого характера? // Русское и немецкое КП, 2002. С. 80-82.

Савицкайте Е.Р. Принципы кооперации и вежливости в прогностических текстах (на примерах русских и немецких гороскопов) // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 221-227.

Савицкайте Е.Р. Формальные и функциональные особенности креолизированных прогностических текстов (на примере российских и немецких гороскопов) // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 207-210.

Стернин И.А., Топорова В.М., Лесных В.Н. Динамика развития представления о типичном немце в русском сознании // Русское и немецкое КП, 2002. С. 83.

Стернин И.А. Немецкий язык в коммуникативном сознании русских переселенцев в Германии // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 33.

Стернин И.А. Немецкий язык в русском коммуникативном сознании // Русское и немецкое КП. 2002. С. 91-94.

Стернин И.А. Русская невербальная коммуникация (на фоне немецкой) // Русское и немецкое КП, 2002. С. 24-32.

Топорова В.М. Русские и немцы в зеркале своего и чужого // Русское и немецкое КП, 2002. С. 111.

Филюшкина С.Н. «С англосаксонской точки зрения…» // Русское и немецкое КП, 2002. С. 74-79.

Фомина З.Е. О некоторых особенностях немецкого коммуникативного поведения // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 94.

Шабанова А.Б. «С русской точки зрения…» // Русское и немецкое КП, 2002. С. 70-73.

Шабанова А.Б. Немецкий народ в русских пословицах и поговорках // Русское и немецкое КП, 2002. С. 113-115.

Эртельт-Фиит А. «Учиться по образцу?» Сегодняшние представления русских учеников о немцах и Германии // Русское и немецкое КП, 2002. С. 138-148.

Французское коммуникативное поведение

Седых А.П. Русские и французские диалогические стратегии // Русское и французское КП, 2002. С. 20-23.

Dramane Coester. Quelques réactions à partir du livre « Ces drôles de Français» // Русское и французское КП, 2002. С. 64-67.

Бугакова Н.В. Отражение принципов социального устройства общества во французском обращении // ЯНС, 2005, вып. 7. С. 215-219.

Гибсон А.В. «Ты» и «Вы» во французском коммуникативном поведении // ЯНС, 2005, вып. 7. С. 220-229.

Гиляровская Т.В. Культура общения по-французски // Русское и французское КП, 2002. С. 101-102.

Ермакова Р.А. Стереотип французского поведения в русском сознании // Русское и французское КП, 2002 . С. 96-100.

Ермакова Р.А. Французское коммуникативное поведение в некоторых ситуациях бытового общения // Русское и французское КП, 2002. С. 27-31.

Ермакова Р.А. Французское коммуникативное поведение как аспект обучения французскому языку // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 46-47.

Заметки о русском и французском общении // Русское и французское КП, 2002 . С. 119-124.

Зленко И.П. Коммуникативное поведение продавца // Русское и французское КП, 2002. С. 40-43.

Зленко Л.И. Из наблюдений над французским коммуникативным поведением // КИС, 2005. С. 209-212.

Зленко Л.И. Что удивляет в характере и коммуникативном поведении французов // Русское и французское КП, 2002. С. 32-34.

Кашкина Е.В. О влиянии французской культуры на коммуникативное поведение Жителей Магриба // КИС, 2005. С. 215-216.

Киселева О.В. Аксиомы поведения французов // Русское и французское КП, 2002. С. 105-112.

Коновалова Т.В. Французский «скетч» как речевой жанр // Русское и французское КП, 2002. С. 46-49.

Коробова Е. О некоторых национальных особенностях общения французов // КОиФ, 2003, вып. 11. С. 43-44.

Литература по проблемам французского коммуникативного поведения // Русское и французское КП, 2002. С. 129.

Моисева С.А. Французское и русское языковое поведение: контактность и дистантность // Русское и французское КП, 2002. С. 24-26.

Моисеева С.А. Контрастивное исследование глаголов восприятия французского и итальянского языков // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 95-105.

Наролина О.В. Коммуникативное поведение французов в общественном транспорте // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 83.

Наролина-Ришар О.В. Коммуникативное поведение французов в общественном транспорте // Русское и французское КП, 2002. С. 39.

Пюше В. Французы и протест // Русское и французское КП, 2002. С. 44-49.

Розенфельд Я.В., Кашкин В.Б. Некоторые особенности коммуникативного поведения французов // Русское и французское КП, 2002. С. 13-29.

Седых А.П. О коммуникативном этосе русских и французов // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 85-89.

Сергеева О.М. Джон Моул о французском деловом стиле // КИС, 2004. С. 183-190.

Сергеева О.М. Заметки о французском коммуникативном поведении // КИС, 2004. С. 212-215.

Стернин И.А. О выделении доминантных особенностей французского коммуникативного поведения // Русское и французское КП, 2002. С. 69.

Стернина С.Г. Французское и русское коммуникативное поведение: взгляд французов, работавших в России // Русское и французское КП, 2002. С. 35-38.

Трепалина С.А. Об одном исследовании французской языковой личности // Русское и французское КП, 2002. С. 113-118.

Федоров В.А. Насколько мы близки: русские и французы? (из опыта повседневного общения) // КИС, 2005. С. 204-209.

Фененко Н.А. Средства формирования положительного образа Франции и французов во французских средствах массовой информации // Русское и французское КП, 2002. С. 70-77.

Цуверкалов А.Е. Французские табу // Русское и французское КП, 2002. С. 103-104.

Цуверкалов А.Е. Французы глазами иностранцев // Русское и французское КП, 2002. С. 78-85.

Шевченко Ю.С. Французское невербальное коммуникативное поведение // Русское и французское КП, 2002. С. 50-55.

Финское коммуникативное поведение

Lestinen Leena Stereotypes in unofficial course discourse – a pedagogic challenge in teaching and learning cultural awareness? // Финское и русское КП, 2002, вып. 3. С. 130-133.

Алёшина Э.Э. Русские и финны глазами друг друга // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 76-88.

Ваинионпяя Суви, Селезнева Е.Г. Русские и финские инструкции по шитью: национальное сходство и различие // Финское и русское КП, 2002, вып. 3. С. 134.

Ванчинова Е. Особенности национальных анекдотов и их учет в практике преподавания РКИ // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 125-131.

Ванчинова Е. Сопоставительный анализ русских и финских анекдотов // Финское и русское КП, 2004, вып. 4. С. 118-124.

Венчугова М. Особенности финского делового общения // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 3-5.

Венчугова М.Е., Стернин И.А. Из наблюдений над финским деловым коммуникативным сознанием // ЯНС, вып. 4, 2003. С. 111-119.

Высочина О.В. Из наблюдений над финским общением // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 108-111.

Высочина О.В. Коммуникативные особенности взаимоотношений педагогов и учащихся в финских и русских учебных заведениях // Русское и финское КП, 2006, вып 23. С. 12-15.

Высочина О.В. Отношение носителей финского языка к проблеме заимствования иностранных слов // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 54.

Высочина О.В. Степень знания и уровень понимания иностранных слов студентами-носителями финского языка // Финское и русское КП, 2004, вып. С. 137-140.

Гаврилович С. Финские впечатления // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 156-157.

Горячев А. О некоторых стратегиях русской и финской рекламы // Финское и русское КП, 2004, вып. 4. С. 57-61.

Губанова Е.Е. Методические рекомендации по обучению финских студентов составлению русских электронных писем (продвинутый этап обучения) // Русское и финское КП, 2006, вып. 23 . С. 135-139.

Губанова Е.Е. Электронное письмо в русской и финской коммуникации // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 22-29.

Дьякова М.Ю. Русская и финская деловые культуры // Финское и русское КП, 2004, вып. 4. С. 36-45.

Дьякова М.Ю. Финны через призму этнопсихологии // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 70-75.

Евстигнеева Т.А. К вопросу о национальной специфике русского и финского юмора // Финское и русское КП, 2004, вып. 4. С. 104-117.

Ермакова Р.А., Рема Ж. Некоторые аспекты коммуникативного поведения русских, французов и финнов // Финское и русское КП, 2002, вып. 3. С. 97-100.

Ефимова С. Финско-русский словник праздничных атрибутов и формул речевого этикета // Финское и русское КП, 2004, вып. 4. С. 201-204.

Заметки о финском общении (из наблюдений русских над коммуникативным поведением финнов) // Финское и русское КП, 2000, вып. 1. С.88.

Заметки о финском общении // Финское и русское КП, 2002, вып. 3. С. 173-178.

Искануc Санна. Языковая идентификация и языковые контакты русскоязычных учащихся-иммигрантов в Финляндии // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 130-138.

Исомаа Аннукка, Мёллер Яна, Розенфельд М.Я. Русская культура и русские в учебниках серии «Клуб интересных встреч» // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 131-135.

Йоханна Туорила, Стернина М.А. Стереотипы в межкультурной коммуникации: представления финских чиновников о русских // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 32-38.

Кашкин В.Б. Какой язык «самый красивый»? // Финское и русское КП, 2002, вып. 3. С. 101-105.

Кашкин В.Б., Пёйхёнен С. Этнонимы и территория национальной души // Финское и русское КП, 2000, вып. 1. С. 71.

Кашкин В.Б., Пёйхёнен С. Так что же в имени твоем… (Асимметричный дуализм личного имени) // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 54.

Кислякова П.С. Русские и финские речеповеденческие тактики одобрения и порицания // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 5-12.

Козельская Н.А. Русские клиенты глазами финских работников сферы обслуживания // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 30.

Козельская Н.А. Финны в российской прессе // Финское и русское КП, 2000, вып. 1. С. 81.

Козельская Н.А., Няппи К., Турунен Н. Особенности общения в финско-русских семьях // Финское и русское КП, 2002, вып. 3. С. 75-77.

Короткова С.Н. Речеповеденческие тактики просьбы и извинения в русском и финском общении // Финское и русское КП, 2004, вып. 4. С. 3-6.

Короткова С.Н. Русские о финнах // Финское и русское КП, 2001, вып. 2. С. 152-154.

Корпела Туйя, Хорошунова И.В. Национальная специфика делового общения в русской и финской культурах // Финское и русское КП, 2002, вып. 3. С. 89-91.

Кузнецова О.Л. О некоторых тематических табу и эвфемизмах в русском и финском коммуникативном поведении // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 15-16.

Кузнецова О.Л. Россия и русские в изображении финских // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 96.

Кузнецова О.Л. Мимика и жесты (русско-финские соответствия) // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 122-126.

Кузнецова О.Л., Турунен Н. Критические ситуации в стране изучаемого языка (русско-финские параллели) // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 103-106.

Кузнецова О.Л., Турунен Н., Харченкова Л.И. Этнические константы и аксиологические предпочтения русских и финнов (по материалам опроса) // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 89-98.

Кузнецова О.Л., Харченкова Л.И. Место и роль кросс-культурных адапторов в подготовке к межкультурному взаимодействию русских и финнов // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 156-159.

Кузнецова О.Л., Харченкова Л.И. Символика цвета в русской и финской культурах // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 125-129.

Кузнецова О.Л., Харченкова Л.И. Этические нормы русских и финнов в пословицах и поговорках // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 99-102.

Кузьмичева А. Невербальное поведение в русской и финской коммуникативных культурах // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 7-14.

Куутти-Селезнева К., Стернин И.А. Особенности коммуникативного поведения русских туристов в Финляндии // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 78-85.

Кюнкяянниеми Марья. Стереотипы в формировании культурной картины мира учащегося в обучении русскому языку как иностранному // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 111-119.

Лехтонен М., Поталуй В. Коммуникативное поведение русских в представлениях финнов и американцев (на материале справочников по коммуникативному поведению) // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 92.

Луотсинен Леа, Селезнева Г.Я. Национальная специфика выражения приветствия в русской и финской коммуникативных культурах // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 116.

Матюшкин А. Хельсинкиниада // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 113-122.

Миловидова О.В. Определение коммуникативной компетенции петербургских школьников, изучающих финский язык // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 205-211.

Морозова Ю. Обращения к родственникам в России и Финляндии // Русское и финское КП, 2006. С. 15-19.

Мустаеки А., Протасова Е. Миф, доля истины или чистая правда: представления русских о финнах в свете рассказов и анекдотов // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 62-95.

Новичихина М.Е., Хаасисто М., Торппа П. Образ России и русских в представлении студентов-русистов университета Ювяскюля // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 60-61.

Пеппонен И., Руохомяки Р., Стернин И.А. Стереотипы с двух точек зрения (Финский взгляд на русские стереотипные представления о финнах) // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 6-8.

Песола Саана, Стернина М.А. Русская и финская молодежная культура и общение (по материалам русских и финских журналов для девушек) // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 86-88.

Протасова Е., Мустайоки А. «Мы» и «Они»: русские и финны о русских и финнах // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 14.

Роговер Е.С. Из истории русско-финских литературных отношений (Проблема национального характера и поведения) // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 139-151.

Русские анекдоты о финнах // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 158.

Саломатина М.С. Аннотированная библиография статей, опубликованных в выпусках 1 - 4 сборника «Финское и русское коммуникативное поведение» (2000 - 2004) // Русское и финское КП, 2006. С. 183-199.

Саломатина М.С. О финском общении // Русское и финское КП, 2006. С. 111-113.

Сретенская Л., Турунен Н. Из опыта работы с финскими студентами // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 120-121.

Сретенская Л.В., Турунен Н. Восприятие финскими студентами русского научного текста как отражение их национального мышления // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 120.

Сретенская Л.В., Турунен Н. Коммуникативно-речевой автопортрет финнов // Финское и русское КП. Сб. 1. 2000. С. 24.

Сретенская Л.В., Турунен Н. Опыт описания коммуникативного поведения финских студентов (в соответствии с параметрической моделью) // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С. 72-74.

Стернин И.А. Финские поговорки об общении // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 19-22.

Стернин И.А. Сопоставительное описание русского, американского и финского коммуникативного поведения // Русское и финское КП, 2006, вып. 23. С. 91-100.

Стернин И.А. Финны в восприятии русских (экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // Финское и русское КП. Сб. 1. 2000. С. 43.

Стернин И.А. Экспериментальное исследование коммуникативной дистанции финнов и русских // Финское и русское КП. Сб. 1. 2000. С.44-46.

Стернина М.А. Коммуникативное поведение финнов в представлении русских // Финское и русское КП. Сб. 1. 2000. С. 74.

Столе Е., Венчугова М. О некоторых различиях русского и финского делового коммуникативного поведения // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 54-56.

Тупин П., Венчугова М. Особенности деловой коммуникации в русской и финской культурах // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 46-48.

Турунен Н. Русские туристы в Финляндии: некоторые экономические и культурологические аспекты // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 130-136.

Турунен Н. Русский характер и коммуникативное поведение в восприятии финнов // Финское и русское КП. Сб. 1. 2000. С. 37.

Турунен Н. Стереотипы о русских в финском сознании // Финское и русское КП. Сб. 3. 2002. С.50-60.

Турунен Н., Харченкова Л.И. Ассоциативный эксперимент как средство выявления картины мира у представителей разных культур // Финское и русское КП. Сб. 1. 2000. С. 79.

Турунен Н., Харченкова Л.И. Опыт выявления лакун при изучении русского языка в финской аудитории // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 107-110.

Харченкова Л.И. Сопоставительный анализ поведения российских и финских школьников в проблемных ситуациях // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 17-20.

Харченкова Л.И. Изучение невербальной коммуникации русских и финнов // Финское и русское КП. Сб. 2. 2001. С. 127-129.

Хонканен Т., Людина К., Венчугова М. Некоторые национальные особенности русского и финского делового поведения // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 49-53.

Эклунд Х., Турунен Н., Стернин И.А. Представления о русских и России у финских студентов, изучающих и не изучающих русский язык // Финское и русское КП. Сб. 4. 2004. С. 146.

Китайское коммуникативное поведение

Заметки о китайском общении // Русское и китайское КП. 2002. С. 54.

Карлик Н.А. Особенности коммуникативного поведения китайских студентов // КИС, 2003. С. 159-164.

Козельская Н.А., Ван Чжицзинь. Контрастивное описание русских и китайских соматических речений, обозначающих мимику и движение головой // Русское и китайское КП, 2002. С. 42-43.

Лунина О.А. Из наблюдений над некоторыми особенностями китайского гостеприимства // Русское и китайское КП, 2002. С. 27-28.

Лунина О.А. К вопросу о некоторых стереотипах в китайском коммуникативном сознании // Русское и китайское КП, 2002. С. 44-46.

Лунина О.А., Ляо Мей Ли. К вопросу о некоторых коммуникативных категориях в русском и китайском национальном сознании // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 83-85.

Лю Вэй Цзинь. Категория вежливости в русском и китайском коммуникативном поведении // Русское и китайское КП, 2002. С. 25-26.

Лю Вэй Цзинь. Категория вежливости в русском и китайском общении // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 76-77.

Лю Вэй Цзинь. Невербальные средства выражения благодарности в китайском коммуникативном поведении // Русское и китайское КП. 2002. С. 41.

Лю Вэй Цзинь. Невербальные средства выражения благодарности в китайском коммуникативном поведении // КоиФ, 2000, вып. 7. С. 47-48.

Назарова И.В. О специфике преподавания китайским студентам некоторых лингвистических дисциплин // Русское и китайское КП, 2002. С. 52-53.

Назарова И.В. Обращение по имени в китайском коммуникативном поведении // Русское и китайское КП, 2002. С. 13.

Назарова И.В., Ван Чжи Цзинь. Национальные особенности русского и китайского общения // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 29.

Селезнева Г.Я. Коммуникативное поведение китайских студентов и национальные этические принципы // Русское и китайское КП, 2002. С. 47-49.

Селезнева Г.Я. Коммуникативное поведение китайских студентов и национальные этнические признаки // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 30.

Селезнева Г.Я. Речевое поведение китайцев // Русское и китайское КП, 2002. С. 9-12.

Сорокин Ю.А. Русские, вьетнамцы и китайцы: особенности ментосферы // Русское и китайское КП. 2002. С. 50-51.

Стернин И.А. Некоторые отличия китайского невербального поведения от русского // Русское и китайское КП, 2002. С. 35-40.

Стернин И.А. О некоторых особенностях китайского вербального коммуникативного поведения на фоне русского // Русское и китайское КП. 2002. С. 14-23.

Чжао Юншен. Национальные особенности китайского приветствия // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 113-114.

Чжу Юйфу. О различиях в русском и китайском коммуникативном поведении // Русское и китайское КП, 2002. С. 24.

Шабанова А.Б., Лан Сяонин. Термины родства в китайском языке. Контрастивное описание китайского и русского невербального коммуникативного поведения // Русское и китайское КП, 2002. С. 29-34.

Шао Нанси. Символическое значение цвета в китайской культуре // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 83-84.

Юань Цзучжи. Китайское общение (дайджест) // Русское и китайское КП, 2002. С. 59-60.

Коммуникативное поведение отдельных народов

Садик Гуммер Аббуд. Национальная специфика обращения в русском и арабском языках // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 53-55.

Андрей М. Приветствие у румын // КИС, 2004. С. 38-40.

Андрей Мария. Правила представления и знакомства у румын // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 212-217.

Ботерашвили Г.В. Грузинское и русское коммуникативное поведение // КИС, 2003. С. 165-179.

Ботерашвили Г.В. Еврейский характер и коммуникативное поведение в восприятии русских // ЧИП, 2004. С. 66-67.

Быкова Г.В. Пылаева О. Б. Эмотивные лакуны у русских и эвенков // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 34.

Гибсон А. Коммуникативная неприкосновенность личности в русском и испанском коммуникативном поведении // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 23.

Гибсон А.А. Коммуникативный идеал и толерантность в испанской коммуникативной культуре // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 76-82.

Гибсон А.В. Коммуникативная неприкосновенность личности в русском и испанском коммуникативном поведении // КИС, 2003. С. 121.

Гибсон А.В. Особенности реализации некоторых речевых актов в испанском коммуникативном поведении // КИС, 2004. С. 24-37.

Гудина О.В. Учет этнолингвистических особенностей австрийцев как фактор понимания общественно-политических текстов // РВ, 2000. С. 99-100.

Дьякова М.Ф., Еремина Л.А., Мруць Н.А. О некоторых особенностях камерунского коммуникативного поведения // ЯНС, 1998, вып. 1. С. 67.

Заварзина Л.Ю. Особенности коммуникативной ситуации «гость-хозяин» в русском и казахском языках // КОиФ, 1999, вып. 6. С.101-103.

Калкабекова Д.Б. Функции метафоры в современном казахстанском политическом дискурсе // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 70-74.

Коробейников А.В. Информационное пространство – признак этничности? (Идеи к процессуальному моделированию информационного пространства удмуртского этноса по данным XIX века) // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 74-77.

Лазуренко Е.Ю. Национальные особенности коммуникативного поведения чеченцев // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 104-106.

Лассан Элеонора. «Прямая речь» любви как реализация разных речевых актов // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 40-53.

Ли Тхи Хыонг Жанг. Особенности употребления местоимения «Я» во вьетнамском языке // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 77-78.

Литвинов А.В. Основные проблемы страны в трудах первых эфиопских просветителей конца XIX – начала XX веков // ЧИП, 2006, вып. 5. С. 80-85.

Лихачева А. Национальные особенности медийной коммуникативной культуры: новостные программы литовского и российского телевидения // КИС, 2005. С. 85-91.

Лихачева А. Русская составляющая в современном литовском языковом сознании // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 50-56.

Лихачева А.Б. Под знаком сдержанности: о некоторых особенностях литовского коммуникативного сознания // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 90-94.

Моисеева С.А. Контрастивное исследование глаголов восприятия французского и итальянского языков // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 95-105.

Морозова Т.В. Диалог с Дон Жуаном: традиционный образ в романе Гонсало Торренте Бальестера «Дон Хуан» // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 40-42.

Морозова Т.В., Панкова Т.Н. Прецедентный образ в постмодернистском дискурсе (на примере романа Гонсало Торренте Бальестера «Дон Хуан») // Текст – дискурс - картина мира, 2006, вып. 2. С. 32-34.

Нгуен Хи Кыонг. Названия блюд во вьетнамских пословицах // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 78-79.

Паттама Лимудомсук. Характеристика фразеологизмов, относящихся к тайской свадебной и семейной традиции // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 82-83.

Попова М.К. Эфиопское общение // КОиФ, 1999, вып. 6. С.103-107.

Попова М.К., Савченко А.Л. Общение в ирландском пабе как форма выражения ирландского менталитета // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 48.

Прощенкова Н.В. Лакунарность и когнитивная картина мира в близкородственных языках // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 189-195.

Редькина-Кефеллек А.А. Контактность и табу в испанской коммуникативной культуре // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 99-103.

Редькина-Кеффелек А.А. Privacy и испанское коммуникативное поведение // КИС, 2005. С. 9-15.

Редькина-Кеффелек А.В. Испанский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование) // КИС, 2005. С. 7-9.

Савченко А.Л. Дублинский паб как место общения ирландцев // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 31.

Садик Гумар Аббоуд. Обряд свадьбы в арабском мире // КИС, 2005. С. 23-30.

Цымбалистенко Н.В. Мифы и ритуальное общение хантыйского народа // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 50-52.

Цымбалистенко Н.В. Особенности коммуникативного поведения заполярных хантов // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 48-50.

Чан Тхи Тху Хыонг. Национальные особенности питания, отраженные во вьетнамском языке // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 79-80.

Чернышова Е.Б. Особенности коммуникативного поведения детей народов Северного Кавказа // ЯНС, 1998, вып. 1. С.69.

Шигина И.Е. Особенности обращения иностранных студентов к русским преподавателям // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 52-53.

Публикации по проблемам возрастного коммуникативного поведения и сознания

Аниськина Н.В. Реализация авторской интенции в произведениях старшеклассников // Текст в фокусе …, 2002. С. 238-248.

Багрянская Н.В. Возрастные особенности общения военнослужащих // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 39.

Батракова В.Е. Коммуникативное поведение учащихся старшего подросткового возраста в ситуации обращения // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 79-81.

Бойченко Н.И. Комплексное формирование умений и навыков культуры общения у младших школьников // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 195-196.

Бугакова И. Способы создания выразительности в речи старшеклассника // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 105-106.

Бычкова Е., Дробышева Н., Питерский Д. Влияние музыки на коммуникативное поведение подростков // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 112-113.

Винокурова О.В. Влияние социальных эмоций на общение старших дошкольников со сверстниками // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 47-48.

Воронова Е. Категория вежливость в сознании старшеклассников // КП. Вып. 17. 2003. С. 106-107.

Высочина О.В. Возрастные особенности восприятия иноязычных слов носителями русского языка // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 72-73.

Горькова Л.Г. Активизация речевой деятельности дошкольников // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 111.

Горькова Л.Г. Игры-драматизации и детская агрессия // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 50-51.

Горькова Л.Г. Формирование коммуникативного поведения детей в дошкольных образовательных учреждениях Воронежской области как важнейший компонент формирования личности ребенка // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 19-20.

Горючева А. Манипулятивное речевое воздействие в общении с детьми // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 76.

Грищук Е.И. «Воспитанность», «культурность», «интеллигентность» в сознании старшеклассников // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 54-55.

Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании старшеклассников: методика исследования // МПКЛ, 2001. С. 169-172.

Грищук Е.И. Возрастные особенности лексем с абстрактной семантикой // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 82-83.

Грищук Е.И. Значение слова в языковом сознании школьника и практика коммуникации // ЧИП, 2003. С. 127-128.

Грищук Е.И. Лексема вежливость в языковом сознании старшеклассников // КП, 2003, вып. 17С. 108-115.

Грищук Е.И. Понимание культурологической лексики старшеклассниками // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 73-74.

Грищук Е.И. Эффективная похвала в общении с детьми // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 20-24.

Долгова А.А. Учебно-игровая деятельность и общение старших дошкольников со сверстниками // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 48-49.

Дрожжина Т. Тематика разговоров в различных возрастных группах и ситуациях // КОиФ, 2005, вып.15. С. 90.

Елфимова И. SMS-новый вид общения среди современной молодёжи // КОиФ, 2005, вып. 15. С. 91.

Ефремова Л. Слово «душа» в понимании детей и подростков // КОиФ, 2003, вып. 11. С. 56.

Жукова Н.Е. Возрастные особенности развития диалогической речи дошкольника // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 49-50.

Загребельная С.А. Диалог в речевом общении и обучение ему младших школьников // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 193.

Зачесова И.А. Возрастные особенности детского речевого общения // КИС, 2003. С. 103-107.

Землянухина Т.М. Особенности формирования общения между сверстниками в дошкольном возрасте // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 43-44.

Землянухина Т.М. Особенности формирования общения со взрослыми у детей раннего возраста // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 63-64.

Иващенко А. Словообразовательный анализ речи современных старшеклассников // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 106-107.

Киреева К. Экспериментальное изучение концепта отдых в сознании современной молодёжи // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 98-100.

Ковалева В.И. Экспериментальное исследование концептов интеллектуальной характеристики человека в сознании школьников // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 88-90.

Комольцева О.В. Отношения альтернативной мотивации в речи ребенка раннего возраста // КИС, 2004. С. 51-53.

Коротких О.А. Выражения извинения в речи подростков // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 85.

Кухальская Ю.М. Отражение типов детской психологии в общении персонажей книг о Винни-Пухе // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 68-69.

Лапотько А.Г. Формирование системы культурных концептов у школьников // ЯНК, 1997. С. 49-50.

Лебедева А. Особенности общения в школьном коллективе // КО, 2006, вып. 17. С. 119-120.

Лемяскина Н.А. (Воронеж) Публикации по проблемам возрастного коммуникативного поведения и сознания // КИС, 2005. С. 232-239.

Лемяскина Н.А. Бытовой дискурс в коммуникативном поведении младшего школьника // Текст-дискурс-картина мира, 2005, вып. 1. С. 198-207.

Лемяскина Н.А. Вербальное поощрение: коммуникативные ожидания ребенка // ЯНС, 1999, вып. 2. С. 188-191.

Лемяскина Н.А. Детский менталитет и коммуникативное поведение младшего школьника // ЯНС, 1998. С. 70.

Лемяскина Н.А. Детский менталитет и коммуникативное поведение ребенка // ЯНС, 1998, вып. 1. С. 70.

Лемяскина Н.А. Категория «иностранный язык» в коммуникативном сознании младшего школьника // ЯНС, 2002. Вып. 3. С. 93-97.

Лемяскина Н.А. Категория вежливость в коммуникативном сознании младших школьников и ее проявление в общении с окружающими // КП, 2003, вып. 17. С. 94-101.

Лемяскина Н.А. Категория иностранный язык в коммуникативном сознании младшего школьника // ЯНС, 2002, вып. 3. С. 93-96.

Лемяскина Н.А. Коммуникативная категоричность первоклассника // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 51-52.

Лемяскина Н.А. Коммуникативная категоричность первоклассника // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 51-52.

Лемяскина Н.А. Коммуникативная категория «родной язык» в сознании младших школьников // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 83-84.

Лемяскина Н.А. Коммуникативная категория «родной язык» в сознании младшего школьника // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 83-84.

Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника в общении со сверстниками // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 65-66.

Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника в общении со сверстниками // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 65-66.

Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника в семье // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 36-37.

Лемяскина Н.А. Концепт «невежливый человек» в коммуникативном сознании ребенка // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 217-221.

Лемяскина Н.А. Концепты диалог и монолог в коммуникативном сознании младших школьников // ЯНС, 2006, вып. 8. С. 227-230.

Лемяскина Н.А. Лингводидактические проблемы развития коммуникативной личности младшего школьника // ЧИП, 2005. С. 50-53.

Лемяскина Н.А. О формировании концепта «ссора» в коммуникативном сознании младшего школьника // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 106.

Лемяскина Н.А. О формировании концепта «ссора» в коммуникативном сознании младшего школьника // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 106.

Лемяскина Н.А. Особенности коммуникативного поведения младших школьников // КОиФ, 1997, вып. 4. С. 55.

Лемяскина Н.А. Особенности монологического коммуникативного поведения младшего школьника // Возрастное КП, 2003, вып. 1. С. 54-66.

Лемяскина Н.А. Особенности понимания и проявления вежливости младшими школьниками // КП, 2003, вып. 17. С. 94-102.

Лемяскина Н.А. Песни-переделки в коммуникативном поведении младшего школьника // КП, 2004, вып. 18. С. 67-68.

Лемяскина Н.А. Песни-переделки в общении младших школьников // КП. Песня как коммуникативный жанр, 2004. С. 67-69.

Лемяскина Н.А. Приоритетные стратегии в коммуникативном поведении первоклассника // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 65-66.

Лемяскина Н.А. Приоритетные стратегии коммуникативного поведения первоклассника // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 65.

Лемяскина Н.А. Проблема эффективного речевого воздействия на младшего школьника // РВ, 2000, вып. 4. С. 48-50.

Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника. Воронеж, 2004. 330 с.

Лемяскина Н.А. Речевой жанр «болтовня» в коммуникативном поведении младшего школьника // ЯНС, 2005, вып. 7. С. 233-237.

Лемяскина Н.А. Содержание концепта «спор» в коммуникативном сознании ребенка // ЧИП, 2003. С. 156-159.

Лемяскина Н.А. Содержание концепта «спор» в коммуникативном сознании младшего школьника // ЧИП, 2003. С. 156-159.

Лемяскина Н.А. Содержание некоторых концептов в сознании первокласасника // МПКЛ, 2001. С. 166-168.

Лемяскина Н.А. Содержание некоторых концептов в сознании первоклассника // МПКЛ, 2001. С. 166-169.

Лемяскина Н.А. Формирование коммуникативной категории «вежливость» в сознании младшего школьника // ЯНС, 2003, вып. 4. С. 133-139.

Лемяскина Н.А. Формирование коммуникативной категории «вежливость» в сознании младшего школьника // ЯНС, 2003, вып. 4. С. 133-139.

Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000. 195 с.

Маркова Л.А. Иностранные и русский языки в коммуникативном сознании молодежи // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 87.

Марочкин А.И. Жаргон школьников как компонент молодежного жаргона // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 41.

Маслова О.О. Формирование коммуникативной модели дошкольника средствами художественного текста на материале рассказа О. Григорьева «Летний день» и сказки Л. Кэррола «Алиса в стране Чудес» // ЧИП, 2003. С. 164-169.

Мякотина Т.А. Особенности коммуникативного поведения учащихся 7-х классов // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 53.

Новоселова Н.А. Формирование культуры толерантного общения учащихся в процессе изучения иностранного языка // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 145-146.

Пастухова Е.Э. Коммуникативное поведение младших подростков в условиях конфликта // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 59-69.

Пастухова Е.Э. Коммуникативный идеал учителя в сознании младшего подростка // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 107.

Пастухова Е.Э. Понятие «вежливость» как коммуникативная категория в сознании младшего подростка // КП, 2003, вып. 17. С. 102-105.

Пастухова Е.Э. Понятие «общение» как коммуникативная категория в сознании младшего подростка // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 47-53.

Пастухова Е.Э. Понятие «общение» как коммуникативная категория в сознании младшего подростка // Финское и русское КП, 2004, вып. 4. С. 21-30.

Пастухова Е.Э. Языковая личность школьника и предмет «Культура общения» // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 21.

Петрайтене М.В. Характер общения в семье и представления дошкольников о родителях // КОиФ, 2002, вып. 9. С. 86.

Погребкова Т.В. Коммуникативное пространство школьника: принцип пересечения? // ЧИП, 2003. С. 125-126.

Полюкова Т.И. Коммуникативное поведение младших и старших школьников: проблема сходства // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 40.

Прончева О.А., Лапотько А.Г. Понимание иноязычных слов воронежскими школьниками // КИС, 2004. С. 83-88.

Разенкова Е. Восприятие молодежью языка рекламы // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 105.

Ручкина Н. Темы общения современной молодежи // КОиФ, 2003. Вып. 11. С. 72.

Свиридова В. Коммуникативное поведение детей, страдающих синдромом Дауна // КОиФ, 2006, вып. 16. С. 24-26.

Седых Л.В. Виды диагностирующего тестирования учащихся (к вопросу о диагностике общекультурной компетентности) // ЧИП, 2006, вып. 6. С. 12-17.

Селезнева Г.Я. Речевая игра во фразеологии старшеклассников // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 66-67.

Тавдгиридзе Л.А. Возрастная динамика развития концепта «русский язык» // ЯНС, вып. 7, 2005. С. 237-244.

Татаринцева Л.В. Эмоциональное воздействие в процессе педагогического общения в начальной школе // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 69-70.

Тисленкова И.А. Общение родителей и детей: отражение конфликта поколений в речи говорящих старшего возраста (на материале пьесы Д. Гера «Залив в Ницце» 1986 г. // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 70-75.

Тисленкова И.А. Пословица в речи пожилого человека // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 84.

Турьева Е. Экспериментальное изучение концепта счастье в сознании современной молодежи // КОиФ, 2005, вып. 15. С. 76-77.

Ушакова О. Нелитературная лексика в речи старшеклассников // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 107-108.

Чернышова Е.Б. Вежливость в коммуникативном поведении шестилетних детей // КП, 2003, вып. 17. С. 74-93.

Чернышова Е.Б. К вопросу о динамике развития коммуникативного сознания дошкольника // ЧИП, 2003. С. 155.

Чернышова Е.Б. Категория «контактность» в коммуникативном сознании дошкольника // КОиФ, 2004, вып. 12. С. 53-57.

Чернышова Е.Б. Коммуникативная категоричность в общении дошкольников // КОиФ, 2000, вып. 7. С. 64-65.

Чернышова Е.Б. Коммуникативная подготовка ребенка к школе // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 37-38.

Чернышова Е.Б. Концепт вежливость в детском коммуникативном сознании // МПКЛ, 2001. С. 163-165.

Чернышова Е.Б. Особенности коммуникативного поведения детей народов Северного Кавказа //ЯНС, 1998. С. 69.

Чернышова Е.Б. Особенности проявления вежливости старших дошкольников в общении со сверстниками // КОиФ, 2003, вып. 10. С. 103-105.

Чернышова Е.Б. Особенности этикетного общения шестилетних детей с различными категориями собеседников // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 67-68.

Чернышова Е.Б. Языковые средства выражения коммуникативной категоричности при общении шестилетнего ребенка со сверстниками // КОиФ, 2001, вып. 8. С. 44-47.

Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника. Воронеж, 2004. 210 с.

Шаманова М.В. Формирование категории общение в сознании дошкольника и первоклассника // КОиФ, 2005, вып. 14. С. 76-78.

Шевцова Т. «Интеллигентный человек», «интеллигент» в языковом сознании современного школьника // КОиФ, 2006, вып. 17. С. 86-87.

Шмойлов А.И. Коммуникативность в художественном восприятии народного искусства младшими школьниками // КОиФ, 1999, вып. 6. С. 70-72.

Шмойлов А.И. Специфика общения с младшими школьниками на занятиях декоративно-прикладным искусством // КОиФ, 1998, вып. 5. С. 112.

Диссертации
по проблемам коммуникативного поведения
и коммуникативного сознания,
защищенные в Воронежском университете

Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего. 10.02.19. Воронеж, 1994. Руководитель И.А.Стернин.

Марочкин А,И. Лексико-фразеологические особенности молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Воронежа). 1998. 10.02.01. Руководитель И.А.Стернин.

Никитина С.В.. Национальная специфика текста промышленной рекламы (на материале русскоязычных и англоязычных периодических изданий по вычислительной технике). 1998. 10.02.19. Руководитель И.А.Стернин.

Шилихина К.М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах. 1999. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин.

Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. 1999г. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин.

Шаманова М.В.Лексико-фразеологическое поле «общение» в современном русском языке. 2000. 10.02.01 -русский язык. Рук. И.А.Стернин.

Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре общения. Воронеж, 2000.10.02.19. Рук. И.А.Стернин.

Стеблецова А.О. Национально-культурная специфика делового текста (на материале английского и русского языков).2001.10.02.19. Рук. И.А.Стернин.

Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование). 2001. 10.02.19.Рук. И.А.Стернин.

Чернышова Е.Б. Коммуникативное поведение дошкольника (психолингвистическое исследование). 2001. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин.

Серебрякова Р.В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы и комплимента в русской и английской коммуникативных культурах. 10.02.19.Воронеж, 2002.

Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников). 2002. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин.

Полякова Е.К. Риторический идеал в русском коммуникативном сознании (психолингвистическое исследование). Воронеж, 2003. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин.

Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации (докторская диссертация). Воронеж, 2004. 10.02.19. Конс. И.А.Стернин.

Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника) (докторская диссертация). Воронеж, 2004. 10.02.19. Конс.И.А.Стернин.

Гетте Е.Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин. Воронеж, 2004.

Стрельникова М.А. Национальные особенности речевого жанра интервью в российской и американской коммуникативных культурах. Воронеж, 2005. 10.02.19.Рук. И.А.Стернин.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога. Воронеж, 2005. 10.02.19. Рук. И.А.Стернин.

Тавдгиридзе Л.А.. Концепт «русский язык» в русском языковом сознании. Воронеж, 2005. 10.02.01. Рук. И.А.Стернин.

Использованные сокращения:

КП – коммуникативное поведение
ЯНС - Язык и национальное сознание
КОиФ – Культура общения и ее формирование
ЧИП - Человек в информационном пространстве
КИС – Коммуникативные исследования

Материалы библиографического раздела
подготовлены А.В.Рудаковой, Н.А.Лемяскиной,
М.С.Саломатиной, И.А.Стерниным.